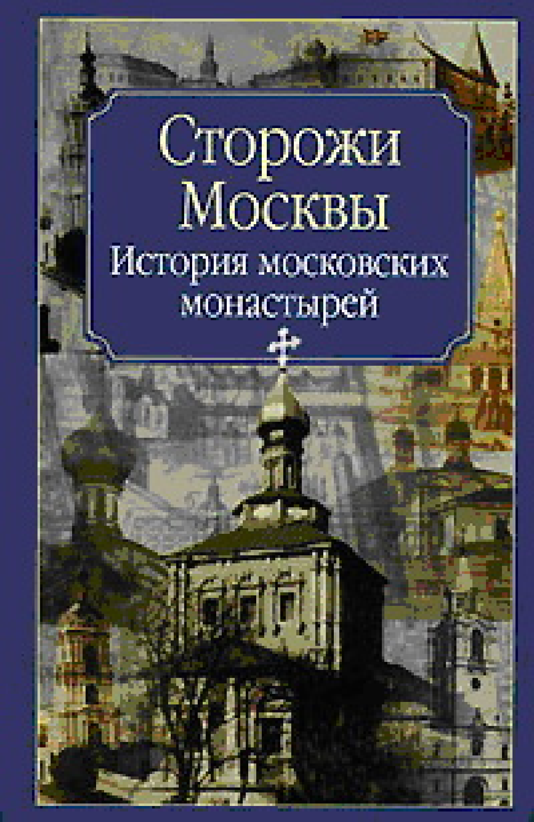

Сторожи
Москвы
История московских
монастырей

Нина Молева
Сторожи Москвы

«Сторожи Москвы»: ООО Агентство „КРПА Олимп“; Москва; 2007
ISBN 5-7390-1997-4

Аннотация

Сторожи – древнее название монастырей, что стояли на охране земель Руси. Сторожа – это не только средоточение веры, но и оплот средневекового образования, организатор торговли и ремесел.

О двадцати четырех монастырях Москвы, одни из которых безвозвратно утеряны, а другие стоят и поныне – новая книга историка и искусствоведа, известного писателя Нины Молевой.

Нина Михайловна Молева
Сторожи Москвы

Предисловие

СТОРОЖА – стереженье, охрана, оберег, караулы, передовой отряд войска. «Без сторожи плох будешь», «Для опаски сторожу поставить», «Аз пришел есмь в сторожех, по мне идет полк».

Толковый словарь В.И.Даля

Лес был глухой. Дремучий. Неохотно уступавший вьющимся среди корней ручьям, незаметно сливавшимся в речки. Тем более болотам, перекрывавшим каждое устье.

Будущая Московская земля – никакие экспедиции и дискуссии археологов еще не позволяют достаточно точно сказать, когда пришел сюда человек. Все ограничивается редкими находками и многочисленными предположениями. Пять или шесть тысяч лет назад? Бесспорно одно – это случилось в каменном веке.

Каменный век, иначе эпоха палеолита, слишком широк в своих границах: от 80-го до 13-го тысячелетия до нашей эры. Покрывавший Подмосковье ледяной покров время от

времени отступал на север, а за ним туда же тянулся растительный и животный мир.

Тепла хватало ровно настолько, чтобы образовалась тундра. Пологие возвышенности среди множества речек, озер и болот покрывала низкорослая зелень. Были там брусника, багульник, копытень, по-прежнему привычные для Подмосковья, по-прежнему входящие в народную аптеку.

Знаменитый голландский путешественник и художник, посетивший Россию на переломе XVII–XVIII столетий, Корнелис де Брюин долгие месяцы провел в особенно полюбившейся ему Москве. Ее заваленные снедью рынки поражали воображение европейца. Де Брюин не мог не заметить, что брусникой заросли все пригороды столицы и что москвичи предпочитают ее настой всем прохладительным напиткам и уж непременно используют как жаропонижающее. Отчего бы ни поднималась температура – начиналась «горячка», около больного тут же появлялась моченая брусника с патокой.

Вечнозеленый пушистый кустарник багульника годился на все случаи жизни – от простуды, ревматических болей, астмы, любых эпидемических заболеваний, коровам, лошадям, свиньям при многих их болезнях до нашествия моли, от которой сухими веточками перекладывалось добро в укладках и сундуках.

Стелющемуся по земле, похожему своими листьями на след конского копыта копытню приписывалось также множество лечебных свойств, но главное – способность вылечивать от пьянства. Столовая ложка отвара, влитая в стакан водки, способна вызвать на долгие годы отвращение к алкоголю.

И до сих пор эти растения не потеряли своих свойств, особенно для тех людей, кто родился там, где эта зелень выросла.

Сохранились от каменного века не одни растения. Москва окружена множеством озер ледникового происхождения.

На Рогачевском шоссе, у села Озерецкого, три озера – Долгое, Круглое и Нерское, сохранившиеся как части гигантского ледникового водоема. Характерной овальной формы, они словно тонут в сплошных торфяниках, из которых берет свое начало живописная Воря.

В двадцати километрах от станции Тучково, Смоленского направления, в таких же топких местах лежит озеро Глубокое. В ледниковый период задерживаемые холмами и впадинами талые воды образовали здесь огромный водоем. Его глубина и сейчас местами достигает без малого сорока метров. Но само водное зеркало постепенно начало заболачиваться и зарастать – слишком хорошей средой для водорослей и растений стали отложившиеся на дне так называемые черные юрские глины. И только птицы, летящие на юг и возвращающиеся по весне на север, по-прежнему опускаются здесь на отдых, да все так же берет свое начало речка Малая Истра.

Озеро Киево, в километре от станции Лобня, Савеловского направления, – мир чаек, одна из самых крупных их колоний в Европе. До трех тысяч пар выводят здесь птенцов, умещаясь на площади около двадцати гектаров, теснясь на топких болотах и – настоящее чудо! – на большом плавающем острове из густо переплетенных корневищ водолюбивых растений. И это притом, что глубина озера не превышает полутора метров.

Стоит вспомнить и о доледниковом рельефе земли – он хорошо сохранился в знакомой москвичам Теплостанской возвышенности: от Ясенева и Беляево-Богородского до излучины Москвы-реки у Лужников. Пусть ей и далеко до настоящих гор, но все же она достигает 253 метров над уровнем моря и 130 над уровнем реки.

Человек скорее всего ступил на эту землю примерно 23 тысячелетия назад, когда граница материкового льда проходила по Верхней Волге. Находки в Рублеве и Крылатском свидетельствуют, что водились здесь в те времена мамонты, первобытные быки, мускусные овцебыки и северные олени. На берегу Сходни, рядом с Братцевом, археологами обнаружена часть черепа неандертальца.

Само название древнейших жителей Европы – неандертальцев происходит от долины реки Неандра, вблизи Дюссельдорфа, где их останки впервые обнаружили ученые. Найденный под Москвой неандерталец принадлежит к виду так называемого человека

разумного, по латыни homo sapiens, хотя и сохранил многие архаичные черты. Одна из них – сплошной надбровный валик вместо отдельных надбровных дуг.

Пока это единичная находка. Ни мест стоянок, ни орудий, которые могли бы принадлежать этому человеку, не найдено. Зато их достаточно много на левом берегу Клязьмы, вблизи города Владимира. Здесь и остатки костров, которые разводились в специально вырытых ямах – своеобразных очагах, и кости употреблявшихся в пищу животных, и раскрашивавшиеся красной краской изделия из тесаного камня и кости.

В самой Москве наиболее древние стоянки обнаружены на берегу Химкинского водохранилища, близ деревни Алешино, в Серебряном Бору, у Троице-Лыкова, Щукина, Коломенского и на Крутицах, в районе Крутицкого переулка. Отдельные же находки попадались у Покровских ворот, в Зарядье и у Крымского Вала.

Еще шире география находок следующей по времени – фатьяновской культуры, получившей свое название от деревни Фатьяново, близ Ярославля, где впервые был открыт относящийся к ней могильник. Второе тысячелетие до нашей эры – каменные орудия этого периода археологи находили в Крылатском и Чертанове, на Софийской набережной и Русаковской улице, в Сивцевом Вражке и на Бутырском хуторе, в Перове и Дорогомилове. Следы бронзового века обнаружены в Зюзине, а кремневые дротики и сверленые каменные топоры – в Кремле. Но особенно богаты открытиями могильники. Их в Москве пока известно два: в Давыдкове и Спас-Тушине, иначе – в урочище Барышиха.

Фатьяновцы впервые приступили к литью бронзы. Основным их занятием было скотоводство – держали они коров, овец, коз, свиней. Знали культ предков, солнца и медведя. Входила их культура в состав большой культурно-исторической общности, так называемой культуры боевых топоров, которую создали древние индоевропейские племена.

Но сегодня исследователи все больше склоняются к тому, что жили фатьяновцы южнее собственно московских земель, по какой-то причине поднялись на север. Существовали обособленно от других племен, не воюя, но и не смешиваясь с ними, затем то ли переселились на новые места, то ли вымерли.

На смену фатьяновской приходит дьяковская культура, и вместе с ней человек вступает в нашу эру. Ее временные границы: от VIII–VI веков до нашей эры до VI–VII столетия после Рождества Христова. Названная по селу Дьяково, около Коломенского, где впервые исследовалось принадлежащее к ней городище, дьяковская культура была распространена между Окой и Волгой, на всем Верхнем Поволжье и Валдае.

Значительно увеличилось население московских земель. Изменились условия его жизни. Если раньше стоянки устраивались как можно ближе к воде, то новые селения поднимались на высокие речные берега и старательно защищались. Почти каждый мыс Москвы-реки был обжит и обустроен дьяковцами.

Незащищенные селения назывались селищами, те, вокруг которых насыпались высокие валы и рылись рвы, – городищами. Суффикс «ищ» означал не большие размеры, но существование в прошедшем времени. Как сегодня кострищем называется место погасшего костра или пепелищем – место былого пожара. В городищах легче было сохранять от вражеских набегов людей, скотину и запасы зерна. Человек переходил к оседлому скотоводству и земледелию.

Большими дьяковские поселения не были. Несколько десятков человек, живших в каждом из них, представляли членов одного рода. Каждая семья имела отдельное жилище – полуземлянку с круглой конической кровлей или наземный дом площадью 50–70 квадратных метров из нетолстых, промазанных глиной бревен, с двускатной крышей.

Существовал и иной вид поселений: все жилища пристраивались по периметру к оборонительной стене. Каждая семья пользовалась отдельным отсеком, где имела собственный очаг. Середина же городища служила загоном для скота.

В Москве найдены следы многих городищ и селищ. Селища – в Кремле, Химках, у Воробьевых гор, в Филях, Алешине, городища – в Нижних Котлах, Капотне, Тушине, на Сетуни, в Кунцеве, Мамонове, Дьякове. В старом Кунцевском парке – это мыс с плоской,

укрепленной тремя валами вершиной. На вершину холма ведет древний съезд.

А во второй половине I тысячелетия нашей эры начинается заселение московских земель собственно славянами (VI–VII в.). До этого восточные части территории дьяковской культуры занимали финноугорские племена, предки мери, веси и других племен, как называли их летописцы, западные же части – балты. Собственно Москву заселяют славяне из племенного союза вятичей. Они долгое время развивались обособленно от могучего государственного объединения восточных славян – Киевской Руси. Лесной вятический край даже при Владимире Мономахе, т. е. в XII веке, считался неизведанной, к тому же заселенной язычниками землей. Хотя Киев и надеялся на последующее его присоединение.

Ранние погребения вятичей связаны с существовавшим у них обычаем сжигания умерших. Позднее они обращаются к курганным захоронениям, которые сохраняются и после принятия христианства. Курганным насыпям обычно придавалась полукруглая форма, и были они небольшими – не выше двух метров. Почти в каждом сохранились остатки поминальной тризны – угли от костра, черепки разбитой посуды, кости животных. Женщин независимо от возраста хоронили в свадебном уборе.

Одевались вятичи в шерстяные и льняные ткани собственного, реже привозного производства. Ввозились к ним главным образом шелка. В племенной убор входили бронзовые или серебряные височные кольца, хрустальные и сердоликовые бусы, ажурные бронзовые перстни, разнообразные браслеты. И – кожаная обувь.

Курганы славян-вятичей разбросаны по всей территории нынешней Москвы. Это Коньково, Голубино, Зюзино, Тропарево, Ясенево, Фили, Царицыно, Узкое, Теплый Стан, Деревлево, Раменское, Крылатское, Орехово, Борисово, Чертаново, Шипилово, Чагино. Селища XII–XIII веков есть и на берегу Головинского пруда, и на Садово-Кудринской площади, и в устье Яузы, а городища – на Самотеке, около Лыщикова переулка, рядом с Андроньевским монастырем, на Остоженке.

Торгово-ремесленный поселок вятичей на Боровицком мысу Москвы-реки рано выделился среди других. Это объяснялось проходившими около него торговыми путями. С VIII столетия по Москве-реке и ее притокам шла очень оживленная торговля между Востоком и Западом. Купцы из Средней Азии и Ближнего Востока, проплывая по Волге, Оке, Москве к торговым центрам Севера и Северо-Запада, задерживались и торговали на земле вятичей. Это был действительно Великий Волжский путь, куда более древний, чем знаменитый «из варяг в греки» по Днепру. О нем говорят находки археологов в черте нынешней столицы – арабские монеты IX–XI веков.

Этому водному пути соответствовала и сухопутная дорога к Новгороду. Когда в 1135 году появился город Волоколамск, она получила название Волоцкой. Шла дорога через Москву-реку, бродом в районе Каменного моста, иначе говоря – под самым Боровицким холмом. В этом же месте ее пересекал путь из Киева в Смоленск и на Северо-Восток. Тем самым поселок на Боровицком холме поддерживал и контролировал этот важнейший перекресток сухопутий.

Можно предположить, что в действительности на холме располагалось даже целых два поселка. Один занимал вершину, в районе нынешней Соборной площади, другой, значительно меньший, находился на оконечности мыса – при впадении Неглинной в Москву-реку. Каждый из них имел круговое укрепление из рва и вала с частоколом. Окружавшие их посады развивались вдоль Москвы-реки и Неглинной. Раскопки «конюшни» на склоне Неглинной позволяют увидеть здесь часть постоялого двора. Эта часть посада была ближе к узлу торговых путей, другая, тянувшаяся вдоль Москвы-реки, была занята пристанями.

ГРАД – МОСКОВ

Как же будет молодец у реки Смородины,
А и взмолится молодец:
А и ты мать быстра река,

Ты быстра река Смородина!
Ты скажи мне быстра река,
Ты про броды конные,
Про мосточки калиновы,
Перевозы частые…
Провещится быстра река
Человеческим голосом,
Да и душой красной девицей:
«Я скажу те, добрый молодец,
Я про броды конные,
Про мосточки калиновы,
Перевозы частые.
С броду конного
Я беру по добру коню;
С перевозу частого
По седеличку черкесскому;
С мосточку калинова
По удалому молодцу;
А тебя безвременного (незадачливого) молодца
Я и так тебя пропущу».
Переехал молодец
За реку за Смородину.
Он отъехал как бы версту-другую,
Он глупым разумом похваляется:
«А сказали про быстру реку Смородину —
Ни пройти, ни проехати,
Ни пешему, ни конному, —
Она хуже, быстра река,
Тое лужи дождевыя!»
…Воротился молодец
За реку за Смородину…
Нельзя, чтоб не ехати
За реку за Смородину:
Не узнал добрый молодец
Того броду конного,
Не увидел молодец
Перевозу частого,
Не нашел молодец
Он мосточку калинова.
Поехал молодец
Он глубокими омуты
Да и стал тонуть.
А и взмолился молодец:
«А и ты мать быстра река,
Ты быстра река Смородина!
К чему ты меня топишь
Безвременного молодца?»
Провещится быстра река
Человеческим языком,
Она душой красной девицей:
«Безвременный молодец! Не я тебя топлю
…Топит тебя, молодец,

Похвальба твоя – пагуба…»
Утонул добрый молодец
Во Москве реке Смородине.

Древние стихотворения Кирши Данилова. Москва. 1818

Вода – она играла в судьбе поселка на Боровицком холме немалую, если не решающую, роль. Слов нет, прокладывались – «теребились» пути и через лесную глухомань, но куда удобней для тех же целей оказывались реки с бесчисленными притоками. В Московской области их даже сегодня насчитывается около двух тысяч. Из них 912 входят в бассейн собственно Москвы-реки, 700 – в бассейны Клязьмы и Верхней Волги, остальные забирает Ока.

Сама Москва легко могла стать северной Венецией с протекающими по ее землям ста двадцатью ручьями и реками. Могла бы. Но более ста из них да еще семьсот прудов, множество стариц и болот сегодня либо засыпано, либо заключено в трубы. Былые реки, лощины, овраги давно превращены в проезды, улицы, гораздо реже – в скверы. Буквально на наших глазах едва не погибли знаменитые Патриаршьи пруды, сохраненные только непреклонной волей москвичей.

С северо-запада селение на Боровицком холме имело дополнительную защиту в виде промоины естественного происхождения, возникшей от срастания двух оврагов, которые прорезали берега Неглинной. Один проходил у Троицких ворот нынешнего Кремля, другой – между 2-й Безымянной и Петровской башнями. Эта промоина служила фортификационным сооружением еще в дославянские времена.

Народ селился здесь охотно, так что на территории современной столицы даже в домонгольский период располагалось не менее ста славянских поселений. О той же высокой плотности населения свидетельствуют и многочисленные курганные группы. Их в пределах Москвы более семидесяти, и каждая служила некрополем местного поселения.

К тому же существовали, по свидетельству преданий, вокруг основного поселения «красные села», во всяком случае на месте Высокопетровского монастыря и на северо-востоке Китай-города.

Сегодня археологи уже не сомневаются (на основании раскопок) – феодальный «град Московъ» существовал еще в XI веке, а в течение последующих двух столетий он превратился в крепость с прилегавшим предградьем – посадами. В период феодальной раздробленности и борьбы за великое Киевское княжение владимиро-суздальские князья потянулись к «Москову»: необходимость выхода к узлу главных дорог Руси имела слишком большое значение.

Больше двадцати лет один из младших сыновей Владимира Мономаха, Юрий Владимирович Долгорукий, мечтает о полноте отцовской власти. В пылу жаркой борьбы один за другим поднимаются на отеческий престол его родные братья. Семь лет правит в Киеве Мстислав Великий, столько же сменивший его брат Ярополк. После Ярополка Монаховичам не удается удержать престола – семь лет его занимает Всеволод II, из так называемой черниговской ветви потомков Владимира Святого. Сын Мстислава Великого – Изяслав II возвращает в семью власть над Киевом.

Между тем, как рассказывает Ипатьевская летопись, в 1147 году зовет Юрий Владимирович на встречу очередного своего союзника, князя Новгород-Северского и Черниговского Святослава Ольговича: «Приди, брате, ко мне в Москов».

Святослав Ольгович недавно вынужден был бежать в лесной Суздальский край из начисто разграбленного собственного дома и хозяйства. Князья-родичи опустошили его Новгород-Северскую волость и собственную усадьбу князя в Путивле. Увели они семьсот человек дворни, три тысячи кобылиц и тысячу коней, не считая несметного множества «готовизны» – продовольственных запасов.

С остатками дружины, женой и детьми добрался князь до суздальской Оки и остановился в устье Поротвы, куда Юрий Долгорукий послал ему богатую «встречу» и дары

каждому из прибывших «паволокою» – дорогими тканями и «скорою» – мехами.

Не замедлил расчетливый Юрий Владимирович воспользоваться ратным искусством беглеца – дал ему «воевать» по зимнему пути Смоленскую волость вверх по Поротве, а сам направился «воевать» новгородские волости.

Святославу удалось успешно дойти до верховьев Поротвы и занять город Людогощ, Юрию – Новый Торг. На обратном пути из Нового Торга в родной Суздаль шел Юрий Владимирович через Волок Ламский, откуда, скорее всего, и послал приглашение соратнику, благо была Москва к тому времени местом и благоустроенным, и достаточно богатым.

Святослав Ольгович поехал на встречу с небольшим числом воинов и в знак особого доверия Долгорукому выслал вперед своего маленького сына Олега, который получил почетнейший подарок – «пардус», иначе – шкуру барса.

Встреча состоялась 4 апреля 1147 года, на пятой неделе Великого поста, в канун праздника Похвалы Богородицы. Князья радостно расцеловались «тако возвеселишеся вкупе», по словам летописца. А на следующий день довольный ходом дела Долгорукий приказал устроить «обед силен», одарил всех гостей и княжескую дружину щедрыми подарками и тут же сосватал свою дочь за малютку Олега Святославича. Венчание молодых состоялось спустя три года.

Возраст для брака в то время никакого значения не имел. Жизнь заставляла рано взрослеть. На коня садились, едва начав ходить. В двенадцать лет участвовали в сражениях наравне со взрослыми воинами. Ратный век князя начинался и кончался обычно очень рано.

Приходилось торопиться обзавестись семьей, наследниками, чтобы было кому передать навоеванное и нажитое.

Союз Юрия Долгорукого со Святославом Ольговичем оказался недолгим. Уже на следующий год щедро одаренный суздальским князем Святослав соединился с его врагом Изяславом, и Юрию Владимировичу пришлось выступить против обоих. Измена оказалась тем тяжелее, что Изяслав пригласил себе на помощь венгров, богемцев и поляков.

И все же 20 марта 1155 года Юрию Владимировичу удается очистить от врагов Киев и торжественно въехать в столицу. В продолжавшихся распрях он принимает решение, о котором сообщает в 1156 году Тверская летопись: «Князь великий Юрий Володимеричь заложи град Москву на усте же Неглинны, выше реки Аузы».

Заложить град не означало основать город, но построить укрепление. Москва уже располагала достаточными оборонными сооружениями. Ее окружал семисотметровой длины земляной вал с частоколом на гребне и глубоким рвом.

Теперь площадь града была значительно увеличена. Длина стен достигла 1200 метров. Ров стал пятиметровой глубины, ширина его увеличилась до 12–14 метров.

Но как бы быстро ни сооружалась новая крепость на Москве-реке, это не снимает вопросов о ее действительном строителе. Через считаные месяцы после решения о строительстве укреплений на Боровицком холме Юрия Долгорукова не стало. В 1157 году власть перешла к его второму сыну от половецкой княжны, дочери хана Аэпы, Андрею Юрьевичу Боголюбскому.

Отважный воин и искусный полководец, Андрей Юрьевич характером пошел в деда, Владимира Мономаха. Сражений не любил и, хотя сопровождал отца во всех его походах, был, по свидетельству летописца, «не величав на ратный чин, но похвалы ища от Бога».

Киева князь Андрей Юрьевич не любил, сердцем тянулся к суздальским землям и постоянно убеждал отца: «Нам, батюшка, здесь делать нечего, уйдем на тепло». Неприязнь Андрея к Киеву оставалась так велика, что даже вопреки воле отца он оставил данный ему для княжения Вышгород, под Киевом, и направился в суздальские земли, захватив с собой единственное сокровище – написанную, по преданию, Евангелистом Лукой икону Божьей Матери. Конь, который вез обоз, внезапно остановился как вкопанный в одиннадцати верстах от Владимира. На этом месте Андрей Юрьевич и заложил свое княжеское селение – Боголюбово, а икона, ныне хранящаяся в Третьяковской галерее, стала называться Владимирской.

После смерти Юрия Долгорукого ростовчане и суздальцы, как повествует летописец, «задумавшеся, пояша (взяли) Андрея, сына его старейшего, и посадиша и в Ростове на отни (отеческом) столе и Суждали, занеже бе любим всеми за премногую его добродетель, юже имяше преже к Богу и ко всем сущим под ним». Ему-то и довелось стать действительным строителем обновленного Москова.

Рождение Москвы связывалось еще с одним именем – полулегендарного боярина Стефана Ивановича Кучки, владевшего землями по Москве-реке и жившего в собственном селе на месте нынешних Сретинских ворот. Юрий Долгорукий воспользовался некой вымышленной или действительной провинностью Кучки, чтобы захватить его владения. Дочь боярина Улита была насильно выдана замуж за Андрея Юрьевича, но не смирилась ни с гибелью отца, ни с собственной поруганной честью. 28 июня 1174 года она приняла участие в заговоре против мужа и погибла от ран.

И вот археологическая находка наших дней, как будто вновь вызвавшая к жизни те далекие времена. На месте древнего московского кладбища, на Соборной площади Кремля, было открыто женское погребение, а в нем остатки богатейшей женской одежды. Обвивавшаяся вокруг головы шитая зелеными нитками лента – ожерелье и шитое золотом обрамление вокруг шеи. Входили они в наряд, который надевался на женщину дважды – в день свадьбы и в день похорон. Возраст знатной москвички и характер ран, от которых она умерла, позволяют предполагать, что это останки княгини Улиты Боголюбской.

В заговоре против Андрея Боголюбского, кроме княгини, приняли участие шурин князя Яким Кучков, стремившийся отомстить за смерть брата, зять шурина Петр и любимый княжеский ключник Анбал, «ясин» – родом с Кавказа. Всего заговорщиков собралось около двадцати человек. Ключник заранее спрятал меч князя, и Андрей оказался безоружным перед яростно накинувшимися на него заговорщиками.

Но даже голыми руками он долго боролся с врагами, так что им пришлось дважды добивать его. Два дня потом тело князя лежало на паперти церкви – никому не давали ни приблизиться к нему, ни войти в храм. Когда же князя – воина и строителя понесли под его стягом на погребение, народ во Владимире горько плакал.

Летопись сохранила слова верного слуги князя, киевлянина Кузьмы: «Уж и тебя, господин, и холопи твои знать не хотят; а бывало, придет ли гость из Царьграда, или из иной какой-нибудь страны, из Руси ли, латынец, христианин или поганый, ты прикажешь повести его в церковь, в ризницу, пусть посмотрит на истинное христианство и крестится, что и бывало: крестились и болгары, и жидви, и все поганые, видевшие славу Божию и украшение церковное, сильно плачут по тебе, а эти не пускают тебя в церковь положить».

Трагедия гибели Андрея Боголюбского усугубилась тем, что княжеская чета не оставила потомства. Великокняжеский престол перешел к брату Андрея. Наступили страшные годы татаро-монгольского ига.

Лаврентьевская летопись скорбно повествует о начале лихолетья: «В лето 6731 (1223)… Того же лета явились народы, их же никто толком не знает и какого они племени и откуда пришли, и что за язык их, и какого племени и какой веры; и зовут их татары, а иначе называют таумены, а другие печенеги, иные говорят, потому что о них свидетельствовал Мефодий Патарский епископ: пришли они из пустыни Егриевской, лежащей между востоком и севером; как говорит Мефодий: как к концу света… попленят всю землю от Ефрата и Тигра до Понетьского моря, кроме Ефиопии. Бог же один ведает, кто они такие и откуда пришли, премудрые мужи знают их хорошо, кто книги читать умеет; мы же не знаем, кто они есть, но здесь вписали о них ради памяти русских князей беды, которая пришла от них… А князья русские пошли и бились с ними, и побеждены были ими и едва избавились от смерти: кому была судьба жить, те бежали, а остальные были побиты…»

В 1238 году начинается нашествие хана Батыя на Москву, и у летописца не хватает слов для описания пережитого: «Татарове поидоша к Москве и взяша Москву… а люди избища от старьца до сущего младенца, а град и церкви святые огневи предаша… и много именья взямше (взяв много имущества. – Авт.), отъидоша…»

Перс Джувейни в своей «Истории завоевателя мира» говорит о разгроме города «М.к.с.», который расшифровывается исследователями как Москва, еще короче и страшнее: «Они оставили только имя его». Кроме «града», сгорели прилегающие «все монастыри и села». Это был год восшествия на великокняжеский престол отца Александра Невского – Ярослава-Федора Всеволодовича.

Успешно воевал Ярослав Всеволодович с осаждавшими Псков и Новгород немцами. И не потому ли, когда пришлось князю ехать на поклон к Батыю, Батый предпочел переправить его к самому великому хану, на берега Амура?

Тяжелой была поездка, еще тяжелее оказалось пребывание в ханской ставке. Против князя был организован заговор, и ханша подала ему за столом отравленное питье. Тяжело больным выехал Ярослав Всеволодович из ставки и на обратном пути скончался. Тело его было перевезено во Владимир и погребено в Успенском соборе. Летописец же отозвался о князе, что он «положи душу своя за други своя и за землю Русскую». Не церковью, но благодарной народной памятью причислен Ярослав Всеволодович к лику святых.

После смерти отца к Батыю за ярлыком на великое княжение пришлось ехать Александру Ярославичу, будущему Невскому. Батый снова отослал князя-воителя в ханскую ставку, в Монголию, – в поездку, которая заняла целых два года.

Видно, был князь не только бесстрашным ратником, но и способным дипломатом, раз удавалось ему у хана трижды оставаться невредимым, да еще получать всяческие послабления для русского народа. В четвертый раз Александру Невскому посчастливилось избавить мужское население от воинской повинности – отныне русские могли не поставлять хану своих отрядов.

Но эта последняя поездка надорвала силы князя. 14 ноября 1263 года, подобно отцу, он умер на обратном пути в родные края в Городце Волжском, имея от роду сорок три года. Во Владимире митрополит Киприан возвестил горожанам о его смерти в таких словах: «Я чада моя милая, разумейте, яко заиде солнце Русской земли». На что присутствующие воскликнули хором: «Погибаем!»

В момент кончины младшему из сыновей Александра Невского – Даниилу было всего два года. Двадцати лет он получил по разделу с братьями в удел Москву. Москва впервые обрела своего князя и превратилась в самостоятельное княжество. Княжение Даниила Александровича Московского продолжалось двадцать лет.

В конце XIII века у Кремля за торгом, с напольной стороны, основывается Богоявленский монастырь, который строится у дороги на Владимир через Переславль, превратившийся также в самостоятельное княжество. Тогда же на древнем пути в Коломну, в беспокойные южные края встает старый Данилов монастырь.

Первый Московский князь… О ком бы, казалось, как не о нем, знать москвичам. Вот только многие ли вспомнят, что именно его имя сохраняют такие известные московские названия, как Даниловская площадь и Даниловская набережная, Даниловский Вал и Даниловский тупик, а еще 4—7-й проезды, не говоря уже о существовавшем в прошлом Даниловом мосте. А это – жизнь, обстоятельства княжения, строительства города!

Монастырь, основанный около 1283 года, стал первым звеном в южном оборонительном поясе города. Первая сторожа, вслед за которой появятся остальные, оберегающие от татарских, да и не только татарских нашествий. Достаточно хотя бы в общих чертах представить себе судьбу князя.

Старый Данилов монастырь.

Родился в 1261 году и потому принимать участие в борьбе за великокняжеский ярлык не мог. Эта борьба развернулась между его старшими братьями – Дмитрием, князем Переславским, и Андреем, князем Городецким, когда поочередно побывали на великокняжеском столе родные братья отца, младшие – Ярослав и Василий. Первым удалось «покняжиться» Дмитрию Александровичу.

Но достаточно было Дмитрию Александровичу отлучиться в Новгород, чтобы утвердиться там на княжении, целый союз русских князей направился в Орду помогать хану Менту-Тимуру воевать непокорных ему кавказцев – алан, или ясов, на Северном Кавказе. Пошли туда Борис Василькович Ростовский, его брат Глеб Василькович Белозерский, Федор Ростиславич Черный Ярославский да и Андрей Александрович Городецкий. Расчет у Андрея был хитрый – подружиться с ханом и перехватить великое княжение у брата.

Поход закончился в 1279 году, а двумя годами позже Андрей Александрович принес жалобу на Дмитрия Александровича в Орду. Поддержку он получил и вместе с татарским войском двинулся к Мурому, где собрал некоторых русских князей, и теперь уже с немалыми силами двинулся к Переславлю, вотчине старшего брата.

Переславль безо всякого труда был взят. Дмитрий Александрович бежал на край Новгородских земель, в Копорье. Андрей Александрович не замедлил прийти во Владимир, щедро наградить татарских союзников и воцариться на великом столе. Но вскоре стало понятно, что распустить войско он поторопился.

Достаточно было Дмитрию Александровичу убедиться, что брата больше нет в Переславле, как он снова появился в своей вотчине и начал собирать дружественных ему людей. Опасность для великого князя стала слишком реальной, и Андрей Александрович опять бросился за помощью в Орду, подтвердил свои права, получил в подкрепление новое татарское войско под командованием ордынца Турай-Темира и пошел походом в родные края.

Оценив неравные возможности, Дмитрий Александрович бежал в приднестровские степи, где действовал отъединившийся от Сарая хан Ногай. Защиту он получил, но все равно в 1283 году ему пришлось возвращаться в свои владения, правда, на условиях примирения. Мысль о мести не оставляла старшего сына Невского, тем более что Андрей каждый раз искал и находил поддержку в Орде.

В 1285 году Дмитрию Александровичу удалось разбить войско брата: отряд татар,

приведенный им из Орды, оказался слишком мал. Зато чаша весов тут же склонилась на сторону Андрея Александровича. В 1293 году Городецкий князь вошел в доверие к очередному хану – Тохте, получил огромное войско под командованием прямого родственника хана и вместе с ним начал «воевать» Суздальскую землю. Были сожжены Москва, Владимир, Коломна, Дмитров, Переславль, Волок, другие города. Андрей Александрович победителем вошел в Новгород. Дмитрию снова оставалось только бегство – на этот раз в Псков.

Новые перипетии, новые сражения, очередной мир, подписанный на условиях отказа Дмитрия Александровича от великого княжения и – как великой милости – возвращения его в Переславль. Но, не доехав до отчины, Дмитрий Александрович в городе Волоке Ламском тяжело заболел, принял постриг и преставился. Андрей Александрович второй раз занял великий Владимирский престол на следующие десять лет. Вот тогда-то и настала очередь воевать Даниила.

Против Андрея Александровича выступили его племянники, в том числе сын покойного Дмитрия, князь Иван Дмитриевич Переславский, а вместе с ним и младший брат Даниил Александрович. Состоявшийся в 1296 году съезд князей во Владимире сумели завершить миром только два вмешавшихся в ожесточенные споры епископа. Даниил был тем, кто и слышать не хотел ни о каких уступках.

Андрей Александрович попробовал говорить с родственниками на языке силы и попросту захватить Переславль, но объединенные войска Михаила Ярославича Тверского и Даниила Александровича Московского заставили его отказаться от своей затеи. Верно и то, что мир удалось заключить только в 1301 году. А между тем князю Дмитрию надо было развязать себе руки, чтобы справиться с крестоносцами, уже построившими в устье Невы крепость Ландскрону.

Подвиг отца Андрею Александровичу удалось повторить. Сразу после заключения мира с родственниками он направился с новгородским войском к устью Невы. Ландскрона была взята и разрушена, крестоносцы в очередной раз разбиты.

Между тем не стало Ивана Дмитриевича Переславского, и Даниил Московский немедленно захватил «выморочный» удел. Потомства его племянник не оставил. Но еще до этого Даниилу удалось совершить удачный поход на Рязань и взять в плен рязанского князя Константина Романовича. Другое дело, что отпущен был Даниилу век недолгий. Он скончался в 1303 году, приняв перед смертью постриг.

До последнего времени не было основания сомневаться в словах летописца, что первую каменную московскую церковь возвели в 1330-х годах в Кремле, на месте нынешнего Успенского собора. В ходе реставрационных работ действительно были обнаружены остатки этого сооружения. Но вот под ними оказались части белокаменного фундамента куда более древнего храма, никаких упоминаний о котором в документах нет. По всей вероятности, именно им первый князь отметил превращение Москвы в самостоятельное государство.

Некоторые исследователи считают, что как раз в Даниловом монастыре первым Московским князем была заложена в 1272 году и первая каменная церковь. Вокруг храма были возведены укрепления – деревянные стены. В обители погребен и сам Даниил Московский. Московский стол перешел к его старшему сыну – Юрию Даниловичу.

И снова историки слишком мало внимания уделяли очередному Московскому князю, хотя его заслуги по возвышению Москвы были немалыми. С первых же своих шагов Юрий Данилович поставил целью занять Владимирский великий стол, по сути, не имея на то никаких преимущественных прав. В этом, как, впрочем, и в твердости нрава, он повторил пример предка – Юрия Долгорукого.

Во время кончины отца Юрий Данилович находился в захваченном им Переславле, по праву принадлежащем великому князю. Горожане поддерживали московских князей, отказывались подчиняться великому князю Андрею Александровичу и даже не захотели отпустить Юрия на похороны отца. В то время как Андрей Александрович отправился в Орду подтверждать свои попранные права, Юрий Данилович вместе с младшими братьями

захватил принадлежащий Смоленскому княжеству Можайск и взятого в плен Смоленского князя Святослава Глебовича привез в Москву.

Данилов монастырь. Общий вид.

На съезде князей в Переславле Юрий одержал полную победу. Несмотря на привезенный великим князем Андреем Александровичем ханский ярлык, он отказался оставить Переславль.

В следующем году великого князя не стало, а Юрий Данилович в 1306 году захватил входившую в Рязанское княжество Коломну. В руках Москвы оказалось все течение Москвы-реки от Можайска до впадения ее в Оку. «Положив глаз» на всю Рязанскую землю, Юрий приказал убить находившегося в Москве в плену еще со времен правления Даниила Александровича Рязанского князя Константина.

В 1311 году не стало городецкого князя, младшего сына великого князя Андрея Александровича. Юрий Данилович немедленно захватил «выморочное» владение и посадил в Городце на княжение своего младшего брата Бориса Даниловича. При новом князе центром этих земель стал Нижний Новгород.

Но главной целью оставался ярлык на великое княжение. Попытка получить его в 1304 году, несмотря на поездку в Орду с богатейшими подарками, результата не принесла. Преимущество было отдано Тверскому князю Михаилу Ярославичу, его двоюродному дяде, который решил сразу же вернуть себе Переславль и предпринял несколько попыток «воевать» Москву. Юрий с братьями, среди которых отличался своей смелостью младший – Иван Данилович, будущий Калита, Москву отстояли, Переславль вынуждены были уступить.

На пару лет междоусобная война утихла, но в 1313 году умер золотоордынский хан Тохта, которому наследовал чингизид Узбек, ставший легендой среди тюркских народов. Это при нем произошел расцвет улуса Джучи и утверждение в нем ислама. Имя Узбека стал носить целый народ.

Как только великий князь Михаил Ярославич отправился к новому хану для подтверждения своих прав, Юрий Данилович въехал в Новгород вместе с младшим братом Афанасием Даниловичем и стал Новгородским князем.

Получив это известие, Михаил Ярославич немедленно собрался в обратный путь. Но расправиться со своим взбунтовавшимся племянником ему не удалось. Предвидя неизбежность битвы, Юрий Данилович решил избежать встречи с великим князем, оставил в Новгороде брата Афанасия, а сам окольными путями направился в Сарай, прихватив богатейшие подарки. Его расчет полностью оправдался. Выиграть битву с великим князем Афанасий Данилович не сумел, попал в плен, зато Юрий Данилович не только обо всем договорился с Узбеком, но еще и получил в жены его сестру Кончаку, в крещении Агафью.

Осенью 1317 года Юрий Данилович прибыл в Кострому для встречи с Михаилом

Тверским. Михаилу Ярославичу пришлось уступить сыну первого Московского князя великое княжение. Впрочем, уступка эта оказалась недолговременной. С большой ратью Юрий Данилович через Переславль-Залесский и Дмитров вступил в Тверское княжество, чтобы уничтожить соперника. Однако события приняли неблагоприятный для него оборот. 22 декабря 1317 года при селе Бортеневе, близ Твери, Московский князь был наголову разгромлен. Его брат Борис Данилович и жена Агафья взяты в плен.

И новый путь в Орду, где Юрий Данилович сообщает хану Узбеку о смерти его сестры в плену у Михаила Тверского – насильственной! – который к тому же якобы замышляет измену и переход к неким «немцам». Для Узбека это был на редкость удачный предлог для разжигания междоусобицы на Руси. Михаил Ярославич был немедленно вызван в Орду и после долгих издевательств и пыток убит 22 ноября 1318 года: у него было вырезано сердце.

С разрешения хана Узбека Юрий Данилович забрал труп своего врага и в дальнейшем променял его на тело своей жены. Михаил Ярославич стал первым мучеником Тверской династии. К лику святых была причислена и его супруга – княгиня Анна Кашинская.

Однако вскоре внимание Юрия Даниловича переключается на западные владения. Его просят о помощи теснимые шведами новгородцы. В 1322 году, после смерти Афанасия Даниловича, правившего в Новгороде, Юрий Данилович совершает из Новгорода поход, чтобы захватить шведскую крепость Выборг. Осада ее оказалась бесполезной, зато во время похода Юрий Данилович основал крепость Орешек в истоках Невы (Нотебург – Шлиссельбург – Петрокрепость), первый русский форпост на Балтике и подписал мир со шведами.

Во время следующего похода Московский князь взял город Устюг Великий и присоединил к новгородским землям верховья Северной Двины. Но подобные успехи могли только настораживать Узбека. Достаточно сыну убитого Михаила Ярославича Тверского Дмитрию Михайловичу обвинить перед Узбеком Московского князя в утаивании части дани, взятой с тверичан, как князь Юрий вызывается в Орду для объяснений.

Юрию Даниловичу понадобилось несколько лет, чтобы собрать средства на соответствующий подарок Узбеку. Но в ханской ставке 21 ноября 1325 года оба князя встретились лицом к лицу. В припадке ярости Дмитрий Михайлович убил Московского князя. Тело Юрия Даниловича было привезено в Москву и похоронено митрополитом Петром в одном из кремлевских храмов. На великокняжеский стол поднялся младший брат убитого – Иван Данилович, по прозвищу Калита.

Крестник будущего московского митрополита святителя Алексея, Иван Калита был фактическим правителем Москвы начиная с 1322 года, поскольку последние годы своей жизни Юрий Данилович находился в походах, в Новгороде, а затем в Орде. Его главным советником был митрополит Петр, по-настоящему поддержавший нового князя тем, что в 1327 году перенес митрополичью кафедру из Владимира в Москву. Он подсказывает Калите необходимость превращения Москвы в духовную столицу русских земель. В августе 1326 года в Кремле был заложен Успенский собор. На новый, 1329 год последовало освящение храма Иоанна Лествичника (основа нынешней колокольни Ивана Великого). Тогда же решено было строить придел Успенского собора – Поклонения веригам апостола Петра, что обращалось к имени митрополита и напоминало о константинопольском храме Святой Софии, где хранилась одна из вериг.

Калита решает построить по аналогии с придворными монастырями Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо придворный мужской монастырь. Для этого к построенной на великокняжеском дворе церкви Преображения были переведены в 1330 году иноки Данилова монастыря. Одновременно закладывается белокаменный Архангельский собор, ставший усыпальницей московских князей. И снова прямой намек на Киев, покровителем которого считался архангел Михаил, изображенный и на гербе города.

Примечательное обстоятельство. В одну из своих поездок в Орду Калита получает в подарок от хана Узбека восточную шапку-тюбетейку, которая со временем отделывается мехом и драгоценными каменьями и получает название шапки Мономаха. Ею начинают

венчаться на царство московские князья.

Наконец в ноябре 1339 года начинается строительство мощных кремлевских стен «в едином дубу», окончания которого Калите не довелось увидеть: он умер 31 марта 1340 года, приняв перед кончиной постриг под именем Анания. Согласно духовной великого князя его земли были разделены между тремя сыновьями: Семеном, Иваном и Андреем.

Обитель на берегу Москвы-реки была забыта, хотя около нее к тому времени уже выросло монастырское поселение Даниловское. Но внимания великих князей она к себе не привлекала вплоть до эпизода с великим князем Иваном III, описанного в «Степенной книге».

Во время поездки великого князя на охоту вблизи Данилова монастыря споткнулся конь под одним из бояр, и перед ним появился светозарный муж со словами: «Не бойся меня, я христианин и господин сего места. Имя мое Даниил, князь Московский. По воле Божьей и положен здесь. Скажи от меня великому князю: „Сам ты утешаешь себя, а меня забыл, но не забыл меня Бог“.

Переданные Ивану III слова видения возымели относительное действие. Великий князь распорядился петь отныне в старом храме соборные панихиды и раздавать милостыню в память о своем предке. Но свою бурную строительную деятельность – в это время шло в Кремле строительство дошедших до наших дней соборов – на древний монастырь не распространил. Решение о возрождении святыни принял его 17-летний внук, Иван Грозный. В 1547 году, одновременно с коронацией на царство.

В январе 1547 года Иван Васильевич объявил боярам и митрополиту Макарию о своем желании принять новый титул – царя. Собственно, и раньше отца и деда Грозного величали иногда царями, но в принципе этот титул применялся к татарскому хану Золотой Орды. Однако уже более полувека, как Орда распалась – в 1480 году. Московское княжество превратилось в единое и независимое государство. Титул царя должен был окончательно подтвердить произошедшие перемены. В свою очередь, закладываемый в Даниловской обители каменный храм в честь Святых Отцов Семи Вселенских Соборов и образование там монастыря на началах общежития свидетельствовали о древности царского рода. Грозный установил: к месту погребения Даниила Александровича Московского ежегодно совершать крестный ход и служить панихиду.

Храм Святых Отцов Семи Вселенских Соборов.

Первый во Вселенской церкви храм с таким посвящением был освящен митрополитом Макарием в 1561 году. А спустя ровно тридцать лет Данилову монастырю пришлось участвовать в обороне Москвы от крымского хана Казы-Гирея.

Нападение это было актом открытого и никак не ожидаемого московским правительством предательства. Брат и с 1588 года преемник крымского хана Ислама, Казы-Гирей жил в полном мире с Москвой. Более того – обменивался дружескими письмами с царем Федором Иоанновичем, вернее, с правившим государством Борисом Годуновым, ограничиваясь набегами на Литву. И в 1591 году внезапно вторгся в пределы Московского государства, перешел Оку, разбил наголову воеводу Бахтеярова и подступил с войском в сто пятьдесят тысяч человек к Москве. И тем не менее здесь его ждал полный разгром, начало которому положило сражение у стен Данилова монастыря. Казы-Гирей вскоре обратился в бегство, оставив значительную часть обоза. Недалеко от Тулы русским удалось взять в плен около тысячи крымчаков.

Все это не помешало Казы-Гирею снова завести переписку с московским царем, просить Федора Иоанновича о возобновлении дружбы, ради которой крымский хан якобы готов был «отложиться» от Порты. Через три года крымчаку удалось добиться примирения с московским царем, получить от него десять тысяч рублей и множество ценных подарков. Денежные дары продолжали удерживать его дружбу вплоть до начала правления «боярского царя» Василия Шуйского.

Уже не против крымчаков, а против мятежных отрядов Ивана Болотникова собирает в 1606 году у стен Данилова монастыря свои дружины народный любимец полководец Михаил Скопин-Шуйский.

Очередные бои развертываются у Данилова монастыря в сентябре 1610 года, когда монастырские стены были сильно повреждены отрядами «Тушинского вора» – Лжедмитрия II. И каждый раз победу одерживают правительственные войска – «под благословенной сенью обители первого нашего князя», как напишут историки XIX столетия.

При первом царе из рода Романовых монастырь полностью восстанавливается и отстраивается. Алексей Михайлович и патриарх Никон приказывают перенести останки князя Даниила Александровича в храм Святых Отцов Семи Вселенских Соборов и положить в серебряную раку. Одновременно князь Даниил был причислен к лику святых Русской православной церкви.

Особенно большие потери несет монастырь во время наполеоновского нашествия. Обитель была полностью разорена и заново восстановлена после победы над Наполеоном. С начала XX века здесь существовала богадельня для служителей церкви и вдов из духовного звания, отличавшаяся, по замечанию современников, особо трогательной заботой о своих подопечных.

Все это время не прекращалась и застройка монастыря. В конце XVII века обитель была обнесена кирпичной стеной с семью башнями и надвратной церковью над северными воротами. В XVIII веке приобретает свой окончательный вид собор Семи Вселенских Соборов с церковью Даниила Столпника. В 1838 году заканчивается строительство церкви Троицы по проекту известного московского архитектора Е. Д. Тюрина. От XVII столетия остался Братский корпус.

Особое значение для Москвы приобретает монастырское кладбище. Не отличавшееся богатством, оно было знаменито именами. Здесь покоились поэты А. С. Хомяков и М. И. Языков, основатель Московской консерватории Н.Г. Рубинштейн, художник В. Г. Перов. Здесь был похоронен Н. В. Гоголь и положено начало бесконечным и одинаково далеким от истины легендам о смерти великого писателя.

Конец Гоголя действительно был трагичным. Решив поселиться навсегда в Москве после многолетнего пребывания за границей, писатель принимает приглашение четы графов Толстых – средств на собственную квартиру у него не было, а все скудные свои гонорары Николай Васильевич втайне передавал для нуждающихся студентов Петербурга.

Жизнь в бывшем доме Талызина (Толстые приобрели его позже, на первых порах ограничиваясь арендой) на Никитском бульваре оказалась удобной и одновременно неудобной. Две отдельные комнаты – приемная и кабинет, расположенные непосредственно у парадных дверей, давали полную свободу передвижения. Гоголь мог приходить и уходить,

принимать своих гостей, не боясь обеспокоить живших на втором этаже хозяев. Он был свободен и в отношении стола, при желании поднимаясь в залу к хозяевам или оставаясь у себя.

Неудобство заключалось прежде всего в сырости. Протекавшая по бульвару, прямо под окнами кабинета речушка-ручей Черторый не только шумела камышом, но и оставалась пристанищем множества лягушек. Быстро сырели мебель, белье. Тратить лишние дрова не представлялось удобным, пользоваться услугами хозяйской прислуги – тем более. В ее глазах писатель был нахлебником, и откупаться от презрения лакеев приходилось постоянными обременительными чаевыми.

Еще более тяжелым было полное безразличие к его внутреннему миру и хозяев, и московских знакомых. Все недомогания, все душевные сомнения приходилось переживать одному. Начавшаяся болезнь Гоголя побудила хозяйку, панически боявшуюся всякой инфекции, оставить дом. Хозяин был готов оплачивать самых дорогих врачей, но никак не следить за ходом лечения, когда одно предписание явно противоречило другому и вело только к ухудшению. Теща историка М. П. Погодина, навестившая Гоголя за день до смерти, должна была сама его разыскивать в пустых комнатах, по которым гулял сквозняк. Николая Васильевича в связи с ухудшением его состояния граф распорядился перенести в дальнюю комнату, окнами во двор. Никто не появился около больного и за те часы, что она провела у его постели.

Единственной живой душой был гоголевский «хлопец», растерянный и предоставленный самому себе.

Смерть писателя стала почвой для бурного конфликта между его друзьями и близкими. Аксаковы требовали переноса тела в приходскую церковь. Граф Толстой брал на себя расходы по похоронам, но на иных условиях. Наконец все отступились, предоставив профессуре и студентам Московского университета унести на руках тело в университетскую Татьянинскую церковь, где два дня вся Москва прощалась с Н. В. Гоголем, а потом так же на руках, не ставя на катафалк, гроб доставили в Данилов монастырь. Стечение народу было огромное. Погребальная процессия растянулась чуть ли не на версту. Никто из недавних близких друзей участия в ней не принял.

Но уже через некоторое время С. Т. Аксаков, чувствуя вину перед памятью друга, позаботился о памятнике. Из южных степей был привезен валун, установленный на могиле и ставший подножием простого каменного креста. В таком виде памятник просуществовал в монастыре вплоть до 1931 года.

В 1931 году Данилов монастырь был отдан под колонию для несовершеннолетних преступников. По указанию правительства некоторые могилы были перенесены на другие кладбища, в том числе и гоголевская, которой предстояло поместиться на кладбище Новодевичьего монастыря.

Перезахоронением занялась специальная комиссия (от Наркомпроса в нее входил профессор А. А. Федоров-Давыдов) с соблюдением строжайшей секретности, хотя на территорию уголовной колонии и так не мог проникнуть никто из посторонних. Составленный комиссией акт засвидетельствовал, что надгробие сдвинуто относительно захоронения писателя и в земле под ним удалось обнаружить лишь отдельные кости и одну бархатную погребальную туфлю. Именно эти фрагменты и были перенесены на Новодевичье кладбище. Черепа и полного скелета под памятником обнаружено не было. Распоряжением правительства предавать эти обстоятельства гласности не разрешалось.

Данилов монастырь был возвращен церкви в 1983 году. В настоящее время в обители около сорока монахов и послушников, получающих образование в духовных учебных заведениях. В 1986 году митрополитом Америки и Канады Феодосием в нее возвращены частицы мощей князя Даниила Александровича, хранящиеся в храме Святых Отцов Семи Вселенских Соборов, в раке, на их историческом месте. Частица мощей находится в ковчеге, помещенном в Троицком соборе. На месте разрушенного кладбища возведена поминальная часовня.

Остается вспомнить имена последних предреволюционных «властей» обители: настоятель – епископ Серпуховской Анастасий, казначей – иеромонах Кассиан, духовник иеромонах Андрей, ризничий Иоаким, а также пять иеромонахов, восемь иеродьяконов и пятеро монахов.

Часть 1
Кремль

Чудов монастырь

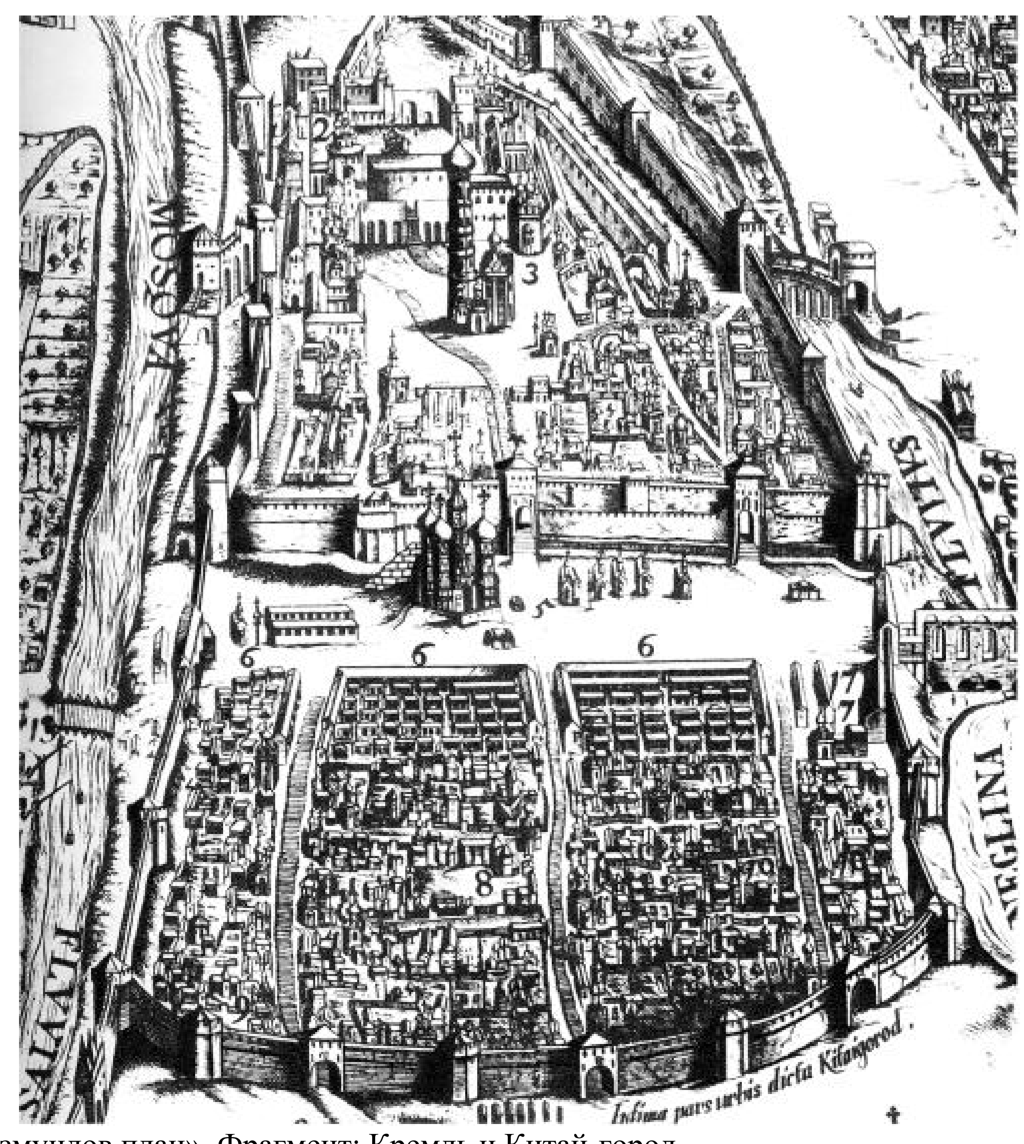
Ночь. Келья в Чудовом монастыре (1603 год)
Отец Пимен, Григорий спящий.

ПИМЕН

(пишет перед лампадой).
Еще одно, последнее сказанье —
И летопись окончена моя,
Исполнен долг, завещанный от Бога
Мне, грешному. Недаром многих лет
Свидетелем Господь меня поставил
И книжному искусству вразумил;
Когда-нибудь монах трудолюбивый
Найдет мой труд усердный, безымянный,
Засветит он, как я, свою лампаду —
И, пыль веков от хартий отряхнув,
Правдивые сказанья перепишет,
Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу,
Своих царей великих поминают
За их труды, за славу, за добро —
А за грехи, за темные деянья,
Спасителя смиренно умоляют.
На старости я сызнова живу,
Минувшее проходит предо мною —
Давно ль оно неслось событий полно,
Волнуяся, как море-океян?
Теперь оно безмолвно и спокойно,
Не много лиц мне память сохранила,
Не много слов доходят до меня,
А прочее погибло невозвратно…

А. С. Пушкин. „Борис Годунов“.

Обители нет. Давно. Ее стремительный снос понадобился в первые послеоктябрьские годы, чтобы расширить Ивановскую площадь Кремля. Это была та же участь, что и у соседнего Вознесенского монастыря. Резиденция новой власти не нуждалась в памятниках прошлого. Эйфория вседозволенности освобождала от обязательств перед предками и потомками. А между тем…

«Сигизмундов план». Фрагмент: Кремль и Китай-город.

Точный год основания монастыря остается неизвестным. Единственное и самое древнее относящееся к нему летописное свидетельство гласит, что в 1365 году митрополит Алексей заложил на этом месте каменную церковь во имя Чуда Архангела Михаила в Хонех, которая за одно лето и была завершена.

Память о чуде в Хонех должна была поддержать дух москвичей, перепуганных страшным летом 1365 года. Оно было отмечено жесточайшей засухой, от которой трескалась земля. А в очередную сухую бурю оставшийся в истории под именем Всесвятского пожар, вспыхнувший в одноименной церкви, за два часа уничтожил весь город и простоявший меньше тридцати лет дубовый красавец Кремль.

К тому же Москва только что получила нового и совсем еще молодого великого князя Дмитрия Ивановича, будущего Донского. Что мог он предпринять в свои семнадцать лет? Никто еще не знал, что обладал Дмитрий Иванович редким для правителя даром – советоваться со своими подданными, того больше – пользоваться их советами. Его настоящим советником стал митрополит Алексей, душой болевший за княжество. Это он подсказал великому князю начать строить – впервые на Московской земле! – белокаменный Кремль, а для начала словно положил предел несчастьям Москвы своим каменным храмом.

Ведь вблизи города Иераполя, в Колоссах Фригийских, в местечке Хонех, над источником, приносившим исцеление многим больным, находился храм Архистратига Михаила, построенный в благодарность за обретенное здоровье. Заботился об источнике бедный отрок Архип, бескорыстное служение которого начало раздражать живших в округе

язычников. С помощью вод двух рек, протекавших по соседству, язычники решили затопить и храм, и чудотворный источник.

Узнав о неминуемой гибели, Архип обратился с молитвой к Архистратигу и услышал голос, приказавший ему выйти из храма. Юноша подчинился и стал свидетелем чуда. Вода из рек была пущена, но появившийся Михаил поднял руку, и потоки устремились в расщелину большого камня. Храм и источник остались невредимыми.

Указание о строительстве церкви, тем более каменной – что было большой редкостью в Москве, позволяет предполагать, что к этому времени Чудов монастырь уже существовал. По свидетельству некоторых летописцев, ранее на этом месте находился Царев Ордынский Посольский двор, где останавливались посланцы Орды, приезжавшие для переговоров или сбора дани.

Землю ханского представительства подарила митрополиту Алексею царица Тайдула, мать царствовавшего хана Джанибека, особенно благоволившая святителю после того, как он своими молитвами спас ее от слепоты.

В исторической литературе слишком редко упоминается о том, как складывались отношения ордынцев с православным духовенством, а между тем они имели подчас исключительное значение для Московского княжества. С начала своего владычества ордынские ханы очень уважительно относились ко всему православному церковному чину, более того – полностью освобождали священников и церковный причт от всяких даней и пошлин, потому что видели в них «молебников» не только за русских, но и за всех людей.

Любимейшая жена хана Узбека, царица Тайдула, еще в 1356 году выхлопотала для митрополита Алексея охранную грамоту, чтобы мог он беспрепятственно съездить в Царьград. А годом позже, начав терять зрение, она позвала святейшего к себе.

Сохранилось предание, будто накануне приезда Алексея в Орду Тайдула увидела во сне митрополита в окружении священства, направляющегося к ней в архиерейских одеждах невиданной красоты, и именно такие одежды она приказала приготовить своим гостям в подарок и благодарность за помощь, которую они действительно сумели ей оказать.

Приезду митрополита в Орду предшествовали необыкновенные события и в Москве. Святейший не мог быть уверенным в ожидаемом от него исцелении и потому отслужил в Успенском соборе просительный молебен, во время которого у гроба святого Петра Митрополита «се от себя сама загорелась свеча». Митрополит тут же раскрошил чудесную свечу, раздал ее как благословение молящимся, а часть взял с собой в дорогу.

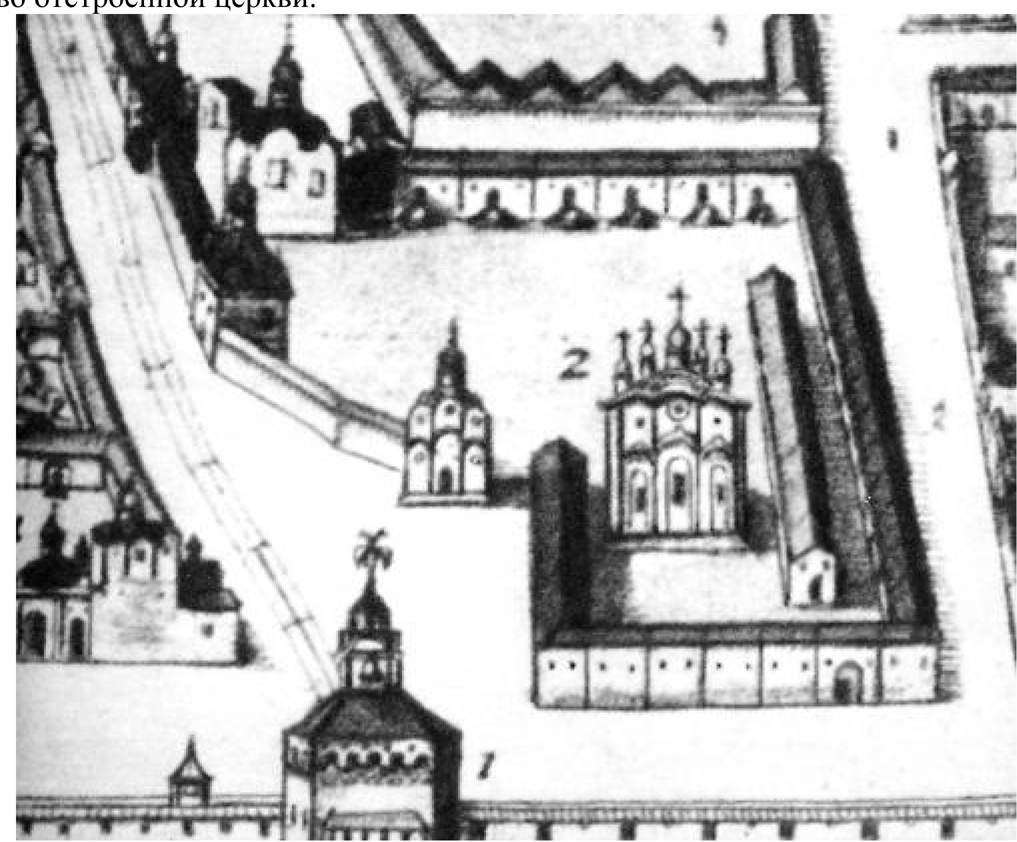
Встретили Алексея царствующий хан Джанибек, сын царицы Тайдулы, и ее внук Бердибек с величайшим почетом, в окружении всех своих придворных. Митрополит отслужил молебен около царицы, зажег чудесную свечу и окропил глаза Тайдулы освященной в Успенском соборе водой, после чего слепая прозрела. Хан не поскупился на самые богатые дары митрополиту и его спутникам, которые составили целый обоз. Можно предположить, что тогда же Алексею были переданы права и на двор в Кремле.

Но так удачно сложившиеся дипломатические отношения оказались недолгими. В Орде, по словам летописцев, начались «замятни». Бердибек убил своего отца, но уже в 1359 году и сам лишился жизни. Несколькими месяцами позже была убита царица Тайдула. Митрополиту оставалось только предостерегать молодого великого князя от вероломства кочевников, раз за разом подступавших к Москве и разорявших ее дотла. В 1380 году это были полчища Мамая, двумя годами позже Тохтамыша. Жертвы Куликова поля не спасли Москвы.

Митрополит Алексей завещает похоронить себя у стен Чудовской церкви. Но Дмитрий Донской не захотел выполнить воли святейшего. Как более достойное было выбрано место погребения внутри храма, в Благовещенском приделе.

По всей вероятности, Чудовская церковь была достаточно велика. Когда в 1431 году во время литургии ее верх от ветхости обрушился, чудесным образом не задев служивших священников, ров для фундамента нового храма начали копать внутри старого здания и при этом обнаружили нетленные мощи святителя Алексея. Даже ризы митрополита остались

«невреженны, яко вчера облечены». Они и были оставлены, но уже в специально устроенной раке, в заново отстроенной церкви.

«Кремленаград». Фрагмент: Чудов монастырь.

О Чудовской церкви помнили. О Чудовской церкви заботились все правители. Захоронения в ней и около нее представлялись самыми почетными. Так, рядом с митрополитом Алексеем оказывается в 1393 году его племянник, старейший боярин Дмитрия Донского, Данило Феофанович. Храм постоянно благоустраивали и достраивали. При нем строится «трапеза велия, каменная», келья настоятеля, большие погреба.

Одним из главных «благоустроителей» Чудова монастыря оказывается архиепископ Геннадий, возведенный затем в сан Новгородского архиепископа. В конце жизни он вернулся в любимую обитель и был погребен «в самом том месте», где лежало тело святейшего, опять-таки у стены церкви.

Геннадию пришлось пережить немало трудных минут. Независимый нравом, он мог себе позволить самостоятельное толкование церковного устава, что вызвало бешеный гнев митрополита. Геннадий бежал во дворец, под покровительство великого князя Ивана III, но митрополит сумел убедить князя выдать ему ослушника. Архимандрита Чудова монастыря сковали и посадили в ледник под палатами.

Узнав о столь суровом наказании, Иван III вмешался, выговорил прощение Геннадию, тем не менее ослушник уже на следующий год был назначен в Новгород Великий, подальше от двора.

В том же 1483 году Геннадий решает построить в Чудовом монастыре обетный – благодарственный храм во имя Святителя Алексея. Даже оказавшись в Новгороде Великом, он продолжает заботиться о стройке, давать на нее деньги и попечение о ней передает братьям Траханиотам – Дмитрию и Георгию и сыну Дмитрия Юрию Малому.

Церковь оказалась «вельми чудна, велика и высока, и трапеза, а в ней многие палаты, горния и дольныя, удобные на всякую монастырскую потребу и живущим тут братиям. На преупокоение». Именно в эту церковь и были перенесены мощи святителя и поставлены в раке на правой стороне у стены. В представлении великих князей, как и всех москвичей, митрополит Алексей оставался защитником и покровителем Москвы. Фрагменты этой

постройки сохранялись вплоть до советских времен.

Архиепископ Геннадий представлял собой очень интересную личность в истории и Московского государства, и Православной церкви. Найти общий язык с новгородским священством ему не удалось. Он деятельно и непримиримо выступает как искоренитель ереси жидовствующих, стремится восстановить порядок в богослужении и, поскольку слишком часто помехой становится прямая неграмотность священнослужителей, хлопочет об организации церковного образования. Более того – сам начинает обучать своих подопечных.

Но одновременно архиепископ поддерживает идею взимания мзды за назначение на каждую церковную должность, хотя против этого решительно выступают и митрополит, и великий князь. Пренебрегая их выговорами и требованиями, Геннадий даже увеличивает размер подобной мзды, в результате чего его «сводят» с архиепископской кафедры. Подписав требуемое отречение от нее, Геннадий возвращается в Чудов монстырь и почти сразу умирает. К этому времени выстроенная им Алексеевская церковь успела обветшать. В 1501 году великий князь Иван III распорядился ее разобрать и возвести заново. Строительство велось, подобно соседнему Архангельскому собору, итальянскими мастерами и было закончено в 1503 году.

В 1535 году мощи святители Алексея были помещены в новую, серебряную раку, причем обстоятельства ее «построения» рассказываются разными летописцами по-разному. В одном случае говорится о том, что 11 февраля 1535 года великая вдовствующая княгиня Московская Елена Васильевна с пятилетним сыном Иваном (будущим Грозным) прибыла в монастырь и отстояла долгий молебен, в котором митрополит и все сослужащее ему священство просили святого благосклонно принять перемещение его останков, после чего митрополит с властями и совершил переложение.

Вариант так называемой Львовской летописи представляется более убедительным. Согласно ему, великий князь Василий III чуть ли не каждый день приходил к старой раке святого и к гробу святого Петра Чудотворца, «лобызая со слезами святые мощи, особо наедине, по вся дни и нощи с теплою верою призывает их, да помогут ему ходатайством к Богу и к Пречистой Его Матери о прижитии чад и обеты свои пред ними в сердце своем полагает… И родися ему сын Иван … и радостною душею обеты сердца исполняя, повелевает делать раки святым их мощам со всяким царским устроением: святому Петру раку золотую с его образом златым, а стороны раки серебряные; и камением дорогим повелел ее украсить. А святому Алексею раку серебряную всю и на раке образ святого и столбцы позлатить».

Львовская летопись утверждает, что начали раки делать в 1531 году, а раку святого Алексея доделали в феврале 1535-го. Переложение мощей действительно состоялось 11 февраля при архимандрите Ионе, присутствовали же вместе со всеми боярами царь Иван с младшим братом, слабоумным Георгием-Юрием.

Десяти лет от роду будущий Иван Грозный лишился матери, попав в зависимость от отравивших великую княгиню Елену бояр и от ее крутых нравом родственников – князей Глинских. Правда, благодаря Глинским смог он венчаться на царство и почти сразу сыграть свадьбу с молодой женой Анастасией Романовной.

Но первая семейная радость обернулась страшным горем. В Москве вспыхнул очередной, поглотивший в огненном море почти весь город пожар, от которого молодой царь с супругой бежал в село Воробьево. Туда же двинулись за ним разгневанные москвичи, обвинившие в поджоге Москвы царскую бабку – княгиню Анну Глинскую. Дядя царя Юрий Васильевич Глинский был убит ими в одном из кремлевских соборов. Старую княгиню москвичи заподозрили в колдовстве.

И вот в этот страшный пожар 1547 года Чудов монастырь выгорел дотла. Нетронутыми остались только мощи святителя. Между тем в огне погибли восемнадцать старцев, пятьдесят монастырских слуг и весь продовольственный запас.

Именно к Чудову монастырю Грозный всю жизнь будет испытывать особую

привязанность. Когда в 1556 году у него родится дочь, царевна Евдокия, он будет ее крестить в Чудовом монастыре и прикажет построить над задними вратами монастыря обетную церковь во имя Иоанна Лествичника с приделом Евдокии Мученицы.

Через восемь месяцев церковь была закончена и освящена. На торжестве присутствовали сам Грозный, царица Анастасия, царевич Иван и царский брат Георгий-Юрий Васильевич, а также митрополит из Царьграда Кизитский Иосаф и старцы Святыя Горы, жившие в Чудовом монастыре. Совершал освящение митрополит Макарий «со всем собором».

У этой маленькой церковки Иоанна Лествичника оказалась совершенно особая судьба. Она в царствование первых Романовых вошла в число бедных церквей, которым периодически давалась царская милостыня. Так случилось и в 1649 году, когда случайно разбился один из «верховых» нищих, которых привечал и содержал при дворце царь Алексей Михайлович. В церковь, связанную с дочерью Грозного, были переданы деньги «на панихиды и обедни».

Во многом стараясь подражать Ивану Грозному, Борис Годунов, в свою очередь, заказывает новую, еще более дорогую и пышную раку для мощей святителя Алексея, якобы задуманную еще царем Федором Иоанновичем. «Рака, скованная из серебра, была украшена златом и многоценными бисерами и каменьем драгим; в верху ее образ Святого изображен, и так великолепно была устроена, что не можно было и достойно описать ее». При Борисе и состоялось переложение мощей.

Очередной великий пожар начался 3 мая 1626 года в Китай-городе и от верха Василия Блаженного перешел сначала на Вознесенский, а там и на Чудов монастырь. На этот раз сгорела соборная Алексеевская церковь, иначе называвшаяся «Чудо Михаила Архангела».

Но и новая царская династия – Романовых в отношении Чудова монастыря следовала традиции Рюриковичей. В Алексеевской церкви крестит своих сыновей, Иоанна и Федора, Иван Грозный и своего единственного ребенка – царевну Федосью царь Федор Иоаннович. Михаил Федорович Романов крестит в Чудовом всех своих детей, а царь Алексей Михайлович – своего погибшего в младенчестве царевича Дмитрия, позднее – будущего Петра I и его сестру царевну Наталью Алексеевну. В XIX веке к этому обычаю вернется император Николай I для единственного своего ребенка – будущего царя-освободителя Александра II.

Чудовская обитель становится предметом постоянных забот юного Федора Алексеевича. Сначала, в 1677 году, он передает монастырю обширный двор покойного воспитателя царя боярина Бориса Ивановича Морозова – пространство, которое позднее было занято Малым кремлевским дворцом, – не скупится на постоянные взносы, но главное – сам выступает здесь в качестве архитектора.

Созданный Федором Алексеевичем план перестройки Алексеевской церкви, прилегающих к ней трапезной, палат и монастырских служб под ними начал осуществляться в 1680 году, при архимандрите Андриане, последнем патриархе Московском. Ранняя смерть царя – Федора Алексеевича не стало через два года – никак не сказалась на строительстве. Пришедшая к управлению государством царевна Софья Алексеевна берет все расходы на себя.

20 мая 1686 года, в день памяти Обретения мощей святителя, новый храм во имя Алексея Митрополита был освящен. Но этому событию накануне предшествовало великое торжество перенесения святых останков, примечательное к тому же по той роли, которую определила себе на нем правительница.

По описанию современников, 19 мая в старом храме Чуда Михаила, где хранились мощи, была совершена малая вечеря в присутствии обоих царей – Петра и Иоанна Алексеевичей, царевны Софьи и самого патриарха, который «шел в карете в передние монастырские ворота». Затем последовал молебен. «Святые мощи были поставлены посреди церкви и потом подняты на головы самим патриархом и царями, один по правую сторону, другой по левую и позади архиерей; и понесли из церкви в южные двери, вынесли на

паперть, откуда в преднесении хоругвей, крестов и икон, со звоном вовся на Иване Великом и в монастыре, архиерей, архимандриты, игумены, протопопы понесли святыню в новый храм. Патриарх шел позади святыни, а за ним цари и царевна. Несли на главную южную лестницу мимо алтарей новой церкви и взошли на большой рундук, принесли в церковь и поставили на уготованное место сам патриарх со властьми. После молебна цари и царевна отбыли в свой царский дом, а за ними и патриарх в свой архиерейский дом».

Но на следующий день – на освящение церкви прибыл один царь Иоанн Алексеевич. Все эти богослужения совершал архимандрит Адриан, хотя еще в марте он был посвящен в митрополиты Казанские. Патриарх Иоаким разрешил подобное отступление от правил, отмечая исключительное участие Адриана в строительстве.

Впрочем, проект царя Федора Алексеевича еще не был полностью осуществлен. Не удалось закончить отделку другого храма, построенного рядом с Алексеевским, – его патриарх Иоаким освятил 28 ноября, в один день со вторым храмом во имя Апостола Андрея Первозванного, с западной стороны Алексеевской церкви.

Создание Алексеевской церкви было особенно знаменательным для царствующего дома и для Московского государства. Есть основания считать, что связано оно с «замирением» стрельцов после событий 1682 года. Использованные для воцарения Иоанна Алексеевича, то есть дома Милославских, а вместе с братом и царевны Софьи, стрельцы под именем «надворной пехоты» превратились в неуправляемую и слишком опасную для правительства силу. На руках у них осталось оружие, с которым они не расставались и на улицах Москвы. Стрельцы сами проводили свои сборы, с Пушечного двора развезли по полкам все пушки, из казны разобрали по рукам порох. Какие-то орудия ввезли в Кремль. По всему городу расставили свои караулы.

На деле государство оказалось без правительства. Вся царская семья находилась в Троицком монастыре, куда стрельцы никого не пропускали. Едва ли не единственное исключение представлял архимандрит Чудова монастыря Адриан, который по поручению оставшегося в Москве патриарха Иоакима возил его письма «царям» и передавал их ответы. Царевна Софья все надежды возлагала на одного патриарха. От Иоакима зависело, сумеет ли он помирить «царей» со стрельцами.

Мужества Иоакиму, былому лихому рейтару, сражавшемуся под стягами царя Алексея Михайловича, было не занимать. Он решился на неслыханный риск: 8 октября призвал все стрелецкие полки в Кремль, в Успенский собор и после торжественного «умилостивительного» богослужения вынес Евангелие и мощи Апостола Андрея Первозванного – его ощую руку. У аналоя, на который они были положены, патриарх произнес стрельцам, именно стрельцам и воинам, поучение о мире и любви, о необходимости вернуться к мирной жизни, ради своих семей и самих себя прекратить смуту, сложить ненужное оружие. При этом Иоаким прочел и царские грамоты, обещавшие стрельцам всепрощение, в каких бы деяниях ни были они участниками. Подлинность царских заверений патриарх подтвердил своим словом.

Слово Иоакима запомнилось надолго. Его убедительность оказалась так велика, что тут же в соборе стрельцы дали обещание покориться царской воле, целуя при этом Евангелие и мощи Апостола, которые взял в руки патриарх. Находившиеся в Москве иностранцы утверждали, что мир московской земле принесла «длань Апостола».

Верно и то, что смута избыла себя и потребность в ее прекращении испытывали все ее участники. Современники запомнили и слезы радости патриарха, когда он благословлял умиротворенную паству. В своей грамоте царям Иоаким звал их вернуться в стольный город, а правительство, в свою очередь, отблагодарило его так называемой широковещательной царской похвальной грамотой. Отметить подобное событие сооружением храма во имя Андрея Первозванного – это соотносилось с русскими обычаями. Патриарх сам освятил свое детище, после чего в новой трапезной состоялся большой стол.

Эта так называемая Братская трапезная была обращена окнами на церковь Двенадцати Апостолов. В примыкавшей к ней «полате» раздавали кушанья для братьев. Сама же церковь

была совсем маленькой, одноглавой, причем ее главка, обитая железом, не имела позолоты – оставалась выкрашенной зеленой краской.

Построек в Чудовом монастыре было много, и описывались они главным образом в связи с постоянно вспыхивающими пожарами достаточно часто и подробно.

Главной святыней оставалась соборная церковь Архангела Михаила, однопрестольная и пятиглавная. Она имела одну вызолоченную главку, тогда как остальные купола и кровли были окрашены в зеленый цвет. Церковь окружала паперть с окончинами, рядом стояла колокольня. Из храма крытые переходы вели в Благовещенский собор и к архиерейским покоям.

Пятиглавой была и церковь Благовещения, также с одной позолоченной главкой. Ее особенностью было то, что начиная с XVIII века в стене обширной трапезной была устроена палатка, где продавался «чудотворный мед».

Алтарь церкви Алексея Митрополита сообщался переходом с алтарем Благовещенского собора. Перед церковью находилась обширная трапезная с выходом на паперть, откуда на Ивановскую площадь вел нарядный «сход»: «…крыльцо на двух столбах одинаковых и двух тройных каменных; при оных 4 жестяные трубы с змейками для сбегу с кровли воды; крыша крыльца железная; сверх оной две дуги железные, наверху дуг яблоко медное позлащенное, сверх яблока звезда с крестом».

Боярином Ховриным была построена в Чудовом монастыре церковь Воздвиженья. Еще при Иване Грозном появилась церковь над задними монастырскими воротами – Крестовая, которая неоднократно меняла посвящение алтарей – сначала во имя Платона и Романа, впоследствии во имя Всех Святых. Название Крестовой ей дала близость к архиерейским палатам. В отдельно стоящей пятиярусной колокольне четвертый, восьмиугольный в плане, ярус занимала библиотека, кстати сказать, находившаяся непосредственно под колоколами.

Среди многих монастырских строений в трехэтажном, например, помещались Братские кельи с служебными палатами – пирожною, поварнею, квасным погребом и пивоваренной. При том, что монастырский стол всегда оставался постным, его отличало исключительное разнообразие блюд, особенно на архиерейском обиходе и на царских угощениях.

По обычаю подавалось множество блюд, причем есть или даже пробовать каждое было необязательно. Каждый выбирал еду по вкусу. Есть на праздничных, например, столах начинали с холодных закусок. Обязательной считалась икра зернистая, вязига под хреном, реже подавалась икра белой рыбицы – красная.

Следующими шли так называемые прикрошки и присолы. Среди них главное место занимала паровая или копченая рыба. Подавались также щука, стерлядь, лещ, язь, линь, шелешпер, сиг.

Холодные блюда сменяли горячие – щи и разного рода уха. Уха ставилась щучья, стерляжья, подлещиковая, окуневая, линевая, судачья, карасевая, плотичья, язевая, озимая, шафранная, озимая черная, венгерская. К каждому сорту ухи подавались особые пироги: подовые, «с телесы», просыпные, росольные, кислые, косые, долгие, с молоками, печеные в виде карасей (их так и называли «караси»), троицкие, а также оладьи, пышки, кулебяка, блины простые, блины красные, драчина, каравай яцкой, каравай ставленой. Уху, как и все горячие блюда, подавали в медных сковородах. Другие горячие кушанья в виде соусов и похлебок – они назывались «росольными» – включали самую разнообразную разварную или вареную в рассолах рыбу, к которой также подавались особые пироги, печенья, пышки, оладьи, сырники, блины.

За постными столами вместо зернистой икры и вязиги подавались грибы, за которыми следовали кушанья гороховые, ягодные и т. д. Примерный список блюд праздничного постного стола выглядел так: голова гороху тертого, грибы холодные, грузди, рыжики холодные, щи, грибы гретые, грузди и рыжики гретые, лапша, капуста ленивая, пирог косой, пирог с грибами, пирог с морковью, пироги с горохом, оладьи в патоке, блюдо ягодников, блюдо левашников, блюдо пирожков «карасей», блюдо пряжья (сдобное). Нередко бывали также взвар сладкий, клюква гретая, кисель клюквенный, толокно.

Разнообразными были и сорта подававшегося к столу хлеба. Это мог быть белый крупитчатый, иначе – папошник, кольцо крупитчатое, калачи четвертные, калачи хомутинные – в виде хомута, укруги пшеничные, а также расхожий и братский – ржаной.

Кроме библиотеки «под колоколы», в Чудовом монастыре существовала богатая библиотека и в архиерейских покоях. Последние помещались на третьем этаже отдельного здания, имевшего также кельи, кладовые и казенные палаты. Всего жилище архиерея имело пять покоев: крестовую палату с четырьмя окнами, зал с шестью окнами, столовую с тремя окнами, наугольную с четырьмя окнами, опочивальню и библиотеку с двумя окнами.

Хозяйство Чудова монастыря было очень сложным. Поэтому наряду со столярной, каретной, кузнечной оно располагало и двумя больничными палатами, соединявшимися напрямую с церковью Воздвиженья, а также палатами Судейской, Секретарской, Подьяческой и Архивной, и это не считая бесчисленных кладовых.

В XVI–XVII веках Чудов монастырь стал центром духовного образования. В нем действовала Патриаршья школа, среди преподавателей которой были знаменитые ученые своего времени. Об одном из них, создателе многих словарей, киевском монахе Епифании Славинецком, современники отзывались: «Муж многоученый, аще кто ни таков во времени сем, не только грамматики и риторики, но и философии и самыя феологии (теологии) известный бысть испытатель и искуснейший рассудитель, и опасный протолковник еллинского (греческого), славянского и польского языков».

Чудов монастырь. Фото 1920-х гг.

Начало традиции было положено самим митрополитом Алексеем: в монастыре хранилась собственноручная рукопись его перевода Нового Завета с греческого на славянский. Она осталась невредимой даже после того, как в 1812 году монастырь занимал штаб Наполеона и там было расквартировано несколько французских гвардейских полков. Образовательное значение монастыря вполне оценивал Петр I, который указом от 4 января 1723 года предписал в «Чудовом монастыре монахов иметь, которые бы достойны были к производству в духовные начальники».

Оказался монастырь и гостеприимным пристанищем для всех приходивших в Москву иноземных православных святителей и старцев, особенно из числа южных славян и греков. Многие из них подолгу жили под его кровом и находили себе последний приют на монастырском кладбище, как Матвей Гречин, митрополит Андрианопольский. Кончина митрополита наступила в 1392 году, через два года после приезда в Москву, куда он прибыл

вместе с митрополитом Киприаном.

К примеру, в начале марта 1518 года в Москву приехали от Царьградского патриарха «митрополит Григорий, грек, да с ним старцы от святой горы Афонской бити челом о нищете и поможении: из Ватопеда монастыря три старца, – Максим Грек, Неофит Грек, Лаврентий Болгарин; от святого Пантелеймона из русского монастыря – проигумен Савва. А прежде тех старцев пришел от святых Сорока мучеников, от Скиропотама монастыря Исаия Сербин. Князь великий Василий Иванович принял их с великою честию и повелел им пребывать в монастыре архистратига Михаила Чуда, питая их и доволя всякими потребами от своей царской трапезы. Также и Варлам митрополит великую любовь и честь к ним показывал и, к себе призывая, часто с ними беседовал о божественных словесах духовных». Все гости уехали из Москвы в середине сентября 1519 года, прожив в монастыре больше полутора лет.

Летописец отмечает и другое необыкновенное обстоятельство. За время пребывания святых гостей у гроба святителя Алексея случилось особенно много чудесных исцелений – «явленных семь, а неявленных Бог ведает».

Принадлежала Чудову монастырю и совершенно особая роль перевоспитания строптивых и в чем-либо вошедших в «прю» с церковью иерархов. В 1391 году, например, в Твери епископ Евфимий Вислень поссорился с Тверским великим князем и после суда над ним был отставлен от епископства и поселен в Чудовом монастыре. Покаяние здесь не связывалось с пребыванием в казематах, да их в обители и не существовало, как и любых других «телесных удручений». Им противопоставлялся очень строгий распорядок монашеской жизни, которому наказуемый должен был подчиниться вместе со всей братией. Евфимий скончался в следующем же году и был погребен за алтарем храма. Спустя пять лет рядом с ним погребли владыку Смоленского Даниила. Впрочем, Чудов монастырь время от времени играл роль и места заключения.

В 1401 году в Москву приехал владыка Новгородский Иван «бить челом великому князю о Торжке». Сын Дмитрия Донского, великий князь Василий Дмитриевич, рассудил иначе. По его требованию митрополит Киприан посадил «вольнодумца» под арест в Чудов монастырь «за месячевый митрополичий суд, что не дали Новгородцы». Наказание продолжалось три с половиной года, после чего Ивана отпустили на волю.

При внуке Донского, великом князе Василии Васильевиче Темном, в Чудов монастырь был посажен в среду Крестопоклонной недели 1440 года митрополит Исидор – «чтобы отступился от латинского соединения и согласия, чтобы обратился и покаялся». Однако охрана оказалась недостаточно строгой. Узнику уже 15 сентября удалось бежать в Тверь, а оттуда «к Риму».

В январе 1480 года такая же участь постигла последнего независимого Новгородского владыку Феофила «за крамолу-измену к Литве», по определению великого князя Ивана III. Феофил умер в монастыре через шесть с половиной лет и там же был погребен.

При воцарении так называемого боярского царя Василия Шуйского в Чудов монастырь был отправлен «под начал» поставленный Лжедмитрием патриарх Игнатий. Простым монахом он дожил до 1611 года, когда овладевшие Москвой польские войска сместили патриарха Гермогена – он был посажен в тот же Чудов монастырь – и снова возвели Игнатия в патриарший сан.

Но едва ли не самую большую известность среди потомков придала Чудову монастырю его связь с Григорием Отрепьевым, которого многие историки считают Лжедмитрием. Кем в действительности был этот монах, так ярко вписавший себя в русскую историю?

Доподлинно установлено, что предки Григория выехали на Русь из Литвы. Одни поселились в Галиче, другие – в Угличе. В 1577 году неслужилый «новик» Смирнов-Отрепьев и его младший брат, пятнадцатилетний Богдан, получили поместье в Коломне. Несколько лет спустя у Богдана родился сын Юрий, в обиходе Юшка, в монашестве Григорий.

Богдан Отрепьев дослужился до чина стрелецкого сотника и был зарезан в пьяной

драке каким-то литвином в московской Немецкой слободе. Юшка остался на попечении матери, которая позаботилась об обучении сына грамоте и чтению Священного Писания, после чего отправила будущего Григория в Москву к своему зятю, дьяку Семейке Евфимьеву. Мальчик отличался редкими способностями, с такой быстротой постигал науку, что окружающие готовы были заподозрить, что ему помогает сам дьявол. К тому же Отрепьев-младший приобрел редкой красоты каллиграфический почерк, что ценилось в те годы исключительно высоко.

Именно красивый почерк и редкая сообразительность помогают Юрию Богдановичу устроиться на службу к окольничему Михаилу Романову, родному дяде будущего царя. Братья Романовы стремились к престолу, и карьера Отрепьева представлялась обеспеченной.

Но в ноябре 1600 года царю Борису Годунову удалось подвести под опалу весь могучий романовский род и его окружение. Последовали бесконечные ссылки, розыск с пристрастием. И, по-видимому, прямой страх побудил Отрепьева скрыться в монастыре. Патриарх говорил, что он спасся «от смертной казни». Борис Годунов заявил, что слишком расторопного романовского слугу ждала виселица.

Но и в монашеской одежде Отрепьев искал возможности сделать карьеру. Он меняет один монастырь за другим, имея, по всей вероятности, в виду снова оказаться в Москве. Так мелькают галичский Железноборский монастырь, суздальский Спасо-Евфимиев и, наконец, московский Чудов, где жил его собственный дед. По словам производивших впоследствии розыск дьяков, «богородицкой протопоп Еуфимий, что его велел взяти в монастырь и велел бы ему жити в келье у деда у своего у Замятни; и архимарит Пафнотий, для бедности и сиротства взяв его в Чюдов монастырь, дал под начало».

По выражению тех лет, молодой монах Григорий недолго грел место в келье деда. Он быстро сумел выгодно показать себя архимандриту Пафнутию, который забрал его к себе, где для начала Григорий «сложил похвалу московским чудотворцам Петру, и Алексею, и Ионе». Литературные способности Отрепьева стали для всех очевидными. Пафнутий производит Григория в дьяконы, а патриарх забирает к себе на Патриарший двор, где ему поручается переписывать книги и сочинять каноны святым. Патриарх будет со временем говорить, что чернеца Григория знают и епископы, и игумены, и весь священный собор. Он берет с собой необыкновенного дьякона и на собор, и в думу. По словам Отрепьева, «патриарх-де, видя мое досужество, и учал на царскую думу вверх с собой меня имати, и в славу-де я вошел великую». Остается до конца невыясненным только то обстоятельство, почему придворный патриарха, живший в холе и ласке, неожиданно оставил Чудов монастырь и бежал в Литву. Шел 1602 год.

И еще одно. Почему так широко известного его не узнал никто из числа тех же придворных, когда так называемый Самозванец, или Лжедмитрий I, появился в Москве в качестве сына Иоанна Грозного?!

В Чудовом монастыре разыгралась драма другого яркого действующего лица событий Смутного времени – патриарха Гермогена. В год учреждения в Московском государстве патриаршества – 1589-м – Гермоген стал казанским митрополитом, но сразу же по воцарении Лжедмитрия был вызван в Москву для участия в устроенном новым царем Сенате. Оказанная Гермогену честь не сблизила его в царем, к которому князь церкви сразу же отнесся с большой настороженностью. Сменивший Лжедмитрия царь Василий Шуйский именно поэтому поспешил назначить Гермогена патриархом, но и здесь союза не сложилось.

Зато после низложения Василия Шуйского Гермоген становится очень важным лицом в политической игре. Один из немногих государственных деятелей, Гермоген разгадывает далеко идущие планы поляков. Он категорически требует от королевича Владислава, которого бояре выбрали на московский престол, принятия православия, протестует против впуска польских отрядов в Москву. Когда бояре все же открыли ворота перед гетманом Жолкевским, патриарх отказывается общаться с ним, как и со сменившим его гетманом полководцем Гонсевским. Когда же польский король Сигизмунд потребовал от бояр сдать его войскам Смоленск, Гермоген отказался поставить свою подпись под составленной

боярами соответствующей «разрешительной» грамотой. И это несмотря на то, что боярин Салтыков даже угрожал святейшему ножом.

Грамота была послана русским послам, находившимся у Сигизмунда, но без имени патриарха, что позволило им отказаться от исполнения боярского приказания. Гермоген стал открытым врагом поляков. Он рассылает по всем городам грамоты с заклинанием сопротивляться иноземцам и ни на какой сговор с ними не идти. И здесь начинается самая трагическая страница противостояния патриарха и бояр.

Когда к Москве подошло ополчение Захара Ляпунова, поляки и бояре потребовали от патриарха подписать приказ ополчению разойтись. В противном случае Гермогену угрожали смертью. Когда тем не менее патриарх отказался, его подвергли особо тяжелому заключению в подвалах Чудова монастыря.

В следующий раз Гермоген отказался подписать бумагу о согласии с провозглашением царем сына Марины Мнишек Ивана. Более того, неистовый патриарх умудряется послать в Нижний Новгород грамоту против действий казачьих атаманов, поддерживавших Марину: «Отнюдь Маринкин на царство не надобен: проклят от святого собора и от нас».

Противостояние завершилось очень скоро. Грамота Гермогена ускорила формирование народного ополчения в Нижнем Новгороде, будучи предварительно разослана по многим русским городам. Узнав о начавшихся приготовлениях к походу на Москву, бояре и польские военачальники еще раз потребовали подписи патриарха: он должен был убедить нижегородцев оставаться верными присяге, которую они принесли королевичу Владиславу.

Гневный ответ Гермогена когда-то в предреволюционные годы стоял во всех школьных учебниках: «Да будет над ними (ополченцами) милость от Бога и благословение от нашего смирения! А на изменников да излиет гнев Божий и да будут они прокляты в сем веке и в будущем».

Кончина Гермогена наступила от голода: ему перестали давать еду и воду.

В Чудовом монастыре нашел свой светский конец «боярский царь» Василий Шуйский. Постриженный в монахи, он в 1610 году вместе с тремя своими братьями был вывезен в Польшу гетманом Жолкевским, причем гетман распорядился снять с Василия монашеское платье и облачить в царские одежды. Польскому королю должен был быть представлен не смиренный инок, а русский царь.

В годы правления императрицы Елизаветы Петровны Чудов монастырь приобретает новый статус. С учреждением самостоятельной Московской епархии монастырь отдается с июня 1744 года в полное распоряжение и владение для жительства епархиальному архиерею с наименованием кафедральным монастырем.

Первым епархиальным архиереем стал Иосиф Вичанский, почти сразу же умерший и похороненный в Чудовом монастыре. Второй архиерей, Платон Малиновский, поселился в чудовских палатах, куда перевел и Духовную Консисторию. Платон прославился великолепным чудовским хором певчих, которых он собирал по всей Москве и в других городах вплоть до Малороссии. Он был погребен в церкви Чуда, как и его прямые преемники: киевский митрополит Тимофей Щербацкий, Амвросий Зертис-Каменский, убитый во время так называемого чумного бунта 1771 года, Платон Левшин.

Особую страницу в истории монастыря представляли погребения в его стенах и храмах. Многие ложились здесь в землю, отпетые самим патриархом, настолько знатными были их семьи. «У церкви Благовещения, на полуденной стороне» покоился с 1565 года прах казанского царя Едигера, захваченного при взятии Казани и получившего в крещении имя Симеона Касаевича. Патриарх отпел в 1667 году воспитателя царя Алексея Михайловича боярина Бориса Ивановича Морозова. Здесь были Салтыковы, Собакины, Куракины, Одоевские, Засецкие, Пушкины, Оболенские, Колтовские, Стрешневы, Хованские, Трубецкие…

Многие годы продолжалось поминание писателя Епифания Славинецкого. Он был вызван в 1649 году из Киева для обучения детей греческому языку и особенно для перевода церковных книг. Жил он сначала в Андреевском, затем в Чудовом монастыре и на Крутицах

и умер в 1675 году, оставив после себя значительное состояние, которое было целиком роздано на помин. Характерны сами по себе расходы на погребение.

Обошлось оно в 90 рублей и 18 золотых, из которых 15 поднесено патриарху, два Симеону Полоцкому и один духовнику Новодевичьего монастыря. На сорокоуст роздано около 70 рублей. Небольшими суммами деньги поступали в немногие церкви Чудова, Вознесенского и Знаменского монастырей, а также в приходские – на неделю по алтыну. В «третины», «девятины», «полусорочины» и в «сорочины» в Чудов монастырь на стол братии по 5 рублей. Нищим и в тюрьмы, и богадельни роздано более 70 рублей, а также в Тиунскую избу подначальным церковникам около 5 рублей. На вечный помин покойного по указу патриарха особенно много роздано в Киевские монастыри – 500 золотых и 200 ефимков (талеров).

Шестьдесят копеек было выдано дьякону Путивльского Молчинского монастыря, выдающемуся просветителю и писателю Кариону Истомину. В 1692 году Карион издал свой Лицевой букварь, а ранее воспевал в стихах царевну Софью. Известна его многословная поэма на брак Петра I с Евдокией Лопухиной. Скончался Карион монахом в 1722 году. Его надгробие находилось в южной стене храма Чуда, рядом с надгробием известного московского юродивого Тимофея Архипова, жившего сначала при дворе царицы Прасковьи Федоровны, невестки Петра I, а затем ее дочери царевны Прасковьи Иоанновны. Это ему принадлежали ставшие крылатыми слова, сказанные в начале 1730-х годов: «Нам, русским, не надобен хлеб: мы друг друга жрем, и тем сыты бываем».

В соборном храме Чудова монастыря завершается бурная история патриарха Никона, «собинного друга», как долгие годы величал иерарха царь Алексей Михайлович. Решив удалить патриарха от своего двора главным образом из-за его честолюбия, властолюбия и откровенного стремления поставить церковь выше государства, более того – лишить его сана, Алексей Михайлович долгое время не решается принять окончательное постановление. К тому же вселенские патриархи, к которым царь обращался за советом, поддерживали Никона, советовали помириться с ним.

После долгих и очень трудных для Алексея Михайловича препирательств и с самим Никоном, и с многочисленными его врагами среди придворной знати удалось дождаться приезда в Москву самих вселенских патриархов для рассмотрения дела Никона. В декабре 1666 года начался суд в присутствии царя, который предъявил обвинения и объяснения. В конце концов Собор признал Никона виновным в том, что он произносил хулы на царя, «называя его латиномудренником и мучителем, и на всю русскую церковь, говоря, будто она впала в латинские догматы». В вину Никону было поставлено и то, что он низверг Коломенского епископа Павла, был жесток с подчиненными, наказывал их палками и даже пытал огнем.

12 декабря 1666 года суд совершился в чудовской церкви Благовещения, где вселенские патриархи Паисий Александрийский и Макарий Антиохийский сняли с Никона патриарший сан, клобук и панагию. Одновременно ему был прочтен приговор и перечисление вин.

Все это происходило в тайне от москвичей, горой стоявших за патриарха из-за его широкой благотворительности и суровой справедливости независимо от богатства и положения судимого им человека. Чтобы вывезти бывшего патриарха в ссылку, пришлось прибегнуть к хитрости и обмануть толпы народа, ждавшего появления возка с осужденным. Для этого Никона вывезли через Троицкие ворота, да еще и ночным временем. По Москве прошел слух, будто наложил Никон проклятие на Чудов монастырь, сказал, что судьба обители исчезнуть без следа и на земле, и в памяти человеческой.

С 1775 года к Чудову монастырю был приписан подмосковный Николо-Перервинский общежительный монастырь. До 1764 года ему принадлежало около 18 600 душ крепостных крестьян. До 1818 года обители принадлежал и Малый дворец, служивший местопребыванием московских митрополитов, который после рождения в нем будущего царя Александра II был переведен во Дворцовое ведомство.

Перед Октябрьским переворотом обитель носила название Чудов – Алексеевский – Архангело-Михайловский кафедральный монастырь. Среди хранившихся в нем ценностей были знамена, бунчуки и ключи от крепостей, взятых русскими войсками в Персидскую войну 1826–1828 годов (в Алексеевской церкви), в библиотеке – многочисленные рукописи, такие как «Слово об Антихристе» святого Ипполита, Папы Римского (XII в.), «Толкование на Псалтирь» святого Федорита, епископа Каирского, собственноручное завещание святителя митрополита Алексея, им же переписанный перевод «Нового Завета» и другие.

При монастыре функционировал Комитет для принятия и хранения приношений на создание в Москве храма во имя святого благоверного Александра Невского в память освобождения крестьян от крепостной зависимости.

Последним настоятелем Чудова монастыря был митрополит Московский и Коломенский Макарий, наместником – епископ Арсений, его помощником – архимандрит Серафим. Хором руководил регент иеромонах Феодосий.

Вознесенский монастырь

«Видивши же княгыни его мертва на постели лежаща, и восплакася горкым гласом, огненыя слезыизо очию испущааше, утробою распалавшеся и в перси свои руками бьющи, яко труба рать поведающи и яко арган сладко вещающи: „како умре, животе мой драгий, мене едину вдовою оставив? почто аз преже тебя не умрох? како заиде, свет очию моею? где отходиши, скровище живота моего? почто не промолвиши ко мне? цвете мой прекрасный, что рано увядаеши? винограде многоплодный уже не подаси плода сердцу моему и сладости душе моей; чему, господине, не возриши на меня, не промолвиши ко мне, уже ли мя еси забыл? что ради не взозриши на мя и на детя своя? чему им ответа не да си, кому ли мне приказываешь? солнце мое, рано заходиши; к западу грядеши? Царю мой! како приму тя или послужю ти? где, господине, честь и слава твоя? где господство твое? Осподарь всей земль Русской был еси, ныне же мертв лежиши, ни кем же не владеешь; многыя страны примирил еси и многыя победы показал еси, ныне же смертию побежден еси, изменися слава твоя, и зрак лица твоего применися во истление; животе мой, како повеселюся с тобою?.. аще бог услышить молитву твою, помолися о мне, княгине твоей: вкупе жих с тобою, вкупе и умру с тобою, уность (юность) не отыде от нас, а старость не постиже нас; кому приказываеши мене и дети своя?..“

Плач княгини Евдокии Дмитриевны. Повесть о житии и о Преставлении великого князя Дмитрия Ивановича.

1386 год – первое летописное упоминание. Впрочем, не слишком убедительное, с точки зрения историков. Именно в этом году в Вознесенском монастыре был погребен некий Симеон Яма, о котором никто ничего не мог сказать. К тому же одна из летописей утверждала, что вовсе и не в Вознесенском монастыре, а на Кирилловском подворье.

Попытаться установить истину не представлялось возможным – обитель в ранние советские годы перестала существовать. Не подлежит сомнению другое. В последний год своей жизни – 1407-й – вдова Дмитрия Донского заложила в уже существующем монастыре каменную церковь во имя Вознесения и завещала себя в ней похоронить, что и было исполнено. Так возникла усыпальница всех женских членов великокняжеской и царской семей. И если выход обитательниц теремов в Чудов монастырь был настоящим событием, в Вознесенском они при желании могли бывать ежедневно, да и отношения с обителью у них сложились почти домашние. В случае нужды занимали у матери казначеи деньги, прикупали недостающие сладости, вместе думали над рукоделиями, даже растили царевен и княжон, да

мало ли горьких и опасных секретов женской половины хранили монахини, пользовавшиеся неизменной поддержкой своих духовных дочерей.

Ромео и Джульетта, Тристан и Изольда – сколько примеров беззаветной преданности и любви хранила народная память. В русских анналах подобных примеров, по сути, нет, если не считать супруги князя Игоря Ярославны с ее плачем на стенах Путивля. Остается удивляться, как могла забыться великая подвижническая любовь Дмитрия Донского и его Евдокии?

«Кремленаград». Фрагмент: Вознесенский монастырь.

Брак по любви – о нем никто не говорил в Древней Руси, тем более в XIV веке, да еще в княжеских семьях, где каждый брачный союз был прежде всего союзом политическим. Молодые чаще всего не видели друг друга до венца и впервые могли взглянуть в глаза суженым, только дав священнику согласие на брак.

Им было по шестнадцати лет, когда их судьба решилась – юного Дмитрия Ивановича, будущего Донского, и княжны Евдокии Дмитриевны, дочери заклятого врага Московского великого князя – Дмитрия Суздальского, с успехом претендовавшего на московский стол. Советники Дмитрия Ивановича столковались с суздальцами: за счет каких-то уступок Дмитрий Константинович должен был отступиться наконец от Москвы.

Венчание происходило в Воскресенском соборе Коломны, и под звон свадебных колоколов к ним пришла любовь. Великая. Верная. Вот только далеко не всегда новоявленные родственники хотели помнить о возникших кровных узах. На радость Евдокии, в 1374 году собралась в Москве на крестины второго ее сына – Юрия вся ее семья: отец, братья. Тут и напали татары на оставленный Дмитрием Константиновичем Нижний Новгород. И хоть новгородцы отбились от кочевников и без своего князя, но урон все княжество понесло немалый.

Спустя три года захотел Дмитрий Иванович помочь тестю, прислал против татар своих ополченцев, да сротозейничали русские начальники. По собственному недосмотру были на реке Пьяне побиты. А родной брат княгини, Иван Дмитриевич, как кинулся на коне, спасаясь от врагов, в Пьяну, так на дне и остался.

Пришлось Дмитрию Ивановичу в 1378 году самому выступить во главе рати и разбить на реке Родне посланного Мамаем мурзу Бегича. Куликова поля было не миновать.

И вот на него-то, на главную русскую сечу, не выступил отец Евдокии, не захотел ссориться с опустошавшей его земли Ордой. А князь Дмитрий Московский выступил и одержал великую победу. 150 000 русских ратников под его предводительством собрались в Коломне. 200 000 убитых с обеих сторон приняла земля за один день гигантской битвы, разыгравшейся в долине Дона, Непрядвы и Красивой Мечи. Целая неделя понадобилась оставшимся в живых, чтобы похоронить полегших на поле брани.

А уже в 1382 году двинулся на Москву ставленник Тамерлана – хан Тохтамыш. И снова испугавшийся татар отец Евдокии отпустил в Москву с ханом и под его знаменами двух ее родных братьев – Василия Кирдяпу и Семена. И не была бы взята Тохтамышем Москва, если бы не брат княгини, который «обманно» уговорил москвичей открыть ворота города, обещав им от лица хана полную неприкосновенность. «Солгал, как пес», по словам современников: Москва была нещадно разграблена. Вот только и сам Василий Курдяпа сухим из воды не вышел. Тохтамыш взял его в качестве заложника в Орду и продержал там целых пять лет.

Так или иначе, пришлось княгине вместе с Дмитрием Донским скрываться в Костроме. Между тем что ни год приносила Евдокия князю сыновей. Последнего родила и вовсе за несколько дней до кончины тяжело разболевшегося мужа, так что даже не успел князь включить княжича Константина в свое завещание. Все переложил на плечи любимой жены и сыновьям наказал ее слушаться, все междоусобицы у нее одной и по ее слову разрешать.

Плакала. Да не много отводилось часу на вдовьи причитания. По обычаю, похоронили Дмитрия Ивановича на следующий день после смерти. Отнесли 20 мая из княжеского терема в Архангельский собор Московского Кремля, чтобы положить рядом с отцом, дедом, всеми предками.

Другие вдовые княгини сразу после похорон думать о монастыре начинали. Евдокия на такую долю согласиться не могла: детей мал мала меньше полон дом. Врагов у княжества Московского не перечесть, и где княжичам, даже первенцу Василию, все самим обмыслить.

Что за дело сразу взялась – осудили великую княгиню. Что через год после смерти мужа свадьбу старшего сына сыграла – тоже в заслугу не поставили. А как было поступить иначе, когда еще во время поездок по западным землям покойный Дмитрий Иванович выбрал наследнику невесту? Само собой разумеется, из расчета, – дочь литовского князя-воителя Витовта. Обо всем договорился, а свадьбы сыграть не довелось. Княгиня Евдокия Дмитриевна боялась, как бы не расстроилось дело, – значит, нужное, коли великим князем было задумано.

Память мужа – ради нее берется вдовая великая княгиня за необычное для женщины дело: решает поставить в Кремле новую белокаменную церковь во имя праздника, в день которого состоялась Куликовская битва, – Рождества Богородицы.

Теперь не так уж просто было и с деньгами. Как ни считался с матерью сын, а права свои великокняжеские ревниво берег. Все равно изловчилась и место выбрала всей женской половине семьи особенно дорогое. Велела разобрать старую деревянную церковь Воскрешения Лазаря, под которой, как утверждала легенда, находилась усыпальница великих княгинь, пока не построили здесь же, в Кремле, Вознесенский женский монастырь. Новая церковь Рождества Богородицы предназначалась для женской половины семьи, чтобы все княгини и княжны из рода в род молились за свою семью и самих себя в стенах, которые бы служили памятью великому подвигу ее вечно любимого князя.

С 1393 по 1396 год возводили мастера храм из белых каменных блоков с тоненькими шовчиками. Двери с перспективами, в тоненьких колонках, с порталами. Круглые окна с украшениями наподобие морских раковин.

И еще – был храм расписан знаменитым иконописцем Феофаном Греком вместе с Симеоном Черным и учениками.

Так деятельно и успешно занималась великая княгиня Евдокия Дмитриевна мирскими делами, что и этого не простили ей «добрые люди». Поползли по Москве слухи, что

«нечестно» жила великая княгиня в своем вдовстве, будто верности великому князю не хранила. Не то что не стали мать защищать – пришли к ней за ответом. И первым тот самый, в недобрый час родившийся Юрий, когда разорили татары Нижегородскую землю.

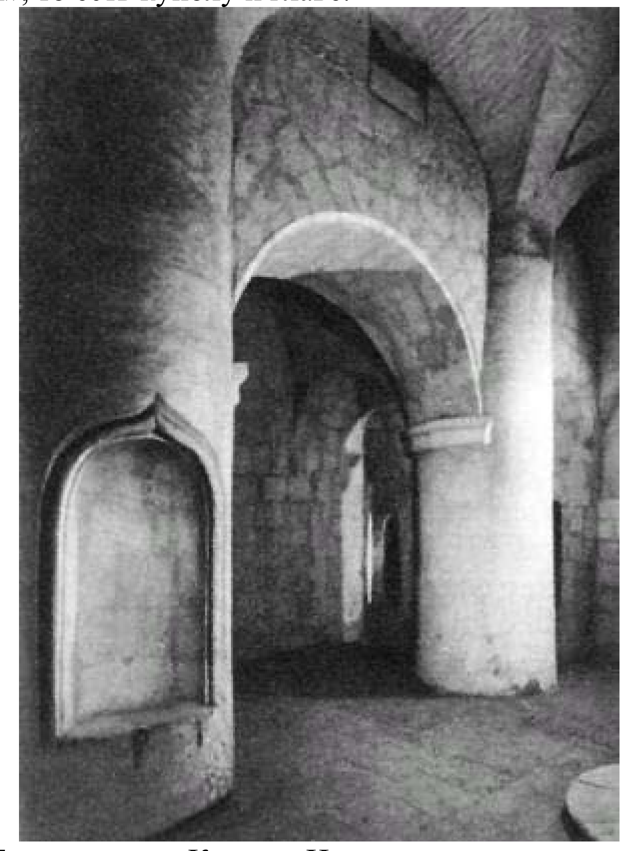
Тогда княгиня, как повествует историк, раскрыла перед детьми роскошные великокняжеские одежды, которые всегда носила, и показала им суровую посконную рубаху на теле, иссохшую, увешанную веригами грудь. По кончине Дмитрия Ивановича втайне приняла Евдокия Дмитриевна монашеский обет и свято его соблюла.

Только поставив на ноги самых младших детей, уверившись в царившем в семье мире, отошла от дел, открыто постриглась под именем Ефросинии и заторопилась со строительством Вознесенского монастыря.

«…Не слышите ли, господине, бедных моих словес? не смилять (не смягчат ли) ли ти ся моя горкыя слезы? Звери земныя ко ложа своя идуть, и птицы небесныя по гнездом летять, ты же, господине, от дому своего не красно отходиши. Кому уподоблюся? остала (потеряла) бо есмь царя; старые вдовы, тешите мене, молодыя вдовы, поплачите со мною, вдовия бо беда горчее всех людей…»

Церковь не сочла ее ни праведницей, ни угодницей. Но в народной памяти осталось описание чудес, которые происходили, когда шла великая княгиня на пострижение. Слепой нищий прозрел, утерев глаза рукавом оставленной ею сорочки. До тридцати человек, страдавших различными «падучими недугами», получили исцеление во время шествия в монастырь, на которое собралась масса москвичей.

Недостроенной Вознесенской церковью занялась невестка великой княгини, когда получила всю полноту великокняжеской власти. Супруг ее, Василий Дмитриевич, умер, и Софья Витовтовна осталась одна с малолетним сыном на руках. А ему надо было еще получить в Орде ярлык на великое княжение, а пока за него приходилось решать государственные дела, чтобы не упустить полноты власти. При ней церковь была возведена «по кольцо где верху быти», то есть куполу и главе.

Церковь Рождества Богородицы в Кремле. Интерьер.

Вот только пожары следовали один за другим, мешая завершить строительство, – в 1414, 1415, 1422 годах. А самый страшный вспыхнул в 1445 году. К тому же княжеская

междоусобица, в ходе которой великий князь Василий II Васильевич был ослеплен собственным двоюродным братом Дмитрием Шемякой, не оставляла времени для благоустройства монастыря.

И снова судьбой храма занялась очередная великая княгиня, теперь уже овдовевшая после смерти Василия II его Марья Тверичанка, которую сама выбрала для сына Софья Витовтовна.

Княгиня Марья решила обгоревший, со сдвинутыми сводами храм полностью разобрать и на его месте соорудить новый. Но, по счастью, находившийся у нее на службе мастер Василий Дмитриевич Ермолин выступил в защиту старой постройки. Он не стал разбирать церковь до основания, переложил только своды, а обгоревшие стены обложил новым камнем и обожженным кирпичом. В начале ноября того же, 1467 года храм был освящен.

Но, кажется, ни один из ансамблей Кремля не страдал так от пожаров, как Вознесенский монастырь. В 1475 году в Кремле обгорело одиннадцать каменных церквей, а у «Вознесения и нутрь выгорел». Храм очень быстро восстановили, но уже в 1482 году в нем сгорела большая икона Одигитрии греческого письма, сооружения «в меру» чудной Цареградской. Погибли краски и оклад, но самая доска уцелела, и тогда на ней Дионисий возобновил тот же образ.

Бесконечная борьба с огненной стихией приводит к тому, что уже в 1514 году отец Ивана Грозного, Василий III Иванович, приказывает церковь разобрать. Новая на ее месте строится, по всей вероятности, знаменитым Алевизом Фрязином уже в 1520-х годах.

И опять продолжались страшные пожары, уничтожавшие и разорявшие монастырь: 1547-й, когда выгорели без остатка все деревянные постройки и погибли в огне десять монахинь, не говоря об образах, церковных сосудах и всяком прочем имуществе, 1571-й – сгорели игуменья со всеми сестрами. Затем шли 1626 год, 1633-й, 1737-й, и каждый раз от деревянного строения не оставалось ничего.

Заказ на строительство в Вознесенском монастыре Алевизу Фрязину исходил от великого князя Московского Василия III Ивановича, причем некоторые современники связывали решение князя со случившимся в обители именно в это время видением.

28 июля 1521 года у Оки неожиданно появился крымский хан Махмет-Гирей со многими полками из низовых татарских орд, к которым присоединились черкесы и Литва. Началось опустошение сначала Коломенских земель, затем отдельные отряды стали двигаться к Москве. Они выжгли монастырь Николы на Угреши и дошли до подмосковного села Остров.

Москва «села в осаду» вместе с собиравшимися со всех сторон пришельцами из уездов и жителями собственных посадов. Великий князь, по существующему обычаю, отправился в Волок «строить» полки. Но в Москве неожиданно началось смятение. Причиной тому стало не только пророчество юродивого Нагоходца Василия, пришедшего к вратам Успенского собора для тайной молитвы. Стоявшие вокруг юродивого горожане вместе с ним услышали шум внутри храма и увидели, как сошла со своего места и подвиглась к дверям икона Владимирской Богоматери. Одновременно раздался голос, что Богоматерь вместе со всеми русскими святителями хочет выйти и из собора, и из самой Москвы, причем вся внутренность церкви осветилась ярким огнем, который вскоре погас.

Еще больший страх и смятение вызвала престарелая и давно уже слепая инокиня Вознесенского монастыря, которая, стоя на молитве, в своей келье увидела «не яко во сне, но яко на яву – идет из града по Фроловския ворота многочисленный световидный собор святолепных мужей в освященных одеждах, многие митрополиты, епископы, из них были познаваемы великие чудотворцы: Петр, Алексей, Иона и Ростовский Леонтий, и иные многие иереи и дьяконы и прочие причетники. С ними же несома была и икона Владимирския Богаматери, и прочие иконы и кресты и Евангелия, и прочие святыни с кадилами, со свещами, с лампадами, с рипидами и хоругвями, и за ними народ в бесчисленном множестве.

И в то же время от великого Торжища Ильинского навстречу шествию, скоро

поспешая, двигался Сергий Чудотворец и к нему доспел Варлаам Хутынский Чудотворец. Оба преподобные, встретя святителей, со слезами вопрошают их: «Чего ради исходите из града, и куда уклоняетесь, и кому оставляете паству вашу в это время варварского нашествия?»

Световидные святители также со слезами ответили, что по Господню повелению они идут из града и выносят икону Владимирскую, потому что люди забыли страх Божий и о заповедях Божьих не ведают и не радят; того ради Бог и попустил придти сюда варварскому языку, да накажутся люди и покаянием возвратятся к Богу. Святая двоица преподобных умолила святителей общею молитвою помолиться о грешных людях, дабы праведный Божий гнев на милость претворить. Последовало совокупное торжественное моление, после которого священный ход возвратился в город».

Монахиня рассказала о своем видении духовнику, и оказалось, что подобные видения были многим москвичам в разных частях города.

В тот же день стало известно, что татары безо всяких сражений в панике бежали от Москвы. Объяснялось это тем, что посланный ханом к Москве передовой полк увидел вокруг столицы бесчисленное воинство. Не поверив этому сообщению, хан дважды повторил опыт, но все посланцы подтверждали первое сообщение. Махмет-Гирей отдал приказ своим войскам уйти в степи. Вскоре, как узнали москвичи, он был убит ногайцами.

Но все же главными в истории монастыря становятся жизнеописания ее вольных или невольных высоких узниц. Именно в этих стенах оказывается дочь Бориса Годунова царевна Ксения. Свидетельница расправы с матерью и провозглашенным уже царем братом Федором, царевна была насильственно пострижена «у Вознесенья» под именем Ольги, но монашеский клобук не спас ее от издевательств.

Появившийся в Москве Лжедмитрий под предлогом сочувствия приезжает в монастырь для встречи с царевной и забирает Ксению во дворец в качестве своей любовницы. Несмотря на всю неприязнь к Борису Годунову, царевну москвичи дарят сочувствием и симпатией. Хорошо образованная, знавшая иностранные языки, игравшая на музыкальных инструментах, – отец мечтал о ее браке с кем-либо из иностранных принцев крови – Ксения, по-видимому, завоевывает сердце Лжедмитрия. Так называемый Самозванец не скрывает своей связи с царевной, вовлекает ее в придворные развлечения настолько открыто, что слух об этом доходит до тронувшихся в путь в Москву из Кракова отца и дочери Мнишков. Юрий Мнишек заявляет Самозванцу о своем недовольстве сложившейся ситуацией и требует удаления царицы из дворца, на что Дмитрий, по свидетельству современников, никак не хочет решиться. Марина в отчаянии от сложившегося положения, понимая, что увлечение ею Самозванца, если только оно вообще имело место, прошло. Но русский престол по-прежнему продолжает ее привлекать. Подняться на него она готова любой ценой.

Политические соображения не могли не перевесить – Самозванец отправил царевну в Белозерский монастырь. Пришедший к власти царь Василий Шуйский вернул Ксению-Ольгу в Москву, разрешив ей жить в Троицком монастыре. Здесь же царевна скончалась в 1622 году. Она сама сочиняла очень популярные в народе песни о своих несчастьях и незадачливой судьбе, которые, кстати сказать, собрал и сохранил англичанин Ричард Джемс.

Следующей знатной жилицей Вознесенского монастыря стала последняя, седьмая, супруга Ивана Грозного – Мария Нагая. Ее судьба как царицы оказалась очень короткой. Почти сразу после появления Марии во дворце – о законном церковном браке не могло быть и речи, поскольку православная церковь допускала их только три – она «стала неугодна государю». Все выглядело так, будто Грозный всего лишь дождался рождения ребенка, чтобы вообще удалить Марию из дворца.

Такая откровенная опала в Кремле усугублялась для Нагой постоянными хлопотами царя о новой супруге. Претенденток на союз с собой он видел только за рубежом. Долгое время его попытки были сосредоточены на английской королеве Елизавете I, которую Грозный убеждал, что, «пребывая в своем девичестве», Елизавета не может должным образом управлять государством и даже просто чувствовать себя в безопасности.

Решительный отказ королевы вынудил царя обратиться к идее женитьбы на одной из близких ее родственниц. Кандидатура была найдена, и начались оживленные переговоры, требование присылки портрета невесты, осмотр ее присланным из Москвы послом. Нагая не могла обо всем этом не знать. Но она знала и о быстро ухудшавшемся здоровье царя. Грозного уже носили в кресле. Он не мог подымать головы и смотреть на стоявшего перед ним человека «согнутый крюком». Страшны были приступы охватывающего его бешенства.

Тем не менее Грозный не обездолил в своем завещании младшего сына. В удел Дмитрию был назначен Углич, куда немедленно после смерти Ивана Васильевича и была отправлена Мария Нагая с ребенком, ближайшими родственниками и под строгим надзором специальных чиновников. Царица кротостью тоже не отличалась, постоянно жаловалась на несправедливость своего положения, поддерживала собственных братьев в желании освободиться от надзирателей.

В смерти Дмитрия Борис Годунов, фактически правивший государством при царе Федоре Иоанновиче, обвинил самоё царицу и ее братьев. Марию Нагую насильно постригли и отослали в «место пусто» – на Белоозеро. Царицыных братьев заточили в тюрьму. Холопов казнили, а сотни угличан отправили в пожизненную ссылку в Сибирь.

Самозванец начал с того, что распорядился о возвращении Марии Нагой в Москву со всей пышностью, соответствующей сану царицы. До ее возвращения он отложил и собственную коронацию: москвичи должны были убедиться в подлинности его царского происхождения. Сохранилось предание о том, что «напред» был послан к ссыльной царице постельничий Семен Шапкин, которому предстояло убедить Нагую в необходимости признать Самозванца, причем перед угрозой расправы. Инокиня не могла не отступить.

Вряд ли в этом случае речь могла идти о расправе. Мария Нагая радостно приняла привезенную весть. В середине июля поезд с царицей достиг подмосковного села Тайнинского. Первым от лица нового царя ее приветствовал племянник Шуйских Михайла Скопин-Шуйский. А спустя два дня туда прибыл сам Самозванец под охраной польского отряда и в сопровождении бояр.

Встречу матери и сына устроили не в путевом дворце, а под открытым небом, на виду у множества заранее оповещенного народа. Народ, по свидетельству очевидцев, рыдал, видя слезы и радость Дмитрия и его матери.

Сцена продолжалась около четверти часа, после чего сын бережно посадил родительницу в экипаж. Сам Дмитрий некоторое время шел около кареты пешком с непокрытой головой. Вскоре весь огромный поезд остановился на ночлег, и только 18 июля Мария Нагая под колокольный звон прибыла в Москву. Сын ехал верхом подле кареты через запруженную народом Красную площадь. После благодарственного молебна в Успенском соборе была роздана нищим щедрая милостыня, а царственная пара вступила во дворец.

Впрочем, местом пребывания царицы был назначен по ее же воле Вознесенский монастырь, куда Самозванец стал ежедневно «для беседы» приезжать. Его коронация состоялась через три дня после возвращения в Москву Марии Нагой. Торжество было обставлено с невероятной даже для Москвы пышностью. Не говоря об убранстве дворца, путь от него в Успенский собор через площадь был застелен золототканым бархатом. У алтаря Самозванец еще раз повторил рассказ о чудесном спасении царевича Дмитрия. Затем патриарх Игнатий надел на него венец Ивана Грозного, а бояре вручили скипетр и державу.

Но даже этого Самозванцу показалось мало. Он распорядился короновать себя дважды: после Успенского собора еще и в Архангельском – у гробов всех предков, а затем поклонился праху покоившихся здесь же, в приделе, Нагих.

Вознесенский монастырь становится официальной резиденцией вдовствующей царицы-матери. Именно сюда, к будущей свекрови, прибывает и царская невеста Марина Мнишек.

С поразившей воображение москвичей пышностью был обставлен сам по себе приезд Марины. Когда поезд невесты в богатейших каретах стал приближаться к Красной площади, собранные здесь музыканты «во множестве» ударили в литавры и барабаны и начали трубить в трубы. Этот гром не умолкал, пока невеста не остановилась перед воротами

Вознесенского монастыря. Здесь произошла ее встреча с царицей, а во внутренних помещениях и с женихом.

Пять дней Марина не покидала монастыря, и можно только строить домыслы о том, как она проводила время. В описании Н. М. Карамзина это выглядело так. «Доброжелатели сего безрассудного хотели уверить благочестивых Россиян, что Марина в уединенных недоступных кельях учится нашему закону и постится, готовясь к крещению. В первый день она действительно казалась постницею, ибо ничего не ела, гнушаясь русскими яствами; но жених, узнав о том, прислал к ней в монастырь поваров отца ее, коим дали ключи от царских запасов, и которые начали готовить там обеды, ужины совсем не монастырские. Марина имела при себе одну служанку, никуда не выходила из келий, не ездила даже к отцу; но ежедневно видела страстного Лжедмитрия, сидела с ним наедине, или была увеселяема музыкой, пляскою и песнями духовными. Расстрига вводил скоморохов в обитель тишины и набожности, как бы ругаясь над святым местом и саном инокинь непорочных. Москва сведала о том с „омерзением“. Правда, подробность о скоморохах не находит подтверждения в свидетельствах очевидцев. После торжественного бракосочетания и венчания на царство теперь уже Марина Юрьевна, по титулу царица Всея Руси, перешла жить во дворец.

Мария Нагая не принимает участия в дворцовой жизни Самозванца. Только после его гибели толпа вызывает ее на крыльцо для опознания изуродованного тела: «Точно ли убитый сын ее?» Ответ царицы почему-то до сих пор не привлек внимания историков: своей двусмысленностью: «Об этом надобно было спросить, когда он был жив, а теперь он уже не мой».

Не менее примечательно, что никто не обвиняет царицу в лжесвидетельстве, не высылает из Москвы, не ведет розыска. Нагая продолжает жить в Вознесенском монастыре до своей кончины в 1608 году. И хоронят ее, вопреки установившемуся обычаю, не в том же монастыре, а в виде исключения в Архангельском соборе. В подвалах собора находится могильная плита с надписью: «Преставися раба божия царица Мария Федоровна всея Руси ивана…» Спустя тридцать лет первый царь из рода Романовых – Михаил Федорович распорядился положить на гроб Марии Нагой богатый покров. Это произошло одновременно с сооружением в соборе над гробницей царевича белокаменной резной сени, литой бронзовой решетки и надгробной серебряной доски с изображением Дмитрия, которую выполнил известный чеканщик Гаврила Евдокимов.

Спустя пять лет после погребения последней супруги Грозного в монастыре поселилась Великая старица, мать новоизбранного царя, в миру Ксения Ивановна Шестова. Небогатая костромская дворянка, привлекшая к себе внимание первого щеголя и жениха Москвы Федора Никитича Романова, Ксения слишком недолго пользовалась семейным счастьем. Дворцовая борьба, приведшая к опале семьи Романовых, лишила ее одновременно мужа, детей и права на мирскую жизнь: она была насильно пострижена.

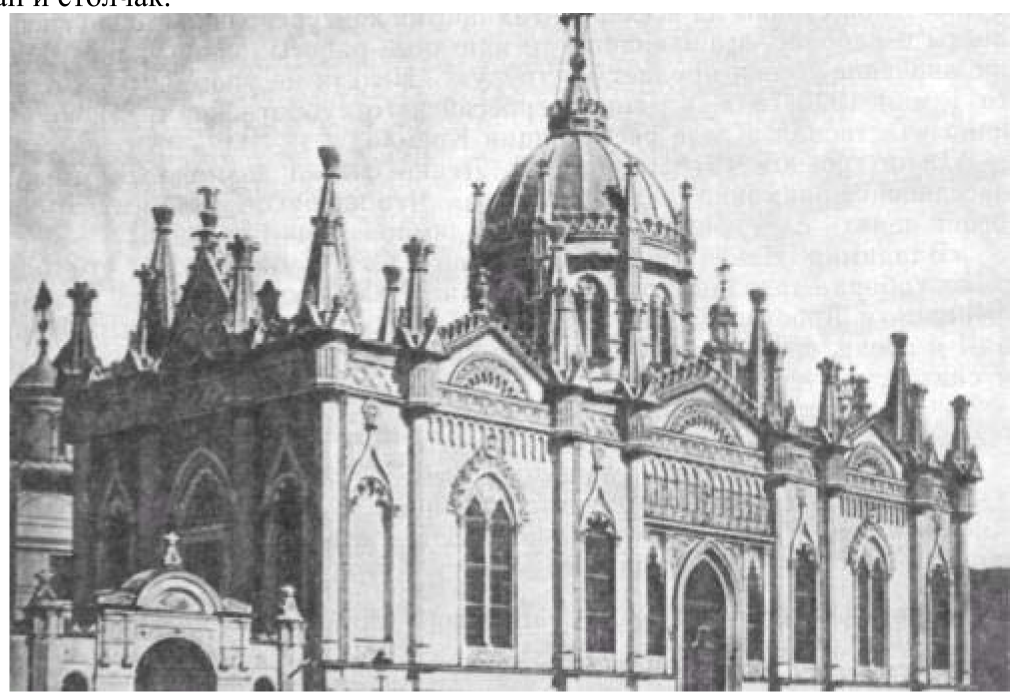
Только с гибелью Самозванца Великая старица Марфа, как ее станут впоследствии называть, получит возможность жить с сыном, будущим царем Михаилом Федоровичем, в костромском Ипатьевском монастыре, воспитывать его и отстаивать его права. Ее независимый нрав и сильная воля во многом помогли решить вопрос об избрании именно в пользу Михаила.

В ожидании приезда в Москву Великой старицы с сыном бояре распорядились отделать для инокини в Вознесенском монастыре палаты Марии Нагой – «устроить великими покои попрежнему». Царский дворец в это время был полностью разорен, стоял без кровель, полов, дверей и окончин, которые были «истоплены» занимавшими его поляками. Придать жилой вид находившимся в нем покоям былой царицы, супруги Василия Шуйского, в такой короткий срок не представлялось возможным из-за недостатка строительного леса и плотников. Зато оставалось время до холодов привести в порядок жилье недавно преставившейся вдовы Грозного. И любопытное совпадение – Великая старица с царем Михаилом прибыли в Кремль в тот же самый день, что и Марина Мнишек: 2 мая.

К сентябрю покои Великой старицы убрали «суконным нарядом» алым и зеленым,

обив все оконницы и двери. Но Великая старица предпочла к декабрю выстроить в монастыре «малую избушку». Дверной прибор здесь обили вишневым сукном, а к октябрю 1614 года сменили на английское лазоревое сукно.

Новая жилица монастыря оказалась очень беспокойной и требовательной. Марфа устраивает в Вознесенском храме два придела: во имя государева ангела Михаила Малеина и святого Федора «иже в Пергии», соименных сыну и мужу. В 1624 году позади царицыных хором рубится еще одна «избушка» с шестью слюдяными окнами, большой изразцовой печью, железным луженым дверным и оконным прибором. Перед «избушкой» были сени и в стороне чулан и столчак.

Вознесенский собор Кремля.

Двумя годами позже Марфе понадобилась новая келья, которая, как и «избушка», соединялась с церковью Георгия, обозначавшейся «что у великия государыни иноки Марфы Ивановны на сенях».

Великая старица берет на себя управление всем обиходом царицына ведомства, то есть выполняет все обязанности царицы – Михаил еще не женат, а его отец, патриарх Филарет, находится в польском плену. До его возвращения Марфа вынуждена была «досматривать за государством», а может быть, делала это с охотой. Как настоящая царица, она распоряжалась деньгами по одному своему «слову», которому подчинялись все приказы. Послы от русских земель, в частности купцы, кланялись подарками и царю, и Великой старице.

Постепенно в Вознесенском монастыре сосредоточились все важнейшие работы царицына дворцового обихода, в первую очередь так называемые светличные – шитье, вышивание, низанье. Соответственно к Великой старице поставлялся самый разнообразный материал, шелка, волоченое и пряденое золото, серебро, жемчуг, разнообразный металлический прибор, например «перепелков» – особого рода булавок или шпилек одних на 1624 год было получено 100 золотников белых и 200 золотников золоченых. Жемчуга же на следующий год доставили для работ 6077 зерен разной величины на общую сумму 1557 рублей. Золотым шитьем и жемчужным низаньем выполнялись ризы, пелены, покровы, все виды церковной утвари, для чего использовались также изумруды, лалы – рубины, яхонты.

Судьба отказала Великой старице в семейной жизни. С мужем после свадьбы она не прожила и пяти лет. Дальше был постриг и расставание на целых пятнадцать лет. И все же она продолжает себя чувствовать и женой, и хозяйкой большого, теперь уже царско-патриаршего дома. Филарет Никитич находится в польском плену, но это не мешает жене послать ему «на Литву охабенек объярь таусинная и шубу объярь вишневая на соболях да

еще и шесть сороков соболей» – могли пригодиться на подарки да подкуп нужных лиц. Оно и вышло в конце концов, что патриарха Филарета обменяли «с придачей» на полковника Струся и других поляков. А уж когда патриарх получил свободу, Великая старица немедля послала ему полный святительский наряд, чтобы въехал в Москву в должном облачении, чтоб ни в чем не была ущемлена его гордость. Были это «монатья праздничная и монатья будничная и ряска».

Заботы о сыне занимали все мысли инокини. В 1614 году строила ему Великая старица аксамитную шубу с жемчужным кружевом, в которое были вставлены в гнезда 16 больших лазоревых яхонтов. Все рядовые предметы царской одежды строились у матери. Еще в декабре 1613 года на сорочки, например, было поставлено тафты виницейки алой 13 аршин и 66 аршин такой же тафты широкой, и это для будничного обихода. Красный цвет для белья был в Москве самым распространенным. Достаточно сказать, что постели покрывались ярко-оранжевыми простынями, а подушки имели наволочки алого цвета с обшивкой из серебряного кружева, и это не только в царском обиходе.

Но при всей роскоши царских одеяний и Великая старица, и ее сын склонностью к лишним тратам не отличались. Михаил Федорович, например, по совету матери предпочитал использовать нарядные сорочки из имущества Богдана Бельского, растерзанного в Ливнах сторонниками Самозванца, в прошлом приближенного и Ивана Грозного, и Бориса Годунова. По неизвестной причине государь пользовался богатейшим имуществом боярина, имевшего двор в Московском Кремле.

Из «Богданова имущества» в декабре 1613 года Михаилу Федоровичу под наблюдением Великой старицы были поданы четыре сорочки тафтяные, червчатые и белые, «а на сорочках по вороту и на мышках и на прорехах 373 зерна жемчужных на спинех-гнездах серебряных».

Для себя Великая старица определила единственный цвет – черный во всем – от одежды до обивки экипажей. Когда черных тканей не хватало, их специально «чернили». В своих комнатах Великая старица носила ряску, на выход надевала опашень, обычно из багрового киндяка, охабень и горностаевую шубу из черной тафты с собольей шапочкой.

И тем не менее Марфа Ивановна не отказывалась полностью от придворных обычаев. В ее хоромах жила дурка Менка. Другая дурка – Марфа уродливая числилась среди монастырских стариц. Был при Великой старице арап Давыд Иванов и бахарь-сказочник Петруша Макарьев. Подобное уменьшение имени сказателя свидетельствовало о добром отношении к нему Марфы Ивановны.

Самой большой радостью для инокини стало рождение у Михаила Федоровича первого ребенка – царевны Ирины Михайловны, которую бабушка забрала к себе в кельи, много возилась с ней и даже делала и наряжала для внучки кукол, на что в 1629 году из Мастерской палаты было затребовано «20 лоскутов отласных золотых и серебряных и камчатых и тафтяных на потешные куклы».

Царевна стала последней и единственной радостью Великой старицы после возвращения из польского плена мужа, все больше удалявшегося от дворцовой жизни. Крутой нрав патриарха, не допускавший возражений, сыграл в этом немалую роль. Великой старицы не стало 28 января 1631 года. Похоронить ее было решено в Новоспасском монастыре – усыпальнице всех Романовых.

Великая старица всю жизнь пользовалась царской казной, но располагала и собственными доходами – от принадлежавших ей Галицких волостей. Накопившиеся от них деньги – более шести тысяч рублей были полностью израсходованы на поминовение усопшей.

Обиход Вознесенского монастыря был похож и не похож на обиход других женских обителей Московского государства. Самый богатый среди них, непосредственно связанный с царским дворцом, он привлекал монахинь из знатных русских семей, которые поступали в него со своими «послуживицами». Обязательный вклад колебался от 50 до 70 рублей в зависимости от достатка монахини. В 1625 году в монастыре числились: игуменья, келарь,

казначея, 9 стариц боярынь, 4 старицы соборные, 3 уставщицы, 26 крылошанок, 88 рядовых инокинь, иначе говоря, всего 133 старицы. Это число примерно сохранялось вплоть до конца XVII века.

Сегодня мало кто из историков вспоминает, что все сестры-старицы состояли на окладе, который им назначался на так называемый келейный обиход. Игуменья, келарь и казначения получали по 4 рубля, рядовые монахини по 2 рубля. Существенное пополнение оклада составляли заздравные деньги, которые выдавались в именинные дни царского дома (тем же трем руководительницам обители по два алтына, всем остальным – по алтыну) и панихидные – в каждый день памяти по скончавшимся членам царского дома («тремя властям» по гривне, остальным по десять денег). Всего в календаре 1697 года числились 17 «ангелов» и 70 «памятей». Сначала эти средства выдавались из государственной казны, но царь Федор Алексеевич в 1681 году предложил покрывать подобный расход из монастырской казны.

Действительно, монастырь обладал немалыми материальными возможностями. В год упомянутого решения царя Федора Алексеевича за обителью числилось почти две тысячи дворов, вотчинные доходы достигали трех с половиной тысяч рублей годовых. Поэтому сестрам выплачивались еще дополнительные дачи. С 1 сентября, когда начинался новый год, «на капусту» сестрам по 40 копеек, «властям» 80 копеек. На дрова на год давалось сестрам по 60 копеек («властям» во всех случаях вдвое больше), в январе на коровье масло – 60 копеек на полпуда коровьего масла, в конце Рождества и Богоявления на кутью – по 2 копейки, также и в Сырной неделе и на Родительскую субботу. Великим постом оплачивались сушеные грибы, стоившие половину цены рыбы. На рыбу в марте выдавалось по 25 копеек.

Особыми привилегиями пользовались крылошанки – певчие на клиросах. На Рождестве они приходили славить к «властям», за что получали на клирос по одному рублю 75 копеек. До вступления в правление Петра I им разрешалось ездить со славленьем по боярским дворам, за что из монастырской казны на оба клироса выдавалось 30 рублей. На Святой неделе каждый клирос получал по два пуда меда и 1 рубль 20 копеек деньгами.

Немалых денег стоили устраивавшиеся для инокинь праздничные столы. В Светлый праздник устраивался «кормстол» на весь монастырь с протопопом и игуменьей. В 1697 году для этого стола было куплено «2 осетра просольных, 2 осетра свежих, во щи 10 тешек, 25 щук свежих на 4 пуда, 12 судаков, 23 язя, 23 леща, пуд семги, 50 пучков вязиги, пуд и 3 фунта черной зернистой икры, 2 четверика снятков, да во всякое кушанье луку пол-осмины, фунт перцу, 8 фунтов хрену, ведро уксусу, 10 паровых стерлядей да ушной рыбы 90 судаков, 200 плотиц. Про игуменью и про соборных старицей к тому же столу особо куплено живой рыбы: 2 щуки, лещ, шерешпер, 3 язя. В пироги 3 налима, 3 окуня россольных, 15 плотиц, 5 карасей, 5 стерлядей в уху, всего на 1 рубль 30 копеек».

Помимо блюд, на праздничных столах устраивались медовые ставки, для которых на монастырском погребе хранился мед. На каждую ставку выходило около 37 пудов. Варили также и монастырское пиво, для чего в монастырском штате имелся особый пивовар, и настаивались водки. Для «пересиживания» вина закупались гвоздика, бадьян, кардамон, анис. Специально для почетных гостей приобреталось и ренское (белое) вино. Так, по случаю освящения в ноябре 1696 года Вознесенского собора к игуменье в келью для гостей была приобретена четвертная скляница ренского за 50 копеек.

В жизни женской половины царской семьи Вознесенский монастырь являлся еще и своего рода банком, который в любой момент мог предоставить кредит. Учет подобным заимствованиям и последующим расплатам велся очень строго.

Как свидетельствуют документы, «да в долгех прошлых лет со 199 (1681) по нынешний 205 (1697) год: государыня царевна Софья Алексеевна как пошла в Новодевичь монастырь изволила взять 150 рублей. Она же государыня царевна и великая княгиня Софья Алексеевна в 203 (1695) году изволила взять 100 рублей. Брала постельница Ирина Блохина. Государыня царевна и великая княгиня Марфа Алексеевна изволила взять 30 рублей, да в 203 году 40

рублей. Государыня царевна Феодосия Алексеевна изволила взять 25 рублей и в 202 году прислала в уплату 10 рублей; да в 203 году она же изволила взять 15 рублей и в нынешнем 205 году ноября в 1 день за те взятые деньги она государыня изволила прислать золотую цепочку и та цепочка продана, взято 30 рублей и те деньги в монастырскую казну взято. Государыня царевна Феодосия Алексеевна изволила взять 15 рублей, а в закладе положены ефимки. Государыня царевна Татьяна Михайловна изволила взять 10 рублей и в 204 году прислала в уплату 5 рублей. На вдове Прасковье Тарбеевой 20 рублей. На окольничем Петре Ивановиче Потемкине 30 рублей. На игуменье Варсонофии Ивановне Бутурлиной 100 рублей, что взяла невестке своей». На престарелой тетке Петра I царевне Татьяне Михайловне еще в 204 году числилось 3 рубля, которые она уплатила в 205 году.

Власти Вознесенского монастыря не обходили вниманием всех членов женской половины царской семьи, одаривали их различными особенно любимыми монастырскими кушаньями, и прежде всего знаменитыми яблочниками. Умением их варить славилась сама игуменья Варсонофия, которая этим занималась в своих кельях – «в поднос царицам и царевнам». Монахини не забывали даже опальную царевну Софью, которой в декабре 1696 года, например, посылались яблоки и грецкие орехи, за которые было заплачено, судя по расходной книге, 20 копеек. Через два месяца ей снова посылается сотня грецких орехов, как и в апреле. Во всех случаях на московском торге их цена составляла гривенник за сотню.

Насколько разнообразными были связи монастыря с москвичами, можно судить по записям расходного дневника. «1696 года октября 1-го боярину Алексею Семеновичу Шеину, как пришел с государевою силою из Азова со службы, поднесен образ Вознесения окладной (в окладе – серебряном или золотом). Того ж числа снохе стольника князя Ивана Федоровича князя Борятинского, сыновне жене, как после свадьбы пришли к игуменье на поклон в келью, поднесен образ Вознесения окладной.

Октября 12 подмастерью каменщику Ивашке Степанову, как левкасили стены в церкви Вознесения и пробили окна и учинили совсем в отделке и на отходе с дела ему Ивашке игуменья благословила образом Вознесенья, неокладным. Октября 13 у игумении были в келье боярыня Елена Борисовна Хворостинина да царевны Наталии Алексеевны (сестры Петра I) мама и быв обедали и к тому обеду куплено свежие и живые рыбы: 3 щуки, стерлядь, 3 налима, 5 пучков вязиги, 3 гривенки икры зернистой, тешка белужья за все дано 1 рубль 5 копеек; на другой день про них же к обеду щука, стерлядь, 2 налима – 51 копейка. Октября 14 куплено редкое сито цедить монастырское пиво, дано 5 копеек.

Октября 19 куплено игуменье в келью 100 свеч сальных да к келарю да к казначее в келью по 50 свеч, за сто дано по 24 копейки (декабря 22 тоже).

Октября 24 боярину князю Михаилу Яковлевичу Черкасскому как женил сына на дочери боярина князя Бориса Алексеевича Голицына и после свадьбы поднес образ Вознесения окладной.

Декабря 29 кузнецу Михаилу Хаилову от подковки лошадей и от монастырских карет, колясок и избушек (зимних возков) за полгода дано 6 рублей 22 копейки.

Апреля 15 дан рубль келарю Венедикте Пушкиной на загородный монастырский двор, что под Девичьем монастырем, на покупку всяких овощей садить про монастырский обиход.

Мая 17 боярину Льву Кирилловичу Нарышкину поднесен образ Вознесения, как ему Бог даровал дщерь.

Мая 22 куплено в церковь Вознесения листу всякого (трав и цветов) к Троицкой вечерне на 7 копеек.

Мая 26, как ездила келарь со старицами на загородный двор под Девичь монастырь досматривать садов и овощей и в то число слугам, кои с ними были, отпущено окорок ветчины.

Мая 28, как были у игуменьи боярыня княгиня Елена Борисовна Хворостинина да боярыня Анна Михайловна Салтыкова, изволили кушать, куплено при них свежие и живые рыбы на 60 копеек.

Июня 8 куплено для поливания монастырской капусты кувшинов на 3 копейки.

Июня 12 новопоставленному Новгородскому митрополиту Иову поднесен образ Вознесения окладной.

Июня 20 монастырскому слуге Естифею Осипову, что он строил коврижку, которая послана к боярину Борису Алексеевичу (Голицыну) за всякие запасы 75 копеек.

Июля 19 к игуменье в келью, как к ней приходили святейшего патриарха крестовые черные священники со святынею от Двунадесяти Апостолов, дано им рубль.

Августа 8 поднесен образ Вознесения, окладной, стольника князь Михайловой жене Михаиловича Голицына, как ей даровал Бог сына.

Августа 15 служили в конюшне молебен Флору и Лавру, священникам дано 10 копеек…»

Не могло происходить без участия князей церкви и избрание игуменьи Вознесенского монастыря. Так, в 1718 году не стало занимавшей эту должность Евдокии Челищевой. По этому случаю собрался весь монастырский собор – духовник иеромонах Макарий, казначея, 14 боярынь княгинь и соборных стариц, уставщица, головщица и все монахини. Именно они «собором» приговорили быть настоятельницей келарю Венедикте Пушкиной «для того, что она монахиня добрая и такой чести достойна». Выбор подписал один духовник и о благословении Венедикты на игуменство направил указ к преосвященному Крутицкому епископу, который и благословил Венедикту в Успенском соборе на новую ее должность.

Остатки памятника царю-освободителю Александру II.

Вознесенский монастырь стал усыпальницей семьи царя Иоанна Алексеевича. По приказу императрицы Анны Иоанновны в 1731 году с северной стороны соборного храма был пристроен придел Успения Богородицы над гробницей отца царицы Прасковьи Федоровны (деда Анны Иоанновны) – боярина Федора Петровича Салтыкова. Непосредственным строителем был сын покойного московский генерал-губернатор Василий Федорович Салтыков.

Годом позже появился с южной стороны придел Всех Скорбящих Радости над гробом только что скончавшейся сестры императрицы, царевны Прасковьи Иоанновны. В самом соборе была похоронена и первая супруга Петра I – царица Евдокия Федоровна Лопухина.

Последней перед событиями 1917 года «властью» монастыря были настоятельница – игуменья Евгения, казначея – монахиня Иулиания, протоиерея Александр Иванович Пшеничников, член Московского епархиального училищного совета и брат протоирея кремлевского Успенского собора.

В начале 1930-х годов на месте снесенных Чудова и Вознесенского монастырей

строится здание Военной школы ВЦИК (архитектор И.И.Рерберг). В 1950-х годах школа перестраивается под Кремлевский театр, а затем переходит в ведение Верховного Совета СССР.

Часть 2
Китай-город

Богоявленский монастырь

Мало есть правды царю мудру быти, а подчиненных мудрости лишити. Речки малыя реку расширяют, мудрыя рабы царя прославляют. Вели и рабам мудрости искати…

Симеон Полоцкий. 1660-е гг.

В конце XIII века за Торгом, с напольной стороны, на обжитом уже месте появляется основанный князем Даниилом Московским Богоявленский монастырь. Он встал рядом с дорогой во Владимирскую землю – через Переславль, которая особенно оживилась в связи с образованием Переславского княжества. Закончить постройку удалось только при Иване Калите, в 1304 году.

Первая каменная соборная церковь была заложена в 1342 году, заменена в 1624 году и поныне существующим собором, приобретшим свой окончательный вид в 1693–1696 годах. Это один из лучших памятников так называемого нарышкинского барокко. Хотя сегодня можно говорить лишь о фрагменте замысла зодчего: завершавший основной объем восьмерик с граненой маковкой не сохранился.

Богоявленский монастырь.

Церковь Богоявления Господня (собор Богоявленского монастыря).

Внутри собора алебастровый скульптурный декор был выполнен артелью итальянских мастеров под руководством Д. М. Фонтана. В стене вставлены многочисленные надгробные доски, в том числе работы прославленного французского скульптора Ж. А. Гудона, ныне хранящиеся в Научно-исследовательском музее архитектуры имени А. В. Щусева.

По-видимому, одновременно с началом строительства собора в конце XVII века были возведены каменные Братские кельи и Настоятельский корпус. В 1739-м над ныне исчезнувшими внутренними воротами возводится колокольня, а в 1747, 1749 и 1754 годах собор приобретает три придела и колокольню. Монастырские корпуса сохранились при перестройке 1870—1880-х годов, когда были разобраны галереи, соединявшие их между собой и с собором.

Уже с конца XVIII столетия монастырь начал уступать торговому духу Китай-города. Сначала в его вытянутых вдоль улицы и переулка корпусах появились сплошные галантерейные лавки. В начале XX века сломаны надвратная колокольня и угловые постройки монастырского владения. В 1910-м построен Торговый дом монастыря (Никольская ул., 6). В 1940-х на бывшем монастырском дворе появилось административное здание.

Предреволюционный штат монастыря был достаточно велик. В него входили управляющий – преосвященный Трифон, епископ Дмитровский, наместник – архимандрит Ипполит, ризничий – игумен Иона, пятеро иеромонахов, восемь иеродьяконов.

Из прошлого оставалось только вспомнить: не в этих стенах – на этой земле в течение 1680—1687-х годов, иначе говоря, при царевне – правительнице Софье Алексеевне,

существовала школа братьев И. и С. Лихудов, которая после перевода в Заиконоспасский монастырь влилась в Славяно-греко-латинскую академию. Об этих ростках русского высшего гуманитарного образования не говорит никто и ничто.

Николаевский греческий афоногорский монастырь

Болваном Макар вчерась казался народу,
Годен лишь дрова рубить или таскать воду,
Никто ощупать не мог в нем ума хоть кроху,
Углем черным всяк пятнал совесть его плоху.
Улыбнулось тому ж счастие Макару,
И сегодня временщик: уж он всем под пару
Честным, знатным, искусным людям становится,
Всяк уму наперерыв чудну в нем дивится,
Сколько пользы от него царство ждать имеет!..
Антиох Кантемир. Сатира. 1730 г.

Сегодня следы этого одного из древнейших в Москве, точнее – в Китай-городе, монастыря почти полностью исчезли. Почти – потому что памятью о нем осталось название Никольской улицы и Никольской башни Кремля.

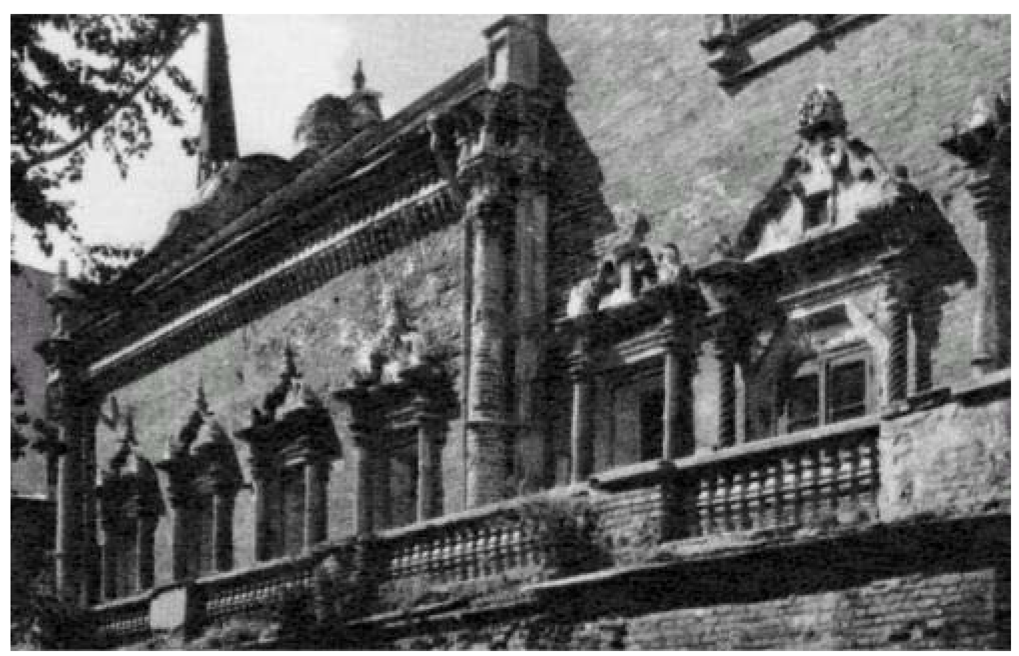
Основанный в конце XIV века, первоначально он занимал место между Богоявленским и Ветошным переулками, точно напротив Богоявленского монастыря, под именем Никола Старый Большая Глава. Это положение было продиктовано, скорее всего, военными соображениями, так как включало Николу Старого в единую оборонительную систему города. Однако сравнительно скоро его перевели на участок земли между Заиконоспасским монастырем и Печатным двором, по противоположной стороне дороги-улицы.

В середине XVI столетия монастырь передали для временного пребывания греческим монахам, а в 1660-х годах царским указом давним насельникам навечно – в благодарность за привезенную ими копию иконы Иверской Божией Матери, для которой впоследствии была выстроена специальная часовня у Воскресенских ворот Китай-города.

Между тем уже в начале XVIII века сильно обветшавший монастырь приняла на свое попечение семья молдавских господарей князей Кантемиров. Здесь была устроена их усыпальница и появилась могила поэта Антиоха Кантемира.

Род Кантемиров происходил от богатого татарина, принявшего в 1540 году христианство и поселившегося в Молдавии. Отец поэта, Дмитрий Константинович, пробыл в качестве заложника в Константинополе с 1687 до 1691 год, изучив за это время в совершенстве турецкий и персидский языки. В Порте он занимал высокие должности, изучая одновременно историю, архитектуру, философию, математику. Им составлено описание Турции и Молдавии.

В 1710 году, во время Русско-турецкой войны, Дмитрий Кантемир получил от турок назначение молдавским князем и должен был принимать участие в военных действиях против России. Его дальнейшие действия оказались полной неожиданностью для Порты. Кантемир счел сложившуюся ситуацию благоприятной для освобождения Молдавии от турецких завоевателей и 13 апреля 1713 года заключил с Петром I обязательство сообщать ему о всех военных действиях Порты. Но Прутский поход оказался для Петра неудачным, и Кантемир с тысячью молдавских бояр эмигрировал в Россию, причем получил здесь княжеское достоинство с титулом светлости, огромные имения в Харьковской губернии, очень большую пенсию и едва ли не главное – право жизни и смерти над прибывшими вместе с ним молдаванами.

Богоявленский монастырь. Собор. Галерея южного фасада. Фрагмент.

Доверие Петра к Кантемиру-старшему было так велико, что во время Персидского похода царь поручил ему руководство своей походной канцелярией и составление всякого рода обращений к жителям Персии.

Кантемир-старший был блистательно образованным человеком, к тому же владел французским, итальянским, греческим, латинским, турецким, персидским, арабским, русским и румынским языками. Из-под его пера вышли «История образования и падения Оттоманской империи» на латинском языке, «Древняя и новая история Дакии» – на молдавском, «Историческое, географическое и политическое описание Молдавии», изданное на немецком и русском языках, «Система турецкого вероисповедания», «Мир и душа» и другие. Женат был князь на Кассандре Кантакузен, прямой наследнице византийских императоров. Умер он в 1723 году, завещав все свое немалое состояние тому из четырех своих сыновей, который проявил наибольшее расположение к научным занятиям, а именно Антиоху «в уме и науках от всех лучшего».

Сначала Антиох учился у учителей-греков. На седьмом году его наставником стал один из выдающихся студентов Заиконоспасской академии Иван Ильинский. После смерти отца Антиох Кантемир ненадолго оказывается в Славяно-греко-латинской академии и Академии наук, где особенно ценил лекции по математике и этике Бернулли и Гросса. С 1732 года он находился на дипломатической службе за границей – сначала в качестве резидента в Лондоне, затем в Париже, где и скончался в 1744-м. Согласно его воле, сестра Мария привезла прах брата в Москву и похоронила в родовой усыпальнице. В то время Никольскую улицу, где стоял монастырь, часто называли Священной из-за обилия церквей и иконных лавок, и княжна Мария имела полное основание писать, что совершила погребение брата на самой почитаемой и любезной сердцу москвичей улице, так что прах его «николи не сотрется из памяти народной уже ради одного почтенного погребения».

Настоятельские кельи. Фрагмент фасада.

В начале XX века все строения Никольского монастыря были снесены и на их месте архитектором К. Ф. Буссе построено здание с двумя флигелями (№ 11 и 13), в котором просматриваются остатки башни-колокольни. Всему комплексу были приданы черты так называемого псевдовизантийского стиля.

Последним настоятелем монастыря стал архимандрит Амвросий, кроме которого в штате состояло семь иеромонахов, двое иеродьяконов, три монаха и два послушника. Главным источником доходов и существования их оставалась сдача в аренду помещений. Внимания к себе монастырь не привлекал, и сколько-нибудь значительные вклады в него не вносились.

Знаменский монастырь

Сын старший глаголет к отцу:
Отче мой драгий! отче любезнейший!
Аз есмь по вся дни раб ти смиреннейший;
Не смерти скоро аз желаю тебе,
Но лет премногих, как самому себе.
Честнии руце твои лобызаю,
Уст твоих слово в сердце моем вину
(всегда. – Н. М.)
Сохраню, яко подобает сыну.
На твоем лице хощу выну зрети,
Всю мою радость о тебе имети.
Во ничто злато и сребро вменяю,
Паче сокровищ тебя почитаю.
С тобою самым изволяю жити,
Неже всем златом обогащен быти.
Ты моя радость, ты ми свет благий,
Вижду ах светло, како нас любивши,
Егда твоих благ общники творивши.
Несмь аз достоин тоя благодати,
За твой труд и нам Бог то велит дати…
Симеон Полоцкий. Из «Комедии о блудном сыне». 1678–

1679 гг.

Родовое гнездо Романовых – оно находилось в Москве. И памятники его сохранялись веками, хотя никто и никогда по-настоящему не проявлял о них заботы: ни государство, несмотря на три века пребывания у власти этой царской династии, ни – и это едва ли не самое удивительное – ее члены.

Задолго до революции московские справочники перестали упоминать, что на углу Большой Дмитровки и Георгиевского переулка располагались владения Романовых, точнее, Юрия Захарьевича, скончавшегося в 1505 году и погребенного при каменной приходской его церкви Георгия. Дочь покойного Феодосья основала при церкви одноименный монастырь. Отцовский же дом перешел по наследству его сыну Роману Юрьевичу, давшему фамилию своим потомкам.

Среди детей рано умершего Романа Юрьевича были сыновья Данила и Никита и дочь Анастасия, выбранная впоследствии в супруги Ивану Грозному. В жизнеописании Геннадия Любимоградского, составленного его учеником Алексием, есть примечательная подробность. Преподобный, поселившийся в костромских лесах, на Сурском озере, в один из приходов в Москву посетил дом овдовевшей боярыни Юлиании Федоровны и, благословляя ее детей, предсказал маленькой Анастасии: «Ты еси розга прекрасная и ветвь плодоносная, будеши нам государыня царица».

Соборная церковь Знаменского монастыря.

После того как в 1547 году пророчество преподобного сбылось, царица Анастасия Романовна воздвигла около того же семейного Георгиевского монастыря церковь Анастасии-узорешительницы (разобрана в 1793 г.) и много благодетельствовала монастырю Геннадия. Скончавшийся в 1565 году инок был автором «Наставления начальнаго иноку», очень ярко рисующего условия монашеского бытия тех лет.

Из богатого наследства отца младшему сыну Никите Романовичу достался двор на Варварской улице. Романа Юрьевича, окольничего по чину, участвовавшего в походе 1531

года в качестве воеводы, не стало в 1543-м. Его сын Даниил был возведен в сан окольничего в связи с венчанием сестры с Грозным. Годом позже он получил сан боярина, отличился в Казанском походе, особенно при взятии Арского острога, в походах против крымчаков и литовцев в 1556–1557, 1559 и 1564 годах и скончался в 1571-м. Не менее богатым был послужной военный список и Никиты Романовича. Он участвует в шведском походе 1551 года, воеводой в Литовском походе в 1559, 1564–1577 годах. Его не обходят и придворные чины. В 1563-м он становится дворецким и боярином, в 1584–1585 годах участвует в управлении государством. Из жизни он уходит в 1585-м, приняв монашество под именем Нифонта.

Никита Романович был женат дважды. Первая его супруга – Варвара Ивановна Ховрина, и отсюда один из вариантов происхождения романовского двора на Варварке: приданое невесты из рода богатейших сурожских купцов, заселивших одними из первых эту улицу. Вторая – княжна Евдокия Александровна Горбатая-Шуйская. Пятеро сыновей Никиты Романовича приобрели большое значение при царском дворе, всего же их было семь и пять дочерей, благодаря бракам которых Романовы смогли породниться со всей знатью. Здесь князья Сицкие, Черкасские и даже Годуновы. Племянник будущего царя женился на Ирине Никитичне Романовой.

Отважные в походах, ловкие в придворных интригах, Романовы отличались еще и редкой родственной сплоченностью, что делало их клан особенно опасным для Бориса Годунова. К тому же сам Никита Романович был еще и превосходным хозяином. Его дом и вотчины отличались редкой ухоженностью, использованием всякого рода иноземных новинок в организации хозяйства, ведении полевых работ. Не менее важно и то, что боярин усиленно поощрял научные занятия своих сыновей, не жалел средств на их образование, не запрещал общения с иностранцами и, в частности, с английскими купцами и посланниками, жившими в соседнем с ними домовладении – в Старом Английском дворе. И если владение латинским, греческим, тем более польским языком в культурной боярской среде считалось в порядке вещей, то английский, конечно, представлял редкость. Но именно его и знал Федор Никитич, будущий патриарх Филарет.

Но конец процветанию романовского дома был положен в 1601 году. Расправа Бориса Годунова с ненавистной и казавшейся слишком опасной семьей отличалась редкой жестокостью. Александр Никитич, который в 1585-м году находился во дворце в день приема литовского посла, а уже в следующем году занимал должность наместника Каширского, в 1591-м участвовал в походе против крымского хана Казы-Гирея и в 1598-м удостоился боярского сана, потерял боярство, был сослан, по словам летописца, в Усолье-Луду и там удавлен. Чем дальше от Москвы это будет сделано, тем лучше!

Михаил Никитич, стольник в 1597-м, окольничий в 1598-м, оказался в Ныроле, где скончался от голода. Василий Никитич, стольник, отправлен в Яренск, оттуда в Пелым, где умер, прикованный к стене. Иван Никитич, по прозвищу Каша, тоже оказался в Пелыме, но сразу после смерти брата в 1602 году был переведен в Нижний Новгород и даже возвращен в Москву. В день коронации Лжедмитрия удостоился боярского сана, в 1606—1607-м «сидел воеводою» в Козельске и на берегах реки Вырки одержал победу над отрядом князя Массальского, выступавшего сторонником Тушинского вора. Ему довелось быть при возведении на престол племянника и играть при его дворе значительную роль. Его жизненная удача перекликалась с удачей Федора Никитича.

Расправа Бориса Годунова именно с ним была поначалу особенно жестокой: его насильно постригли в монахи под именем Филарета и сослали в Антониев Сийский монастырь Архангельского уезда.

Родились молодые Романовы на Варварке, но вернуться туда вместе с родителями уже не смогли. Черная ряса положила вечный предел между ними. К тому же Филарет не отказался от дворцовых интриг. Лжедмитрий делает его митрополитом Ростовским и Ярославским. Но вскоре при взятии Ростова митрополит Филарет попадает в плен к отрядам Тушинского вора, который, в свою очередь, предлагает былому претенденту на престол сан

патриарха, на что Филарет дает согласие.

Вернуться в Москву Филарету удается только после развала Тушинского лагеря. Он участвует в свержении царя Василия Шуйского и поддерживает брата Ивана Никитича, вошедшего в состав Семибоярщины. Решение последней пригласить на русский престол польского королевича Владислава, сына правящего польского короля, поддерживали оба брата. Соответствующий договор был заключен с гетманом Жолкевским. Филарет возглавил «великое посольство» в Польшу, которому предстояло уладить все формальности. За все это бурное время заниматься московским двором, как и вотчинами, патриарх Филарет не мог. На Варварке оставалась Великая старица с сыном Михаилом.

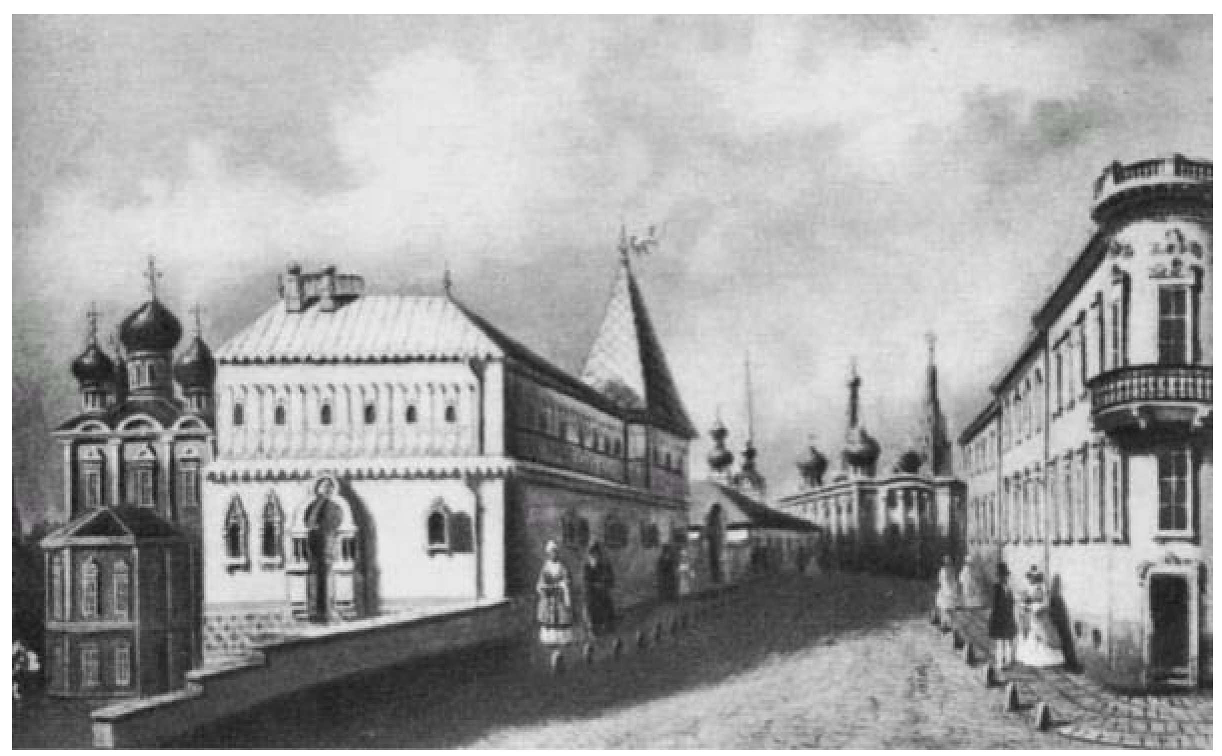
Московское посольство приехало в Смоленск, где в то время находился король Сигизмунд. Однако добиться согласия с ним не удалось. Более того, послы были арестованы и отправлены в качестве заложников в Польшу. В Варшаве патриарху предстояло прожить до 1619 года, когда царем Михаилом Федоровичем было подписано Деулинское соглашение и прекращена многолетняя война. Филарет теперь становится законным патриархом.

Властный, «нравный», не терпящий никаких возражений, Филарет в действительности присвоил себе царское положение. Государственные бумаги подписывались двумя «государями» – Филаретом и Михаилом. Михаил Федорович, год от года взрослея, все равно не обретал нужной силы воли, чтобы противостоять отцу. Не меньшее влияние на него имела и Великая старица. Несостоявшаяся семейная жизнь угнетала обоих родителей, но они не могли и не хотели преступать правила монашеских условностей, виделись редко, только на людях.

Но вот когда 26 января 1631 года скончалась Великая старица, Филарет не захотел, чтобы их родовое гнездо заняли другие, пусть даже родственные люди. Постановлением патриарха на «государевом дворе» был основан Знаменский монастырь. Сам Филарет пережил жену всего на два с половиной года.

Хотя после вступления Михаила Федоровича на престол двор на Варварке был «поправлен», настоящего ремонта в нем не производилось. К тому же в 1626 году пожар, вспыхнувший 3 мая, опустошил всю улицу, а вместе с ней и Старый государев двор, как его станут называть. Это обстоятельство позволило расширить Варварку, но главная каменная палата на углу Псковского переулка была оставлена нетронутой. Из населения здесь упоминаются только Знаменской церкви протопоп Иаков с двумя священниками и другими лицами церковного клира. В год основания монастыря царской грамотой он был наделен родовыми населенными имениями, принадлежавшими Великой старице.

Приведенный в порядок монастырь вновь сильно пострадал во время пожара 1668 года. Согласно обращению к царю игумена Арсения, «бьют челом богомольцы твои Знаменского монастыря, что на вашем государевом старом дворе твое царское богомолие – монастырь выгорел со всеми монастырскими службами и с запасьем, на церквах кровли обгорели и ваше государское старинное строение – палаты – убогим, ныне построить нечем; место скудное; погибаем вконец».

Варварка. Общий вид.

Между тем в выходах государей в XVII столетии постоянно упоминается, что царь с боярами и патриарх «со властьми» бывали в монастыре на празднике у малой вечерни, всенощной и обедни. Перед праздником на Сытном дворе наливалась в монастырь «лампада воску». От монастыря в этот день подносились иконы Знамения Богородицы со святой водой в «вощанках» (вощеная ткань или бумага), всем членам царской фамилии, патриархам и именитым боярам.

Восстановление Знаменского монастыря происходит уже после смерти царя Алексея Михайловича. Просьба к нему монашествующих осталась без ответа. Судьбой обители начинают заниматься царь Федор Алексеевич и Милославские – его родственники по матери. Ансамбль монастырских построек в дошедшем до нас виде относится именно к этому периоду – 1670—1680-е годы.

Старый государев двор. Палаты VI–VII вв.

Здесь стоит вспомнить, что расположенный на вершине холма, Старый государев двор первоначально скорее всего составлял одно из звеньев обороны Великого посада – будущего Китай-города. С развитием Китай-города он оказался в центре так называемого Варварского крестца – перекрестка, определяя собой все построение улицы. В начале XVII века он имел три каменных строения, причем две палаты «на нижних погребах» и одну – выходившую непосредственно на Варварку – «на верхних погребах», а также домовую церковь Знамения. В 1670—1680-х годах на территории Старого государева двора возводится огромное здание Знаменского собора, Игуменские и Братские кельи, каменная ограда со Святыми воротами, перестраивается каменная палата «на верхних погребах» – жилой дом Романовых.

Строят Знаменский собор в 1679—1684-х годах костромские мастера под руководством Федора Григорьева и Григория Анисимова по договору за 850 рублей, пожалованных боярином И.М. Милославским. В первом этаже находилась теплая церковь Афанасия Афонского, обширная одностолпная монастырская трапезная с Хлебодарной и Кладовой палатами. На втором этаже располагалась холодная церковь Знамения и ризничная палата. Церковь окружали большие двухъярусные галереи с выступающими далеко вперед нарядными крыльцами. К юго-западному углу галерей примыкала высокая шатровая колокольня (разобрана в конце XVIII века из-за большой осадки фундамента).

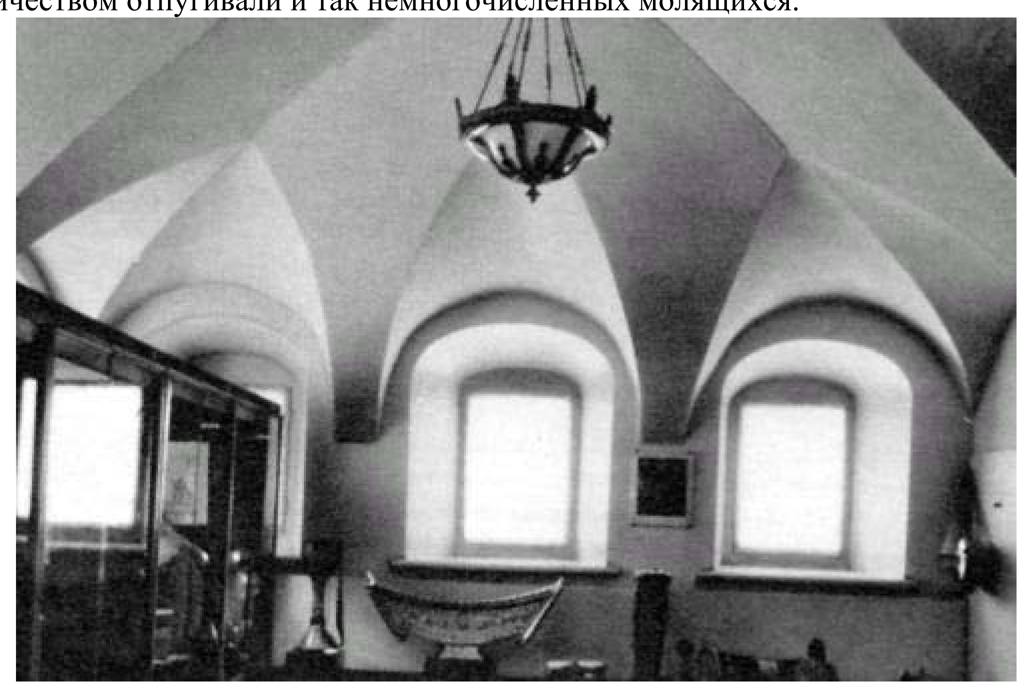
Как и все церковные постройки Москвы XVII века, собор поставлен на высоком подклете, а из-за слабости грунта под него забито 2486 дубовых свай.

Очень важное значение для монастыря имели Казенные кельи. В них жили должностные лица, которые вели монастырское хозяйство, хранилась денежная казна и документы – царские и патриаршии грамоты, купчие крепости, завещания. Известно, что царь Михаил Федорович подарил монастырю несколько вотчин в Московском и Бежецком уездах: села Яганова, Хоботское, пустоши Куминку, Царицын Луг. По Переписной книге 1678 года Знаменскому монастырю принадлежало 299 крестьянских дворов.

В 1668 году палаты пострадали от пожара и в 1674-м были почти полностью разобраны. Сохранился лишь подвал, на основе которого мастер Мелетий Алексеев в тот же год возвел по договору с монастырем палаты кирпичные со сводчатыми перекрытиями. Первоначально они служили жильем игумену, с 1678 до 1752 года использовались в качестве казенных келий, позже сдавались в аренду.

Строителями Знаменского собора одновременно с ним возводятся Игуменские кельи. Расположенные вдоль Варварки, они отделены от улицы небольшим расстоянием. Их отличает предельная строгость архитектурного решения: два этажа под высокой кровлей, небольшие, скорее похожие на бойницы, проемы окон, Федор Григорьев и Григорий Анисимов на редкость удачно вписали здание в пространство двора, подчеркнув величественность и значительность главного собора. Весь монастырь был обнесен каменной оградой.

Но уже ко времени вступления Петра I на престол состояние Знаменского монастыря было признано неблагополучным. Сказалась слабость грунта, расположение построек на косогоре. Почти все крыши разрушились. На материальном положении монастыря существенно отразилось то обстоятельство, что в 1704 году здесь, в кельях у задних ворот, поместили колодников и арестантов с солдатами, которые своими криками, попрошайничеством отпугивали и так немногочисленных молящихся.

Нижняя палата. Интерьер.

Знаменский монастырь. Собор. Трапезная палата.

Следующий удар благосостоянию монастыря нанес указ 1720 года о каменных мостовых, которые должны были устраивать домовладельцы. В общей сложности на долю монастыря, учитывая его владения в Замоскворечье, пришлось более 500 квадратных сажень. Никаких льгот «родовому гнезду» не последовало. Наконец, монастырь сильно пострадал и от страшного московского пожара 1737 года.

Вступая на престол, Елизавета Петровна распорядилась поновить монастырь, но на очень ограниченные средства, а также восстановить родовое жилье. Во всяком случае, в 1776 году профессор Х. А. Чеботарев, первый ректор Московского университета и первый председатель Московского общества истории и древностей российских, еще видел собственными глазами остатки «родительского дома фамилии Романовых». В 1784–1789 годах часть монастырской стены заменили колокольня и примкнувший к ней корпус монашеских келий, представляющий интересный пример архитектуры московского классицизма. Колокольня состоит из вытянутого вверх четверика и поставленной на него звонницы – восьмигранной башни, увенчанной фонарем с небольшой главкой и крестом. В нижнем четверике находятся две арки, служившие главным входом в монастырь.

Монастырь испытывал постоянные материальные затруднения. Никакие жалобы и петиции на высочайшее имя не помогали, так что собственно дом Романовых в конце XVIII века приходилось постоянно сдавать внаем. Известно, что поочередно в нем жили московский купец Иван Болховитинов, купец греческого происхождения Метакса и нежинский грек Георгий Горголи, который за свой счет произвел ремонт палат.

События Отечественной войны 1812 года по существу не затронули монастыря. В нем, по счастью, поместился французский провиантмейстер, прежде состоявший на русской службе и потому с уважением отнесшийся к монастырскому достоянию. После ухода французов в Знаменском монастыре некоторое время жил архиепископ Августин. При этих обстоятельствах удалось даже полностью сохранить монастырский архив, который был помещен в нишах ризницы и заставлен тяжелыми, неподъемными шкафами.

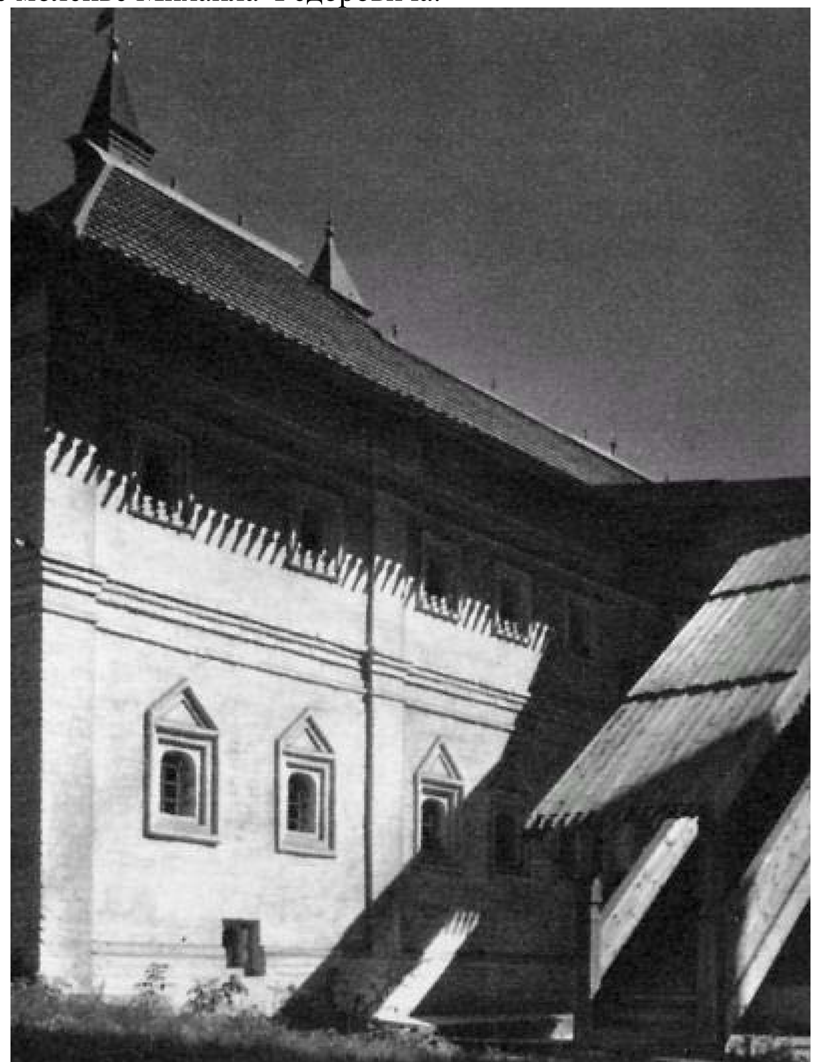
Ремонт монастыря после Отечественной войны носил поверхностный характер. Комиссия, занимавшаяся восстановлением Москвы, запретила какие бы то ни было достройки и перестройки. В этом отношении архитекторам пришлось противостоять архимандриту Аристарху, который в 1821 году хлопотал перед митрополитом Филаретом о сносе дома Романовых и его строительстве заново и на новом, более удобном месте.

Первым из императоров проявил заинтересованность Знаменским монастырем Александр II. В 1856 году последовало его распоряжение восстановить фамильное гнездо, открыв доступ в него как в музей.

Создание музея было поручено комиссии в составе председательствующего – князя И.

А. Оболенского, директора Оружейной палаты А. Ф. Вельтмана, архитектора Ф. Ф. Рихтера, археологов И. М. Снегирева, Б. В. Кене и А. А. Мартынова. Не располагая еще данными о том, что здание построено как казенные кельи в конце XVII века и на подвале XVI (документы об этом были обнаружены только в 1865 году), комиссия решила создать нарядный типологический боярский дом с надстроенным теремом.

Закладка состоялась 31 августа 1858 года в присутствии императора. «На закладке при входе на паперть государя встретил митрополит Филарет с напрестольным крестом в руке – вкладом матери царя Михаила великой инокини Марфы. При митрополите стоял придворный протодиакон с кадилом патриарха Филарета Никитича. Под сенью хоругвей оба иеромонаха держали в руках храмовый образ Знамения Богородицы, родовой бояр Романовых, царское моленье Михаила Федоровича.

Братский корпус.

В приготовленное место для закладки государем и августейшей фамилией были положены новые и древние монеты, поднесенные членами комиссии по постройке. Так, И. Снегиревым были поданы на блюде серебряные и золотые монеты чекана 1856 года, в память коронования государя, – год, в который повелено возобновить романовскую палату; А. Вельтманом – золотые и серебряные монеты 1858 года, в свидетельство действительного начала работ для обновления этого древнего памятника; Г. Кене – золотые и серебряные монеты времен царя Михаила Федоровича в память того, что в означенном доме родился и возрос этот государь, первый из поколения Романовых; известным нашим археологом архитектором А. А. Мартыновым – серебряные монеты царствования Иоанна Грозного как свидетельство, что здание было построено при этом государе.

Возобновление палаты было окончено 22 августа 1859 года, и она освящена в этот же

день в присутствии государя императора. Древняя боярская палата была построена в четыре этажа: первый, подвальный этаж, или так называемое в древности погребье с ледником и медушею; второй, нижний этаж, или подклетье с людской, кладовою, приспешнею, или поварнею; третий, средний этаж, или житье с сенями, девичьею, детскою, крестовою, молельною и боярскою комнатою; четвертый, где находятся вышка, опочивальня и светлица.

Все комнаты внутри были убраны старинными предметами или сделанными по старинным образцам. На восточной стороне палаты в среднем жилье выступает висячее крыльцо, или балкон, глядельня. Над ним в клейме – герб Романовых; под ним в нише – надпись на камне, начертанная уставною вязью, гласящая, при ком и когда начата и окончена постройка». Так описывает эти события М. И. Пыляев в «Старой Москве».

Выполняя царское указание, комиссия придала комнатам музея особенно богатое и не имеющее отношения к XVII веку оформление в виде новых изразцовых печей, паркетных полов, парчи с царскими вензелями, которая была изготовлена специально для обивки стен. Свод главной палаты получил роспись, а в окна вставлены зеркальные стекла. Кроме того, архитектор Ф. Ф. Рихтер, подражая строительным приемам XVII столетия, не только соорудил чердак, но и поставил со стороны двора новое крыльцо, а над зданием соорудил новую кровлю. Из очень простого по планировке здания кельи превратились в сложное сооружение. И если говорить о его исторической ценности, то это прежде всего первый образец, или один из первых, русской реставрации в XIX столетии. Ныне существующая в доме экспозиция представляет детали боярского быта, хотя до сих пор нельзя сказать, чтобы ученые имели о нем достаточно полное представление.

Палат в Москве было много, разных и в чем-то одинаковых – стиль времени всегда отчетливо выступает в перспективе прошедших лет, – но всегда бесконечно далеких от пресловутого теремного колорита.

Когда палата больше по размеру, каждая стена решается по-своему: на одной сукно, на другой тронутая позолотой и серебрением роспись, на третьей кожа. Появляются здесь в 1670-х годах и обои. Первые! За отсутствием западного товара их имитировали на грунтованных холстах (например, «обрасцы объярей травчетых»), которые натягивались на подрамники, а затем уже крепились на стенах.

Но обивка служила главным образом фоном. На стенах щедро развешивались зеркала, которые только в личных комнатах еще прятались иногда в шкафах, иногда задергивались занавесками. Никакой симметрии в их размещении не соблюдалось. Размеры оказывались разными, рамы – и простыми деревянными, и резными золочеными, в том числе круглыми, и черепаховыми с серебром – отзвук увлекавшего Европу стиля знаменитого французского мебельщика Шарля Буля, и сложными фигурами, как, например, «по краям два человека высеребрены, а у них крыла и волосы вызолочены».

Зеркала перемежались с портретами, пока еще только царскими, гравюрами – «немецкими печатными листами» и картами географическими – «землемерными чертежами» на полотне и в золоченых рамах. Из-за своей редкости гравюры и карты ценились наравне с живописью.

Так же свободно и так же в рамах развешивались по стенам и «новомодные иконы». Были среди них живописные на полотне, были и совершенно особенные – в аппликативной технике, когда одежды и фон выклеивались из разных сортов ткани, а лица и руки прописывались живописцем.

Потолки тоже составляли предмет большой заботы. Если их не обтягивали одинаково со стенами, то делали узорчатыми. «Подволока» могла быть «слюденая в вырезной жести да в рамах». Иногда слюда в тех же рамах заменялась все еще дорогим и редким чистым стеклом.

Но в главной парадной комнате на дощатый накат потолка натягивался грунтованный, расписанный художником холст. Одной из самых распространенных была композиция с Христом в центре, по сторонам которого изображались вызолоченное солнце и посеребренный месяц со звездами, иначе «беги небесные с зодиями (знаками Зодиака. – Н.

М.) и планетами».

В живописную композицию старались включать и люстру, называвшуюся на языке тех лет паникадилом. Люстры часто были по голландскому образцу – медные или оловянные) реже хрустальные с подвесками. Встречались и исключительные паникадила: «…в подволоке орел одноглавой, резной, позолочен; из ног его на железе лосевая голова деревянная с рогами вызолочена; у ней шесть шанданов (подсвечников. – Н. М.) железных, золоченых; а под головою и под шанданами яблоко немецкое писано».

Но и такого многообразия форм и красок в жилой комнате казалось мало. В окна местами вставлялись цветные стекла, «стеклы с личины» – витражи, а за нехваткой витражей – их имитация в виде росписи по слюде. Именно такая расписная слюда украшала окна спальни маленького Петра I.

Заметные перемены происходили и в отношении мебели. Сундук должен был уступить место шкафу – в XVII столетии от него уже отказываются все страны Западной Европы, кроме Голландии, скамьи, лавки – стулу. И вот столовая палата. Обычная. Одна из многих. Стулья, «опрометные» скамьи, несколько столов – дубовых и «под аспид». Пара шкафов под посуду и парадное серебро. Непременные часы, и не одни.

Остальные подробности зависели уже от интересов и увлечений хозяев – «большая свертная обозрительная трубка», птичьи клетки в «ценинных (фаянсовых. – Н. М.) станках», термометр – «три фигуры немецких, ореховых; у них в срединах трубки стеклянные, а на них по мишени медной, на мишенях вырезаны слова немецкие, а под трубками в стеклянных чашках ртуть». Во многих зажиточных московских домах посередине столовой палаты находился рундук (возвышение. – Н. М.) и на нем орган. Встречались также расписанные ширмы – свидетельство проходивших здесь концертов или даже представлений.

Обстановка «спальных чуланов», которыми пользовались в зимнее время, ограничивалась кроватью, столом, зеркалами. В спальных летних палатах к ним добавлялись кресла, шкафы, часы, ковры, музыкальные инструменты. Тут же могли оказаться «накладные волоса» – тот самый парик, который все привыкли связывать лишь с петровскими годами, насильно открытым окном в Европу.

Широкая деревянная рама на ножках, с бортами и колонками для балдахина по углам – так выглядела кровать, которой в это время пользовались во всей Европе. Немецкие мастера делали ее из орехового дерева, с богатой резьбой и вставками из зеркал или живописи на потолке балдахина. В московском варианте, появляющемся в торговых рядах бок о бок с романовским двором, она имеет несколько иной вид: «…рундук деревянной о 4-х приступех, прикрыт красками. А на рундуке испод кроватной резной, на 4-х деревянных пуклях (колонках. – Н. М.), а пукли во птичьих когтях; кругом кровати верхние и исподние подзоры резные, вызолочены; а меж подзоров писано золотом и расцвечено красками». При этом существовал вполне определенный порядок убирания подобной кровати.

В московской горнице на матрас – «бумажник» и клавшееся под подушки изголовье – «зголовье» надевались наволочки рудо-желтого – оранжевого – цвета, а на подушки – пунцового. В боярских домах их обшивали серебряными и золотыми кружевами, а внутрь закладывали «духи трав немецких». Прикрывать постель предпочитали покрывалом из черного, с цветной вышивкой китайского атласа.

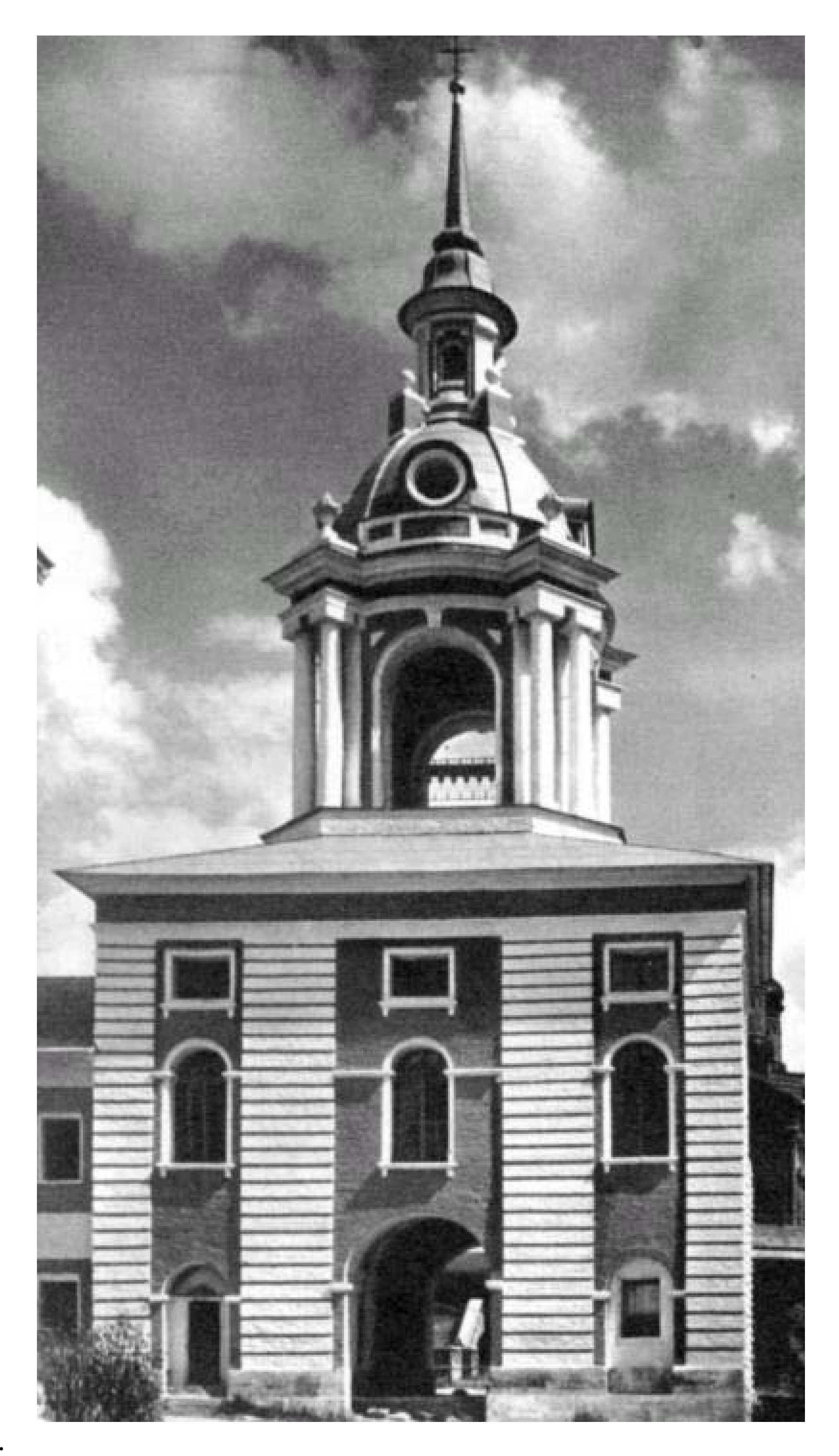
«Кровать новомодного убору» не шла ни в какое сравнение по своей ценности ни с коврами – на московском торге было немало и персидских, и «индейских», шитых золотом, серебром и шелками по красному и черному бархату, – ни даже с часами. Самые дорогие и замысловатые часы – «столовые боевые (настольные с боем. – Н. М.) с минютами, во влагалище золоченом, верх серебряной вызолоченной, на часах пукля, на пукле мужик с знаком» – обходились в семьдесят рублей, попроще – «во влагалище, оклеенном усом китовым, наверху скобка медная» – вдвое дешевле. Зато описанная кровать оценивалась в сто рублей, постель на ней – в тридцать. Атласное покрывало можно было купить отдельно за три рубля.

Имели подобные кровати бояре, но, судя по сохранившимся описям, их можно

встретить и в домах попов кремлевских соборов, даже в доме часовых дел мастера, состоявшего при курантах. Шкафы, и среди них модные в Западной Европе – гамбургские, огромные, двустворчатые, с резным щитом над широким, далеко вынесенным карнизом, также хорошо известны подьячим, составлявшим описи. Подьячие свободно разбирались в особенностях изготовления шкафов, как, например: «шкаф большой дубовой, оклеен орехом». Имелась в виду ореховая фанера – материал, представлявший новинку в западных странах. Фанера появилась во второй половине XVI века с изобретением аугсбургским столяром Георгом Реннером пилы для срезания тонких листов. Не редкость и шкафы, фанерованные черным деревом, которые попросту имитировали мастера Оружейной палаты. «Чернились» наборы мебели для целых комнат – понятия гарнитуров ни в западных странах, ни в Московском государстве еще не было – и почти всегда стулья.

Конечно, бытовали тогда в московских даже очень богатых домах лавки, зато каких только не было стульев. Столярной и нередко токарной работы, с мягкими сиденьями, обивались они черной или золоченой кожей, простым «косматым» или «персидским полосатым» бархатом. В домах победнее шла в ход «телятинная кожа» и сукно. Но главным украшением обивки всегда оставались медные с крупными рельефными шляпками гвозди, которыми прибивалась к основанию кожа или ткань. Считали стулья полдюжинами, дюжинами, а в палатах 1670—1680-х годов их бывало и до сотни.

Судьба музея в доме Романовых имела продолжение и в советские годы, когда музей перешел в ведение Оружейной палаты. С 1952 года он превратился в филиал Государственного исторического музея, где наряду с экспозицией боярского быта в верхнем этаже устраивались также связанные с бытом, сменяющие одна другую выставки вроде «Русская вышивка» или «Русский самовар».

Колокольня.

Что же касается строительства в продолжавшем существовать вплоть до Октября монастыре, то последним стало появление в середине XVIII века одноэтажного служебного корпуса вдоль восточной границы монастырской территории, точнее, его капитальной реконструкции в 1858–1859 годах под жилье для сотрудников музея, а в дальнейшем для хранения его фондов.

Последними перед Октябрем «властьми» Знаменского монастыря состояли член Духовной консистории архимандрит Аристарх – настоятель, казначей – иеромонах Иннокентий, ризничий – иеромонах Евстратий, духовник – иеромонах Досифей, благочинный – иеромонах Ферапонт, а также жили в нем два иеромонаха и четыре иеродьякона.

Заиконоспасский монастырь

ПРИВЕТСТВО БЛАГОЧЕСТИВЕЙШЕМУ, ТИШАЙШЕМУ САМОДЕРЖАВНЕЙШЕМУ ВЕЛИКОМУ ГОСУДАРЮ ЦАРЮ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ АЛЕКСЕЮ МИХАЙЛОВИЧУ, ВСЕЯ ВЕЛИКИЯ И МАЛЫЯ И БЕЛЫЯ РОССИИ САМОДЕРЖЦУ, О ВСЕЛЕНИИ ЕГО БЛАГОПОЛУЧНОМ В ДОМ, ВЕЛИИМ ИЖДИВЕНИЕМ, ПРЕДИВНОЮ ХИТРОСТИЮ, ПРЕЧУДНОЮ КРАСОТОЮ В СЕЛЕ КОЛОМЕНСКОМ НОВОСОЗДАННЫЙ.

Добрый обычай в мире содержится:
В дом новозданный аще кто вселится,
Все друзи его ему приветствуют,
Благополучно жити усердствуют,
И дары носят от серебра и злата
И хлеб, да будет богата полата.
Нищ ли кто в злато, руце (руки) воздевает
К Богу и молбы теплы возсылает,
Да подаст здраво и счастливо жити,
Им же даде в дом новый ся вселити.
Аз сей обычай честный похваляю,
И сам усердно ему подражаю,
Видя в дом новый ваше вселение,
В дом, иже миру есть удивление,
В дом, зело красный, прехитро созданный,
Чесности царей лепо сготованный,
Красоту его мощно есть равняти
Соломоновой прекрасной полате…
Единем словом, дом есть совершенный;
Царю великому достойне строенный;
По царской чести и дом зело честный,
Несть лучше его, разве дом небесный.
Седмь древн дивных вещей древний мир читаше:
Осмый див сей дом время имать в наше.
Симеон Полоцкий

Когда-то это место на нынешней Никольской улице занимал один из древнейших в городе монастырей – Никола Старый, существовавший еще в XIV столетии. Но сведений о нем сохранилось слишком мало, чтобы проследить его историю. По какой-то причине в конце XVI века западный участок монастырской земли отделился вместе со стоявшей на нем церковью, как можно предполагать, Спасской. Достаточно оснований имеет и другое предположение – что здесь возник монастырь, который в первой московской переписи 1620 года упоминается как «Спас на Старом», или «Спас Старый».

У нового монастыря было особенное расположение, изменившее его первоначальное название, – за тянувшимся вдоль Никольской улицы Иконным торговым рядом. Отсюда появилось московское определение – Заиконоспасский. К 1626 году на очень тесном монастырском участке числилась главная – каменная церковь, еще одна – деревянная, а вдоль границы с Никольским монастырем тянулись простые деревянные кельи. И уже в 1630-х годах появляются упоминания о существовании в монастыре «общенародной школы». Потребность в грамотности возрастала, а подручные учителя из числа низших церковников знаниями не отличались.

Начинание оказалось настолько популярным, что уже к середине XVII века здесь строится особое здание «школы для грамматического учения», а к названию монастыря добавляется новый эпитет – «учительный». Уважением у москвичей он пользовался совершенно исключительным. Появляется расхожее понятие Заиконоспасской академии,

хотя настоящее название сложившегося образовательного учебного заведения было иным. Расцвет «академии» начинается с Симеона Полоцкого, который открывает здесь в 1660-х годах свою школу.

Мирское имя монаха так и остается загадкой. По отчеству он был Емельянович, по фамилии Ситнианович-Петровский. Полоцким его стали называть в Москве по месту его первоначальной службы.

Собственно попытки организовать правильные школы делал и Михаил Федорович, но не слишком удачно. Гораздо более настойчивым оказался Алексей Михайлович, который искал для московской школы «некоторого учителя смышленного еллинскому языку и рассудителя евангельскому слову». Религиозные волнения середины века побудили царя выписать из Киевского братского монастыря ученых старцев Арсения Сатановского, Дамаскина Птицкого и Епифания Славинецкого. Именно они и создают в Москве гнездо просвещения.

Заиконоспасский монастырь. Славяно-греко-латинская академия. Собор.

Вслед за ними начинают прибывать другие питомцы той же Киево-Могилянской академии.

Сегодня широкий читатель знает о Симеоне Полоцком очень мало, чаще всего – вообще ничего. Между тем вряд ли можно пренебречь знаменательными словами Михаила

Ломоносова, что одна лишь «Рифмотворческая Псалтирь» стала для великого ученого и поэта «вратами учености». Ведь это именно Симеон Полоцкий внес в практику русского стихосложения второй половины XVII века правильно организованное стихотворство силлабическое. Чтобы было понятно, он устанавливает необходимость соблюдения равносложности строк – обычно по 12–13 слогов в каждой строке, цезуру в середине стиха и парную, так называемую женскую рифму.

Подобные правила выработались на польской почве и были подсказаны характером польского ударения, постоянно приходящегося на предпоследний слог. Их усвоила сначала украинская стихотворная литература, через которую они на первых порах привились и в русском стихотворстве. В Киево-Могилянской академии, которую окончил Полоцкий, практической и теоретической работе над стихом уделялось особое внимание. Сначала Полоцкий писал стихи на белорусском, польском и латинском языках, а после переезда в Москву на тогдашнем русском литературном. В Заиконоспасской школе в качестве проповедника и автора полемических сочинений, направленных против раскола, он усиленно занимался стихотворчеством, к чему его одинаково обязывало положение и наставника царских детей, и придворного поэта. Это жанр хвалебных, панегирических стихотворений, которые непосредственно предшествовали торжественным классическим одам XVIII столетия. Все они связаны с теми или иными событиями придворной и государственной жизни.

Незадолго до своей кончины Полоцкий объединил все свои сочинения подобного рода в сборник, получивший название «Рифмологиона». Кроме того, он издает и другой аналогичный сборник – «Вертоград Многоцветный» на 30 000 строк, включающий 1246 стихотворений на самые разнообразные темы. Здесь и многочисленные обработки преимущественно из средневековых исторических сборников, например Винцента из Бове, псевдоисторических сюжетов вроде рассказов об убийстве лангобардского короля Альбоина его женой Розамундой или о смерти епископа Гаттона, съеденного мышами, церковно-назидательные повести, восходящие к Патерикам, прологу к «Великому Зерцалу», «Золотой легенде» Якова из Ворагина, «Римским деяниям». Полоцкий одинаково использует нравоучительные анекдоты, смехотворные рассказы типа «Фацеций», просто шутки и сатиры на эпизоды из окружавшей его современной русской жизни. Полоцкому далеко до обличительства. Ему он предпочитает веселую незлобивую шутку, снисходительность к человеческим странностям и даже порокам.

Напечатанная в 1680 году «Рифмотворная Псалтирь» Полоцкого имела огромный успех. Перевести текст Псалтыри в стихи Симеона побудила практика Белоруссии и Украины, где, как, впрочем, и в Москве, многие полюбили «сладкое и согласное пение польския Псалтири, любовно преложенныя». Находились и такие, которые пели польские канты «мало или ничтоже знающе и точию от сладости пения увеселящего духовне». Руководствуясь церковнославянским подлинником, Симеон по существу подражал популярной стихотворной Псалтыри известного польского писателя XVI века Яна Кохановского. Его издание оказалось такой же важной для народа книгой, как «Арифметика» Леонтия Магницкого и «Грамматика» Мелетия Смотрицкого. Ими закладывалось основание школьной учености.

Мирское имя Полоцкого остается до настоящего времени невыясненным. Имя Симеона он принял в монашестве, по окончании Киево-Могилянской академии, став учителем – «дидаскалом» братской школы в Полоцке. При посещении в 1656 году Полоцка царем Алексеем Михайловичем молодой «дидаскал» обратил на себя его внимание: он лично преподнес царю приветственные «Метры» своего сочинения. Алексей Михайлович не забыл о нем и спустя восемь лет, когда для царя встал вопрос об образовании его собственных детей.

В 1664 году Полоцкого вызывают в Москву, где ему поручается обучать молодых подьячих Тайного приказа, что должно было происходить в Спасском монастыре за иконным рядом. Годом позже Симеон преподносит царю «благоприятствование о новодарованном

сыне», царевиче Петре Алексеевиче. Это были первые стихи, посвященные великому преобразователю.

Радость велию явил месяц май есть,
Яко нам царевич Петр яве ся родил есть.
Вчера преславный Царьград от турок пленися,
Ныне избавление преславно явися.
Победитель прииде и хочет отмстити,
Царствующий оный град ныне освободити.
О Константине граде! Зело веселися!
И святая София церква – просветися!
Православный родися ныне нам царевич,
Великий князь московский Петр Алексеевич…

Симеон становится учителем не только старших царевичей, но и царевен, в том числе Софьи Алексеевны, которую считает своей самой талантливой ученицей. Будущая правительница перенимает от учителя умение писать стихи на нескольких языках и сочинять так называемые школьные драмы. С ними со временем удастся познакомиться Н. М. Карамзину, признавшему сочинительницу обладательницей выдающегося литературного таланта.

Сам Симеон Полоцкий выступает как автор двух школьных драм, написанных силлабическим языком, – «О Новходоносоре, о теле злате и с триех отроцех, в печи не сожженных» – переложение знаменитого «Пещного действа», разыгрывавшегося в канун Рождества во многих московских, новгородских и вологодских церквах, и «Комедии притчи о блудном сыне». Ученица в отличие от учителя и сочиняла, и ставила, и принимала участие в исполнении собственных драматургических произведений, вовлекая в свои постановки сестер-царевен и боярских дочерей.

Но как бы Алексей Михайлович ни заботился о воспитании собственных детей, Симеон Полоцкий был для него важнее как превосходный сочинитель и полемист в области церковных проблем и взаимоотношения церкви с государством. Воспитателем царевичей и царевен Полоцкий становится в 1667 году, но перед тем по уполномочию восточных патриархов, приехавших в Москву для суда над Никоном, он произносит перед царем орацию о необходимости «взыскания премудрости» – усилия образовательных средств в государстве.

По поручению Собора 1666 года Полоцкий составляет опровержение челобитных Лазаря и Никиты, которое публикуется от имени царя и Собора под заглавием «Жезл правления на правительство мысленного стада православны-российския церкви, – утверждения во утверждение колеблющихся в вере, – наказания в наказание непокоривых овец, – казнения на поражение жестоковыйных и хищных волков, на стадо Христово нападающих». Собор признал «Жезл» «из чистого серебра Божия слова, и от священных писаний и правильных винословий сооруженным», хотя блестящая эрудиция автора, сложность его доказательных построений остались недоступны для рядовых служителей церкви и вызывали враждебность с их стороны.

Неуязвимый для своих противников благодаря исключительному положению при дворе, Полоцкий добивается оживления церковной жизни в Москве. Это он возобновляет в столице традицию живой церковной проповеди, которую давно заменило чтение святоотеческих поучений. Его проповеди числом свыше двухсот были изданы в двух томах уже после смерти «дидаскала»: «Обед душевный» и «Вечеря душевная».

Не располагая никакой подсобной педагогической литературой для занятий в теремах, Полоцкий сам пишет для своих царственных учеников необходимые учебники – энциклопедические справочники. Это «Вертоград Многоцветный» – сборник стихотворений в виде книги для чтения, «Житие и учение Христа Господа и Бога нашего», «Книга кратких

вопросов и ответов катехизических». Но особенный интерес представляла книга «Венец веры кафолической», в которой Полоцкий попытался объединить всю сумму знаний, начиная с апокрифов и кончая астрологией.

Полоцкого не стало в 1680 году, во время правления его воспитанника – царя Федора Алексеевича. Он похоронен в Заиконоспасском монастыре. Его гроб украшен «Эпитафионом» Сильвестра Медведева:

> Зряй, человече, сей гроб, сердцем умилися,
> О смерти учителя славна прослезися:
> Учитель бо зде токмо един таков бывый,
> Богослов правый, церкви догмата хранивый.
> Муж благоверный, церкви и царству потребный,
> Проповедию слова народу полезный,
> Симеон Петровский от всех верных любимый,
> За смиренномудрие преудивляемый…

Погребен был Полоцкий в нижней церкви монастырского собора. Еще в 1660-х годах для него и для его учеников, среди которых были такие просветители, как Карион Истомин, тот же Сильвестр Медведев, возводятся особые кельи. Царь Федор Алексеевич считал потерю невосполнимой и тем не менее обратился к восточным патриархам с просьбой помочь основать в Москве высшую гуманитарную школу. Такая рекомендация была дана братьям Лихудам, которые приезжают в Москву в 1685 году.

К этому времени тесное монастырское землевладение оказалось почти полностью застроенным. Поэтому «для устроения училищ» к монастырю с запада присоединяется участок, ранее принадлежавший Земскому двору. Вместе с Лихудами на нем появляется очень большое для своего времени трехэтажное здание Коллегиума, иначе Училищного корпуса, с галереями и квадратной лестничной башней, увенчанной восьмериком.

Братья Иоанникий и Сафроний Лихуды, родом из Кефалонии, были потомками византийского царского рода. Они получили первоначальное образование в Греции, продолжив его затем в Венеции и Падуанском университете. Ко времени их приглашения в Московское государство они уже некоторое время работали в родной Греции учителями и проповедниками. В 1686 году братья открыли занятия в «заиконоспасских школах», начав преподавать грамматику, пиитику, риторику, логику, математику и физику. Спустя два года Иоанникий Лихуд отправился в Венецию в качестве русского посла, где вынужден был задержаться на целых четыре года. И хотя Сафроний все это время продолжал преподавать, возвращение в Заиконоспасскую академию оказалось для него совсем не простым.

Прежде всего власть перешла к юному Петру и его окружению. Требование иерусалимского патриарха Досифея, возражавшего против того, что Лихуды вели преподавание и на греческом, и на латинском, отстранить братьев от обучения было удовлетворено. Единственное место, которое находит для них правительство Петра, – московская типография, что никак не соответствовало ни их эрудиции, ни главное – педагогическим способностям.

В 1697 году последовал указ Петра поручить Лихудам обучать пятьдесят пять человек итальянскому языку, причем в действительности учеников оказалось только десятеро. Все остальные под разными предлогами отказались от занятий. Между тем с момента торжественного открытия «спасских школ» прошло всего десять лет. Лихудов обвиняли то в ересях, то в неких политических интригах, связанных с Царьградом, пока в 1701 году не сослали в костромской Ипатьевский монастырь.

Славяно-греко-латинская академия. Учительский корпус.

Заиконоспасская академия представляла собой широко разросшееся хозяйство. Ректор, учителя и студенты жили в двухэтажном Братском корпусе, получившем позднее название Учительского. Корпус стоял вдоль северной стороны собора, по Китайгородской стене, в одну линию со зданием Коллегиума. Между обоими корпусами существовал разрыв, который в 1719 году был застроен двухэтажными Учительскими кельями. Десятью годами позже к ним пристроили галерею, как бы замкнув единый архитектурный ансамбль.

Между тем ссылка Лихудов продолжалась сравнительно недолго. Уже в 1706 году Новгородскому митрополиту Иову позволено было поручить братьям устройство в Новгороде Славяно-греко-латинской школы по образцу московской. Но в 1709 году в Москву был вызван Сафроний для занятий в академии и для исправления Библии. Но только через семь лет ему удалось добиться приглашения в столицу брата. Иоанникий почти сразу по приезде в Москву скончался, Сафрони же около 1720 года был назначен настоятелем Солотчинского монастыря, где его предельно враждебно встретила братия. В столицу летели жалобы на «гречина», последовало даже несколько покушений на его жизнь – монастырские

стряпчие не могли простить настоятелю, что он пытался положить конец расхищению монастырского имущества. Сафроний бежал в Москву, где и скончался в 1730 году.

Но независимо от хозяйственных и финансовых дрязг, с которыми Сафроний Лихуд явно не справлялся, настоящее значение братьев было в том, что они стали родоначальниками общего образования в России. Ими составлены (по большей части до настоящего времени остающиеся в рукописях) учебники по риторике, грамматике, логике, физике, математике, психологии, богословию, по которым и проходило преподавание в Заиконоспасской академии. Скорее всего, за основу ими были взяты те курсы, которые они сами слушали в университете в Падуе. Научный уровень их учебников выше того, который представляли воспитанники Киево-Могилянской академии.

Именно из учеников братьев Лихудов образовалось целое поколение первых собственно русских ученых – Поликарпов, Головин, Козма, Иов, Палладий Роговский и многие другие. Одни из них стали преподавателями и руководителями той же Московской академии, другие – авторами научных изданий.

И очень существенно, что работа, в частности, Сафрония основывалась на простом энтузиазме. Вернувшись вторично в Заиконоспасскую академию, он вообще преподавал бесплатно. Единственным источником его существования оставалась правка Библии, дававшая ему 50-рублевое годовое жалованье, тогда как ученики Сафрония получали в четыре или пять раз больше.

Место Лихудов в школе заняли их ученики – Николай Семенов и Федор Поликарпов. Первым же нововведением стало изгнание латинского языка. Но этот период оказался недолгим. С 1700 года руководство переходит в руки Палладия Роговского, получившего образование на Западе и бывшего даже некоторое время униатом, чему сочувствовал в определенной степени и сам Петр. Во главе академии оказываются ректор, следивший за наставниками и преподаванием, и префект – следивший за учениками. В число предметов преподавания входили богословие, философия по Аристотелю, физика, метафизика, психология, риторика, метеорология. Наставники, как и ученики богословия, обязывались проповедовать в церквах. Все они в течение 1712–1747 годов принимали участие в исправлении Библии в ее славянском переводе.

Ученики набирались из духовного сословия, из дворян и разночинцев, иногда даже в принудительном порядке. В их числе могли оказаться также священники, дьяконы, церковнослужители и монахи. Время пребывания в академии не было ограничено, единственным условием ставилось окончание полного курса, которое для некоторых затягивалось на 10–15, а то и целых двадцать лет. Среди выпускников академии были князь Антиох Кантемир, митрополит Гавриил, историк Бантыш-Каменский, поэт Костров, Ломоносов.

В 1743 году Святые ворота были перестроены и увенчаны колокольней, а в 1780-х годах на западной границе монастырского участка появилось двухэтажное здание бурсы. Тем самым ансамбль монастыря был завершен. Теперь на его парадный двор вели особые – Школьные – ворота, располагавшиеся западнее Святых.

Академия в Заиконоспасском монастыре просуществовала до 1814 года. Реконструкция города, связанная с последствиями пожара во время пребывания в Москве наполеоновских войск, подсказала в значительной мере перевод академии в Троице-Сергиеву лавру. В стенах восстановленного старого монастыря расположилось теперь Заиконоспасское духовное училище.

В 1822 году обветшавшее здание Коллегиума разобрали и возвели заново. В 1880-х годах произошел раздел территории между духовным училищем и монастырем, причем была восстановлена западная монастырская граница. К обители отошла большая часть Братского корпуса, надстроенная затем третьим этажом.

На рубеже XIX—XX веков по линии Никольской улицы, после слома старых зданий, был построен по проекту архитектора М. Т. Преображенского Торговый дом (№ 7) и новая надвратная колокольня, спроектированная с псевдорусскими деталями архитектором З. И.

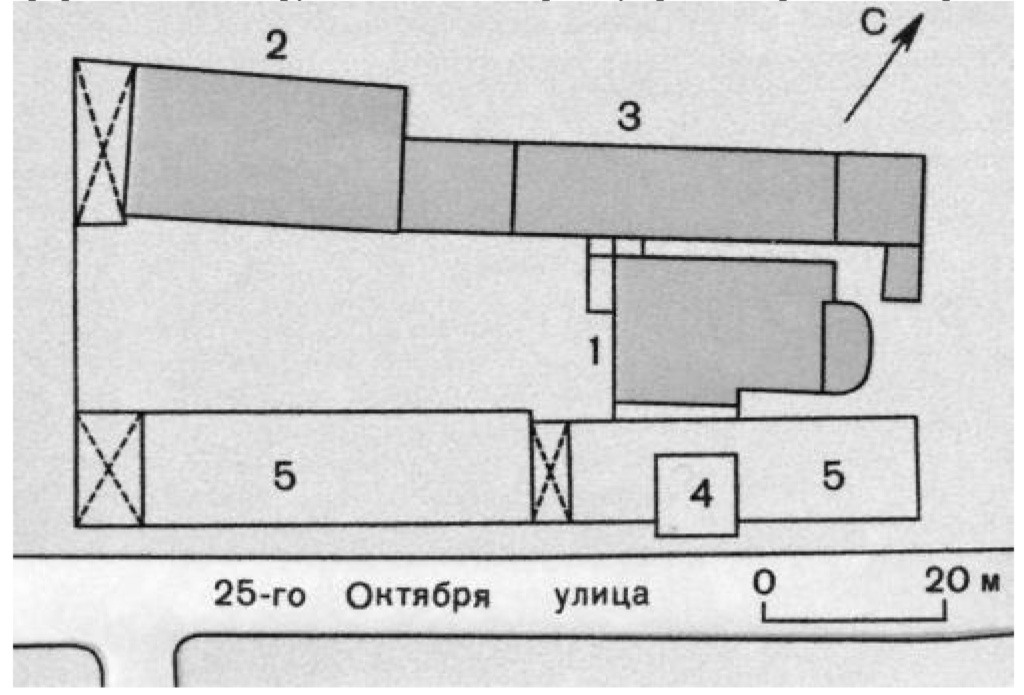
Ивановым. Новая колокольня включила в себя объемы старой. На сегодняшний день помимо перечисленных зданий сохранились Спасская церковь, Братский корпус и дом Заиконоспасского духовного училища.

Здесь стоит вспомнить, что всего в Российской империи существовало четыре духовных православных академии. Самой старой была Киевская, основанная еще в 1615 году в виде Киево-братской школы для изучения классических языков, риторики, богословия и некоторых предметов элементарного образования… Киевский митрополит Петр Могила превратил школу в высшее учебное заведение – Киево-Могилянскую коллегию (1631—173l). После Заиконоспасской в 1721 году по указу Петра I при Александро-Невском монастыре появилась школа для обучения азбуке, письму, псалтыри, арифметике, грамматике и толкованию евангельских блаженств. В 1726 году ее переименовали в Славяно-греко-латинскую семинарию, в 1788-м – в Главную семинарию, а в 1809-м на ее базе была создана Санкт-Петербургская духовная академия.

Наконец, четвертая академия – в Казани начиналась в 1723 году с архиерейской элементарной школы, преобразованной в 1732-м в семинарию по образцу Киевской духовной академии, из которой и были приглашены первые наставники. В 1797 году семинария преобразована в академию с высшим богословским курсом. Для пополнения образования воспитанники должны были посещать лекции в Казанском университете. С 1818 по 1842 год академия не функционировала. С 1854 года в ней были открыты миссионерские отделения. Большую ценность представляла академическая библиотека, куда перевезли около 2000 славянских рукописей из Соловецкого монастыря еще в XIX веке.

Храм Заиконоспасского монастыря представляет один из лучших образцов архитектуры так называемого московского барокко. Складывался он постепенно. В 1701 году к нижней церкви 1661 года пристроили трапезную. До 1709 года получила существующий поныне облик и верхняя церковь. С запада и севера под папертью верхнего храма было устроено два этажа келий для студентов академии, число которых достигало в то время четырехсот человек.

Братский, или Учительский, корпус может быть датирован последней четвертью XVII века. Нижний его этаж служил для хозяйственных потребностей. Здесь размещались хлебня с погребом, кладовые и даже конюшня, а также кухня. Верх занимало жилье, украшением которого служили очень хорошие изразцовые печи. В 1886 году здание надстроили третьим этажом и декорировали в псевдорусском стиле по проекту архитектора Н. А. Шера.

План первого этажа.

К западу, по линии Братского корпуса, располагается здание Заиконоспасского духовного училища, выстроенное в 1821–1822 годах по проекту знаменитого московского зодчего О. И. Бове, причем на фундаменте Учительского корпуса, но с значительным расширением общего плана в сторону Китайгородской стены.

Заиконоспасское духовное училище предназначалось главным образом для детей духовенства Москвы. Оно имело четырехклассную программу, по окончании которой ученики могли поступать в духовные семинарии. Общежития в последнее время его существования в нем не имелось. «Властьми» его, как и Ставропигиального Заиконоспасского мужского монастыря, были перед Октябрем управляющий – архиепископ Владимир, благочинный – архимандрит Алексий, смотритель Владимирской церкви – иеромонах Рафаил. В монастырском штате числилось три иеромонаха, три иеродьякона и один послушник.

И любопытная подробность. Деятельный соратник царевны Софьи, талантливый ученик Симеона Полоцкого, монах местного монастыря, поэт и богослов Сильвестр Медведев поднес царю Федору Алексеевичу на утверждение «Академическую Привилегию», являвшуюся уставом образовывавшейся академии.

«Привилегия» состояла из предисловия и восемнадцати пунктов, согласно смыслу которых академия представлялась как бы высшим трибуналом по делам веры во всех событиях, угрожавших чистоте православия. Академия мыслилась как автономная корпорация, на содержание которой следовало выделить ряд монастырей.

По словам историка С. М. Соловьева, «Московская академия по этому проекту – цитадель, которую хотела устроить для себя православная церковь при неизбежном столкновении своем с неверным Западом. Это не училище только – это страшный инквизиционный трибунал: произнесет блюститель с учителями слова: „виновен в неправославнии“, и костер запылает для преступника».

Однако «Привилегия» осталась неутвержденной. А высшим расцветом Московской академии стало начало XIX века, когда число ее студентов достигало полутора тысяч.

Часть 3
Белый город

Ивановский монастырь

Салтычиха, Балтычиха,
И Высоцкая дьячиха;
Власьевна, Герасимовна,
Дмитриевна, Васильевна,
Саввишна – давишня барышня!
А у нас пироги
Горячи, горячи,
С рыбкой, с вязичкой,
С говядиной, с яичком.
Пожалуйте, у нас для вас
В самый раз!
В нашей лавке
Атлас, канифас,
Ситцы, полуситцы,
Шпильки, булавки,
Чирьи, бородавки…

Песенка, которую москвичи распевали у окна тюрьмы Салтычихи. 1770-е гг.

Из двадцати существовавших в предреволюционной Москве монастырей справка во всех справочниках об Ивановском девичьем была едва ли не самой краткой. Настоятельница – игуменья Епифания, казначея – монахиня Артемия, протоиерей отец Василий Дмитриевич Лебедев, один священник, два дьякона, один псаломщик. И никаких исторических сведений. Впрочем, писать даже о возрасте обители действительно было нечего.

«А когда оный монастырь построен, при котором государе, и по какой государственной грамоте, и в котором году, о том в означенном монастыре точного известия нет», – сообщала монастырская опись 1763 года. Сегодняшние архитекторы склонны считать временем основания обители XV век. Легенда относит его ко времени правления Василия III, когда великая княгиня Елена Васильевна Глинская захотела таким образом отметить рождение своего первенца – будущего Ивана Грозного.

Существует и еще одно соображение, что Ивановский монастырь появился даже на рубеже XIV–XV веков как один из форпостов, защищавших густонаселенный Великий посад вместе с Иоанно-Златоустинским монастырем, полностью уничтоженным в 1930-х годах и оставившим память о себе только в названиях Большого и Малого Златоустинских переулков в начале Маросейки. Во всяком случае, само по себе положение Ивановского монастыря на достаточно крутой Ивановской горке позволяло «сторожить» чрезвычайно важную для Москвы дорогу на Владимир и Коломну.

Но в действительности уже со времен Ивана Грозного обитель стала выполнять свою главную роль – места заключения опальных женщин высокого происхождения. Сюда привезут из Владимира насильно постриженную на Белоозере вторую жену царевича Ивана Ивановича Прасковью Михайловну Соловых. Здесь же кончит свои дни другая невестка Грозного – первая супруга царевича, Евдокия Богдановна Сабурова, в иночестве Александра. В 1610 году в Ивановском монастыре была насильно пострижена разлученная с супругом, низвергнутым царем Василием Шуйским, Мария Петровна.

В XVII веке рядом с Ивановским монастырем возник Соляной двор, в амбарах которого хранилась составлявшая государственную монополию соль. Все добытчики соли обязаны были сдавать ее в казну, а мелкие продавцы приобретать у государства из амбаров Соляного двора и продавать по установленной цене. Отсюда улица, на которой стоял монастырь (ныне – Большой Ивановский переулок), стала называться Солянкой, тогда как нынешняя Солянка еще в XVIII столетии была Яузской улицей. Государственная монополия отменена лишь в 1733 году, что лишило Соляной двор его былого значения.

Страшные московские пожары 1737 и 1748 годов, опустошив монастырь, казалось, навсегда прервали его историю. Но императрица Елизавета Петровна возобновляет его непосредственно перед своей смертью в 1761 году. Здесь учреждается приют для вдов и сирот «заслуженных людей», который предвосхищал институт будущего Вдовьего дома. Снова появляется настоятельница с грошовым жалованьем в три рубля сорок пять копеек годовых и сорок три монахини с половинным содержанием – в один рубль семьдесят две копейки на год.

Но так же быстро восстанавливается и былая роль монастыря как страшной «потаенной» тюрьмы. По-прежнему присылались сюда узницы из Тайной канцелярии и Сыскного приказа, Раскольничьей конторы, лица, замешанные в политических и особо важных уголовных делах, «очистившиеся» перед тем во время следствия «кровью», иначе – прошедшие через все самые изощренные пытки. Монахиням оставалось быть тюремщицами. Только крамола свивала гнезда и среди них.

Еще в первой четверти XVIII века были похоронены в монастырских стенах казненные «лжеучители» так называемых людей божьих – лжехристы Иван Тимофеевич Суслов и Прокопий Лупкин. Суслов был одним из самых деятельных помощников Данилы Филиппова в распространении хлыстовской секты. Уроженец Муромского уезда, он в тридцать три года «по благословению» Филиппова пошел на проповедь по Оке и Волге, повсюду приобретая фанатичных последователей. С 1672 года Суслов жил в Москве под именем «темного богатины», имел собственный дом, называвшийся «домом Божиим», «сионским» и «новым

Иерусалимом», где происходили хлыстовские моления.

В 1716 году Суслова не стало. Его погребли в Ивановском монастыре, где над могилой поставили памятник с надписью: «Погребен святой угодник Божий». Могила и памятник открыто чествовались хлыстами до 1739 года, когда по повелению императрицы Анны Иоанновны труп Суслова, как и Прокопия Лупонина, был выкопан из земли палачами, вывезен в поле, сожжен, а прах развеян по ветру. Тайный приказ открыл, что в келье одной из стариц продолжали собираться по праздникам для молитв последователи Суслова. Старица вместе с четырьмя другими монахинями была казнена, все остальные после наказания кнутом сосланы навечно в Сибирь.

Во второй половине XVIII века печальную славу монастыря умножают две заключенные – Дарья Николаевна Салтыкова, иначе Салтычиха, и таинственная узница, признанная народной молвой княжной Таракановой.

Вдова в двадцать пять лет, Салтычиха к тридцати двум годам буквально вогнала в гроб 139 из 600 принадлежавших ей крепостных. Деревни Д. Н. Салтыковой были и в Вологодской, и в Костромской губерниях, но всем своим владениям она предпочитала «вотчинников двор» в подмосковном селе Троицком. Главными ее жертвами стали крестьяне Верхнего Теплого Стана. Это их безымянные могилы, наспех выкопанные, еще поспешнее зарытые, окружили старую Троицкую церковь.

Среди жертв Салтычихи оказался и Николай Андреевич Тютчев, предок поэта. В самом начале 1750-х годов Салтычиха обращает свое благосклонное внимание на соседа по поместью – секунд-майора. Воспылав к нему «любовною страстию», как писал в жалобе на имя властей незадачливый майор, Дарья Салтыкова решила сначала избавиться от его молодой жены Пелагеи Денисовны, в девичестве Панютиной. Но, не встретив взаимности со стороны Тютчева, перенесла и на него свою ненависть. Над молодоженами нависла смертельная опасность. Не доверяя вмешательству властей, Тютчевы бежали из родных мест ночью, лесными тропами, обманув выставленных Салтычихой вокруг их деревни соглядатаев. Дорога беглецов лежала на Брянщину, в поместье Овстуг, где спустя полвека и родился поэт Федор Иванович Тютчев.

Возмущавшая современников и историков снисходительность властей к теплостанской помещице – семь лет была Салтычиха полновластной хозяйкой своих крепостных, шесть последующих лет находилась под следствием – имела совершенно особые причины.

Первые годы вдовства Дарьи – последние годы правления Елизаветы Петровны. Усиливающаяся болезнь императрицы пророчит скорую смену правительства. Около престола есть объявленный наследник – будущий Петр III, но ни для кого не секрет, что Елизавета Петровна не желает его видеть, всерьез подумывает о высылке его супруги – будущей Екатерины II. Ходят слухи о передаче власти малолетнему сыну незадачливой четы, Павлу Петровичу, при регентстве последнего фаворита императрицы И. И. Шувалова.

Верно и то, что по приказу императрицы в Петербург тайно привозили находившегося почти от рождения в одиночном заключении императора Иоанна Антоновича, – даже он оказался в числе возможных кандидатов на престол, а пришедшая затем к власти Екатерина Вторая допускала возможность своего брака с полупомешанным и недоразвитым человеком.

Но ветвь старшего брата Петра I, внуком которого был Иоанн Антонович, – это и ветвь Салтыковых, в семью которых вошла Дарья, в девичестве Иванова. В подобной ситуации связи ее сестер – Марфы, вышедшей замуж за полковника В. И. Измайлова, Феодоры, жены генерал-поручика А. С. Жукова, Аграфены, супруги действительного статского советника И. Н. Тютчева, или Татьяны Муравьевой бесконечно уступают значению салтыковской семьи.

Существовала у Дарьи и иная связь с потомками старшего брата и соправителя Петра I. Родная тетка Салтычихи Аграфена Автономовна Иванова и царевна Прасковья Иоанновна были золовками – женами братьев Дмитриевых-Мамоновых: Ивана Ильича-старшего и Ивана Ильича-младшего.

Именно поэтому следствие по делу Салтычихи Екатерина II начнет, только полностью перехватив власть, а разрешит довести до конца только после убийства Иоанна Антоновича,

несмотря ни на что, представлявшего для нее серьезную угрозу. Со смертью императора-арестанта суровость суда над Салтычихой приобретала смысл и как угроза связанной с престолом семье, и как наглядное свидетельство человеколюбивых начинаний нового правления в духе принципов французских просветителей, с которыми так упорно заигрывала Екатерина II.

Первоначальный смертный приговор императрица заменила пожизненным одиночным заключением. Перед тем как отвезти Салтычиху в приготовленную для нее особую подземную тюрьму, под сводами подклета церкви в Ивановском монастыре, преступницу поставили на один час на эшафот с надписью на груди: «Мучительница и душегубица». Отныне Дарья Салтыкова-Иванова лишалась всего своего состояния, дворянства и самого права называться фамилией отца или мужа, даже считаться женщиной.

В 1778 году Салтычиху перевели в застенок, пристроенный к монастырской церкви и имевший закрывавшееся снаружи зеленой занавеской окошко, через которое желающие могли рассматривать преступницу. Именно тогда и родилась издевательская песенка, которую распевали москвичи.

Салтычиха умерла в 1801 году, просидев в застенке двадцать два года, и похоронена в Донском монастыре вместе с членами семьи Салтыковых. Застенок же вместе с церковью был разобран в 1860 году.

И еще одна история тоже об узнице Ивановского монастыря.

…Надежды не оставалось теперь уже никакой. Два года метаний по трактам Сибири. Дальний Восток. Даже Камчатка. Даже Сахалин. Вопросы нетерпеливые. Упрямые. Ответы недоуменные. Всегда одинаковые.

Шубин Алексей Яковлевич. Ссыльный. Не видели. Не слышали. Лейб-курьер не знал о секретной приписке Тайной канцелярии: сослать безвестно. Без имени, роду, племени, под строжайшим наказом о них забыть, ни при каких обстоятельствах не поминать. Бессилен был бы помочь даже портрет: десять с лишним лет жестокой ссылки меняли человека до неузнаваемости. Между тем Елизавета Петровна торопила, напоминала, отпускала все новые и новые деньги – курьер оставался бессильным.

И все-таки на одном из становищ дымящаяся оловянная кружка чая. Мутный свет набухшего жиром фитиля. Молчаливые серые лица. И осипший голос: «Разве правит в России Елизавета Петровна?» Только после утвердительного ответа со всеми обстоятельствами дворцового переворота: «Тогда я и есть Шубин. Был». Седой. Беззубый. С перечеркнувшими задубевшую кожу морщинами. «Прапорщик Ревельского гарнизона Алексей сын Яковлев Шубин». Последний раз названный давний чин, на котором остановилась жизнь.

Елизавета не знала предела монаршим щедротам. «За невинное претерпение» – его и свое собственное, за незабывшуюся обиду и горечь унижения, за навсегда разделившие с любимым годы всего было мало: орденских лент, чинов, деревень, денег. Ведь когда-то приходилось себе отказывать в скатертях, чтобы подарить приглянувшегося камер-пажа парой золотых запонок. Единственного родового шубинского владения – сельца Курганихи в окрестностях Александровой слободы едва хватало на пропитание да на одного верхового коня. И знакомство с тогдашней цесаревной состоялось не где-нибудь – в отъезжем поле, на охоте.

Была во всех наградах и доля неловкости. Уверившаяся в себе, торжествующая, властная, готовая подчас расчувствоваться, чаще развеселиться, императрица всероссийская ничем не напоминала цесаревны из подмосковной слободы. Иная повадка, иные люди вокруг. Угрюмая настороженность новоявленного генерал-поручика тяготила, неумение «камчадала» принять участие в придворном обиходе раздражало. С каждым днем все сильнее. Императрица безуспешно «выговаривала, чтоб был повеселее».

Кавалер ордена Александра Невского сторонился других придворных чинов, отговаривался от приглашений на праздники и балы, избегал театральной залы, где кончался чуть не каждый день императрицы. Он по-прежнему вздрагивал от скрипа двери, бледнел от

мелькнувшей за спиной тени. И молчал. «Племянникам госпожи Шмитши», около которых было отведено место Шубину за царским столом, радости от соседа слишком мало. «Племянники госпожи Шмитши» – брат и сестра, подростки, судя по товарищам их игр, четырнадцати или пятнадцати лет.

Воспоминания о былой близости оказались куда лучше общения новых дней. Для Шубина срочно полученные награды не смягчали необходимости каждый день видеть торжество певчего слободских времен – «друга нелицемерного», по выражению Елизаветы Петровны, Алексея Разумовского. Пока лейб-курьер ездил по Сибири, блистательная карьера Алексея Григорьевича достигла апогея. В день восшествия Елизаветы Петровны на престол – действительный камергер, вскоре затем обер-егермейстер, 25 апреля 1742 года – кавалер ордена Андрея Первозванного и уже в присутствии Шубина – граф сначала Римской, затем и Российской империи. Даже в милостях императрицы Шубин оставался «бывшим».

Елизавета не удержалась от слез, давая Шубину «апшит» – увольнение от двора, на котором он стал настаивать. Генерал-поручик волен был ехать в свое только что полученное село Роботки Макарьевского уезда Нижегородской губернии – две тысячи душ крестьян, пашни, крутой берег Волги.

Перед отъездом оставалась одна забота – прощальный визит во дворец к «племянникам госпожи Шмитши». У Шубина дрожал голос, выпала из руки шляпа – «племянники» торопились на представление французской комедии. Другой встречи не состоялось. Брат и сестра вскоре исчезли из придворных хроник.

Подхваченные депешами дипломатов придворные слухи утверждали, что несколькими годами раньше на попечении «госпожи Шмитши» находился еще один племянник. Его еще в бытность Елизаветы Петровны цесаревной удалось «с великим поспешением» пристроить на службу. Судьбой «племянника Шмитши» занялся Александр Борисович Бутурлин. Правда, не сам. В этой любезности ему не отказал Иван Юрьевич Трубецкой. Богдана (иначе – Ивана) Васильевича Умского, значившегося по документам сыном «шляхтича польской нации», зачислили в феврале 1738 года копиистом в Сенат. От десятилетнего недоросля действительной службы никто требовать не стал – опека И. Ю. Трубецкого давала вполне ощутимые результаты.

Зато в двадцать лет Умской становится поручиком Ингерманландского пехотного полка, а всего несколькими годами позже – капитаном Эстляндского полка. Не отличавшийся служебным рвением, он имел средства для широкого образа жизни, а с основанием Московского Воспитательного дома получил удобную и почетную гражданскую должность его опекуна.

Обычная в конечном счете жизнь обычного средней руки дворянина, если бы не напряженное внимание двора. Умского не продвигали по служебной лестнице, зато поощряли монаршей лаской, деньгами и… не спускали с него глаз. Тем лучше, что он не причинял никаких дополнительных беспокойств. Одно слово – родной и старший сын Елизаветы Петровны. Так, во всяком случае, настойчиво утверждала народная молва.

А толков об императрицыных сыновьях было множество. Упорно избегали небезопасной темы только современники. Зато даже сам граф Д. Н. Блудов, министр юстиции, министр внутренних дел, главноуправляющий II Отделения Собственной его императорского величества канцелярии при Николае I, признавал, что в одном из монастырей Переславля-Залесского провел всю свою жизнь необычный узник – побочный сын императрицы, горько сетовавший на свою участь. Всякие выезды за пределы монастыря ему были запрещены, посетителей видеть не приходилось. За всю свою долгую жизнь – он умер после 1800 года – забытый узник не услышал, чтобы кто-нибудь им интересовался. Клобуки. Рясы. Мутный дурман ладана. Безысходная смена молитв, постов, покаяний и снова молитв. Без попыток изменить собственную судьбу, вырваться из заключения, хоть на шаг приблизиться к престолу. За таким потомком царствующего дома отказывались следить даже вездесущие дипломаты. Ни для кого никакого интереса он представлять не мог.

И еще был любитель естественных наук. Тоже без имени. Известный тем, что изучал

горное дело и получил возможность заниматься в лаборатории профессора химии Ломана. Ядовитые испарения от взорвавшейся реторты привели к гибели учителя и ученика.

То, что Ломан действительно погиб во время опыта, общеизвестно. Кто из сотрудников разделил его участь – ни тогдашних газетчиков, ни позднейших историков не заинтересовало.

В том же списке современники уверенно называли Закревского, действительного тайного советника, президента Медицинской коллегии, видного чиновника времен Екатерины II.

Еще во времена фавора у Елизаветы-цесаревны «другу нелицемерному» – Разумовскому удалось скопить достаточно денег для пухнувших от голода малороссийских родных. Мать открыла корчму и сумела пристроить дочерей. Приданого хватило, чтобы выдать Агафью за ткача Власа Климовича, Веру – за «регистрового казака» Ефима Дарагана, Анну – за закройщика Осипа Лукьяновича Закревского. Понадобилось всего несколько месяцев правления Елизаветы-императрицы, чтобы все они оказались включенными в круг высшей придворной знати. На свадьбу наследника престола, будущего Петра III, родственникам Разумовского было предписано явиться всем.

Но особенно хлопочет Елизавета об Анне Закревской, пытавшейся избежать поездки в столицу из-за близких родов. Императрица отдает распоряжение, чтобы Анна отправилась в путь ровно через неделю после родов, чтобы ехала «без промедления денно и нощно», для чего ее будут ждать на каждой станции по десяти подставных лошадей, а в пути на всякий случай (от чего Боже избави!) станет сопровождать лекарь Киевского гарнизона.

Анна Закревская родила девочку, но и считавшийся по документам ее сыном будущий президент Медицинской коллегии Андрей Иосифович имел тот же год рождения. Ошибка? Или родственная помощь оказавшейся в затруднительном положении императрице? Не нужно ли было по возможности скорее передать под опеку Закревских другого новорожденного младенца? Задачи, сложные для цесаревны, приобретали особую сложность для царицы, и пренебрегать ими не приходилось.

Прожил А. И. Закревский сравнительно недолгую жизнь – малоприметный, исполнительный, чуждый честолюбия чиновник, допускавшийся только в самые задние ряды придворных кругов. И все же. Не случайно Г. А. Потемкин, так безошибочно умевший угадывать каждое затаенное желание или колебание Екатерины Великой, спешит женить своего любимого племянника на дочери именно Закревского. Возможных врагов следовало «замирять», тем более что Павел Сергеевич Потемкин только выигрывал от подобной партии.

Начальствующий в Казани во времена Пугачева, он с началом «потемкинского случая» оказывается руководителем секретной экспедиции в Москве, позднее – генерал-губернатором Саратовской губернии и Кавказа. Все усиленно подчеркивают его заслуги в гражданской службе – разве шутка убедить перейти в российское подданство царя Кахетинского и Карталинского! – и тем более в военной: штурм Очакова, участие в кампаниях самого Суворова.

К тому же П. С. Потемкин пользовался вполне заслуженной известностью как удачный переводчик Руссо и «Магомета» Вольтера. Он автор отмеченных печатью литературного дарования эпистол и особенно драм. Тем загадочнее и таинственнее выглядел его конец.

П. С. Потемкин умер 20 марта 1796 года после разговора с навестившим его поутру «кнутобойцей» Шешковским. Современники, теряясь в домыслах, усматривали здесь и интригу последних фаворитов Екатерины – братьев Зубовых, и тянувшиеся еще с Кавказа нити всяких неразобранных дел. Но возникал и вопрос о А. И. Закревском. Жена П. С. Потемкина унаследовала бумаги отца, которые граф старательно хранил. Именно этих бумаг после похорон П. С. Поремкина и не удалось найти.

И еще оставалась «племянница Шмитши».

После обеда были у нас племянники графские (А. Г. Разумовского. – Н. М.).

Ездили до Ивана Журавки, где и ужинали с ним и с камер-юнгферами, свойственницами графа Разумовского, да с племянницею мадам Иоганны («Шмитши». – Н. М.).

Из дневника Ханенко. 1746 г.

Я помню ее, я видел ее в Зимнем дворце на выходах; ее прочили тогда за Голштинского принца, двоюродного брата тогдашнего наследника, а после перемены правительства в 1762 году все говорили, что она уехала в Пруссию.

Пастор Лиадей. 1775 г.

Сухощавая. Невысокая. С удлиненным лицом и тонким прямым носом. Молчаливая. Ловко, но неохотно танцевавшая. Бегло изъяснявшаяся на немецком и французском языках, но чаще задумчиво слушавшая.

Пройти мимо свидетельства пастора Лиадея трудно. Лиадей вполне реальное лицо. Он служил офицером в русской армии, действительно был вхож во дворец. И маленькая корректива. Сначала официальное обвинение утверждало, что Лиадей якобы видел в Зимнем дворце собственно «самозванку», объявившуюся в Риме и Пизе, которую в свое время прочили за Голштинского принца. Однако противоречие оказалось слишком очевидным: «самозванке» едва исполнилось 23 года – пребывание Лиадея в России предшествовало ее рождению. Последовало уточнение: Лиадей находил «самозванку» необычайно похожей на побочную дочь Елизаветы Петровны, выданную замуж за двоюродного брата Петра III.

По-видимому, речь шла об одном из сыновей Георга Людвика Голштинского. После дворцового переворота в пользу Екатерины II Георгу Людвику удалось бежать в Пруссию. Оба его сына при той же попытке были задержаны новой императрицей. Один из них, Вильгельм, утонул при невыясненных обстоятельствах в 1774 году в Ревельской бухте, другого Екатерина срочно женила на родной сестре своей невестки, будущей императрицы Марии Федоровны. Среди многих слухов, которые вызвали эти достаточно загадочные события, ходил и такой, что старый герцог успел бежать вместе с женой Вильгельма. Овдовев, она некоторое время жила в Европе, нигде не показываясь, ничем о себе не заявляя.

Так или иначе, упоминания о «племяннице госпожи Шмитши» прекращаются в конце 40-х годов. Остается предполагать, что судьба ее была устроена вдали от двора. Никакими сантиментами Елизавета Петровна не отличалась. Все, что напоминало о неизбежном отсчете лет, старалась от себя отстранять. Дальнейшая жизнь «племянницы Шмитши» растворялась в потоке легенд.

«Под сим камнем покоится прах рабы Божией инокини Аркадии, скончавшейся 1839 года, генваря 22 дня. Инокиня Аркадия проживала в посаде Пучеже, при Пушавинской церкви, 50 лет, скрыв настоящее свое звание и род, а называлась Варварою Мироновною, по прозванию Назарьевой, жития же ей сколько было, остается неизвестно».

Надпись на каменном надгробии у южной стороны Воскресенской церкви в поселке Пучеже Костромской губернии.

Отъезд за границу и возвращение в Россию – они фигурировали во всех версиях. Возвращение насильственное. По крайней мере, противоречившее желаниям «племянницы». И дальше жизнь за монастырскими стенами – монашеская или тюремная, правдивая или исполненная внутренних метаний и неостывающих надежд. Назывались несколько монастырей – в том же Переславле-Залесском, Москве, Екатеринбурге, Уфе, Нижнем Новгороде и Костроме. Каждый имел свою легенду, более или менее подробную, более или менее насыщенную датами, обстоятельствами, именами. Об узнице заботились относительно. Иногда ее навещали. И всегда сама она – вначале, во всяком случае, – делала попытки вырваться из неволи.

О пожилой женщине, доставленной под стражей в Пучеж на переломе 1880—1890-х годов, местным жителям запомнилось многое. Она охотно говорила со своим единственным дозволенным собеседником-духовником, попом местной Воскресенской церкви. Поп был не

менее словоохотлив в отношении других своих прихожан. Каждое действие неизвестной в крохотном, насчитывавшем даже к концу XIX века не больше двух тысяч жителей селении становилось общим достоянием и предметом обсуждений.

Оказывается, неизвестная долгие годы прожила под стражей в особых кельях в Орле, где ее духовником был протоиерей тамошней кладбищенской Иоанновской церкви Лука Малинов, а затем в Арзамасе. В Пучеж ее доставил с особыми мерами предосторожности полковник Бушуев, увезший живших с нею «четырех женских персон» в более далекую и глухую ссылку.

Местом жительства неизвестной был выбран закрытый в 1754 году Воскресенский мужской монастырь, вернее – его стены с единственной сохранившейся и действовавшей в них церковью. В ограде никто, кроме неизвестной, не жил, на богослужениях почти никто не бывал. И если старевшая одинокая женщина не испытывала особенно острой нужды, то только благодаря владельцу огромного соседнего села и богатейшей пристани князю Егору Александровичу Грузинскому. Ему была она обязана присланной в услужение женщиной, запасом дров на зиму и провиантом, на который узнице забыли отпустить денег.

Неизвестная много и безрезультатно писала в Петербург, адресуясь к самым знатным придворным особам. Под ее диктовку подобные письма писал и поп, запомнивший среди адресатов имя В. П. Кочубея. Историки готовы были впоследствии усматривать в этом тень родственных связей – Кочубей женился на родной внучке К. Г. Разумовского, младшего брата елизаветинского фаворита. Но верно и то, что Кочубею довелось однажды возглавлять министерство внутренних дел. Как человек он отличался вошедшей в поговорку опасливой предусмотрительностью, как министр мог прислушаться к прошению или просто передать его в царские руки.

О личных чувствах можно скорее говорить в отношении князя Грузинского. Потомки грузинского царя Вахтанга VI Законодателя были обязаны Елизавете Петровне получением богатейшего подмосковного села Всехсвятского и того же Лыскова, которое Егор Грузинский безусловно предпочитал Москве. К тому же князь готов был бравировать своим оппозиционным отношением к петербургскому двору.

Местные предания. Местные свидетели. И никаких документальных источников – ни в архиве Тайной канцелярии, несомненно, занимавшейся делом пучежской узницы, ни в клировых ведомостях, скрупулезно отмечавших каждого принимавшего монашеский постриг.

Единственное очень косвенное доказательство в пользу версии о дочери Елизаветы Петровны – имя Аркадия. По существовавшему порядку иноческое имя должно было начинаться на ту же букву, что и светское, данное при крещении: Августа – Аркадия.

Принцесса Августа Тараканова, во иноцех Досифея, постриженная в московском Ивановском монастыре, где во многих летах праведной жизни своей скончалась в 1808 году и погребена в Новоспасском монастыре.

Надпись на обороте портрета, хранившегося в настоятельских кельях московского Новоспасского монастыря. Масло, холст, 10 1/2 × 7 1/2 вершков.

«Под сим камнем положено тело усопшия о Господе монахини Досифеи, обители Ивановского монастыря, подвизавшейся о Христе Иисусе в монашестве 25 лет и скончавшейся февраля 4-го 1810 года. Всего жития ее было 64 года. Боже, всели ее в вечных твоих обителях».

Надпись на надгробии из дикого камня у восточной ограды московского Новоспасского монастыря, рядом с колокольней.

На этот раз были реальные памятники – портрет, надгробие, и снова никаких документальных свидетельств. Когда и по чьему приказу привезена и пострижена, что скрывала под иноческим именем – оставалось загадкой. Клировые ведомости Ивановского монастыря инокини Досифеи вообще не упоминали.

Впрочем, даже существование портрета осталось недоказанным. Кому-то довелось его видеть, кто-то списал надпись, но в инвентарных описях монастырского имущества он не

фигурировал. В ответ на настойчивые расспросы исследователей настоятели второй половины XIX века утверждали, будто в ведении монастыря портрета никогда и не числилось. А между тем очевидцы помнили.

…Две крохотные комнатенки с подслеповатыми прорезями окон. Низкие потолки. Мутно поблескивающая в полумраке изразчатая печь. Пара нехитрых стульев. Просиженное кресло. Расшатанный стол. Старенькое, набитое мелочами бюрцо. Вытертый зеленоватый войлок полов. Портрет Елизаветы Петровны на стене. Застывший на десятилетия глухой, захлестнутый тишиной мирок, в котором замкнулась жизнь.

Может быть, в слухах была своя доля правды – сначала долгий разговор наедине с Екатериной. Увещевания. Доказательства. Обещания. Скрытые угрозы. Выбора все равно не существовало. И независимо от обещаний единственной дорогой стала дорога в церковь: темный коридор, крытая лестница, грохот засова, закрывавшего входную дверь. Единственное развлечение – богослужения все с тем же попом и тем же причетником, отвечавшими враждебным молчанием на каждую попытку заговорить, бросить пару ничего не значащих слов. Для редких и ненужных бесед была настоятельница, когда получала разрешение или приказ вступить с узницей в разговор. Даже ютившаяся в каморке келейница оказалась глухонемой. Оставалось довольствоваться хорошей едой – деньги специально отпускались казначейством – и правом ждать.

Ждать смены правлений. Сочувствия. Милосердия. Простого безразличия к тому, что с годами теряло свое значение и остроту. Иногда в монастыре появлялись высокие посетители, даже члены царской семьи. На имя узницы приходили от неизвестных лиц значительные денежные суммы. Но гости исчезали, а деньги по-прежнему тратить было не на что. Границы мирка оставались неизменными – при Екатерине II, Павле I, Александре I.

И ответом становится обет молчания, который принимает неизвестная – сухощавая невысокая женщина со следами былой красоты и горделивой осанкой привыкшего повелевать человека. Молчаливая по натуре, она с годами не потеряла лишь одной особенности – панического страха перед скрипом дверей, неожиданно возникавшими в полутьме тенями. Некому войти, некого ждать, и все же… Воспоминания о ее рассказах – всего лишь плод фантазии старавшихся придать себе значительности потомков.

Она понимала – нужен конец. Ее конец. «Натуральный». Благопристойный. С соблюдением всех предположенных монашеским чином обрядов. Чтобы все встало на свои места.

Тридцать восемь лет заключения в этих же стенах жены царевича Ивана Ивановича закончились торжественным ее погребением в Вознесенском монастыре Кремля – усыпальнице всех женщин царского дома. Тридцать три года Салтычихи – похоронами в Донском монастыре, где погребали всех Салтыковых. Инокиню Досифею ждал еще более пышный обряд похорон в Новоспасском монастыре, былой усыпальнице семьи Романовых, которую они не переставали почитать и ценить. С участием всего высшего московского духовенства – пусть и заменил якобы заболевшего митрополита его викарий. Главнокомандующего Москвы, многочисленной знати – если и не приехавшей лично, то приславшей для похоронной процессии свои украшенные фамильными гербами экипажи. Погребальный «кондукт» безвестной инокини растянулся едва ли не на полверсты. Ее могила стала местом всеобщих посещений.

И невольный вопрос: непредвиденные обстоятельства или заранее задуманный и срежиссированный эффект? Чего не ждали и на что именно рассчитывали те, кто должен был проводить в последний путь навеки замолчавшую Досифею?

Нет сомнений, неожиданности были. Не могли не быть. И все же никаких сведений о погребении ивановской монахини в Тайный сыск не поступило. Никаких докладов высшему петербургскому начальству и самому Александру I не последовало. Значит, задуманный результат был достигнут. Обе столицы имели возможность убедиться, что не стало подлинной дочери императрицы Елизаветы Петровны, пусть открыто и не названной, зато погребенной со всеми необходимыми почестями. Иначе говоря, можно с достаточной

уверенностью сказать: вместе с инокиней Ивановского монастыря старицей Досифеей ушла из жизни Августа Тимофеевна, условно называвшаяся княжной Таракановой.

Пожар 1812 года, казалось, навсегда положил конец истории монастыря. Разрушения и потери были настолько значительны, что последовало предписание о закрытии обители. Кельи превратили в квартиры для служащих Синодальной типографии, той самой, которая по указу Петра открылась в 1721 году рядом с Заиконоспасским монастырем, на Никольской улице, в помещении бывшего Печатного двора. В течение всего XVIII и начала XIX веков это была крупнейшая московская типография, подчинявшаяся Синоду и печатавшая главным образом богослужебные книги и труды по богословию. В 1814 году для нее возводится на той же Никольской улице поныне существующее здание в псевдоготическом стиле по проекту архитектора И. Л. Мироновского, который участвует и в переделке келий Ивановского монастыря.

Одной из достопримечательностей упраздненного монастыря становится знаменитая московская шерстяная ярмарка, на которую раз в год свозилась крестьянами шерстяная пряжа. Торговля происходила в стенах монастыря, тогда как связанные с ярмаркой многочисленные развлечения – карусели, балаганы, «туманные картины» располагались на эти несколько дней на Варварской (ныне – Славянская) площади. Ярмарка собирала почти исключительно женщин и поэтому называлась Ивановской бабьей.

Вступление на престол Александра II ознаменовалось не только созданием музея – «Дома бояр Романовых», но и восстановлением Ивановского монастыря. Строительство монастырского ансамбля поручается архитектору Михаилу Доримедонтовичу Быковскому, ученику Д. И. Джилярди. С 1831 года Быковский преподавал в Московском дворцовом архитектурном училище (с 1836 года – директор), участвовал в создании Художественных классов, заложивших основание Московскому училищу живописи, ваяния и зодчества. Ему принадлежал начальный вариант здания Биржи на Ильинке. Ансамбль Ивановского монастыря возводился архитектором в течение почти двадцати лет (1860–1879).

От старых сооружений ко времени строительства Быковского существовал только древний собор, ставший обыкновенной приходской церковью, и корпус келий первой половины XVIII века, надстроенный вторым этажом, вдоль западной границы монастыря.

По предположению архитекторов-реставраторов, в грандиозном новом соборе могли быть использованы подклеты старого здания. Подклет современных кельям жилых «палаток» монастырского причта сохранен в новом здании того же назначения.

Архитектор нашел очень эффектное решение ансамбля с величественным, фланкированным двумя башнями-колокольнями входом, к сожалению, в настоящем своем виде испорченным соединившей колокольни стеной. В соборе использованы элементы архитектуры Ренессанса и романского стиля, тогда как во внутренних двориках Быковский обратился к системе открытых арочных галерей, связывающих здания. Эта система заимствована из древних ансамблей Ростова Великого. Перепад рельефа удачно использован в композиции замкнутого южного двора, над которым возвышается крупный объем собора. Могучий купол собора стал важным элементом в композиции этой части Москвы. В настоящее время ансамбль начал восстанавливаться.

Златоустовский монастырь

О что ты нам говоришь о королевстве, то мы, Божией милостью, государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей, а поставление имеем от Бога, как наши прародители, так и мы. Просим Бога, чтобы нам и детям нашим всегда дал быть так, как мы теперь государи на своей земле, а постановления как и прежде ни от кого не хотели, так не хотим и теперь.

Ответ великого князя Московского Ивана III на предложение германского императора дать ему королевский титул – в связи со сватовством племянника императора за одну из дочерей

Московского князя

Располагавшийся в нынешнем Большом Златоустинском переулке, монастырь этот во многом остался загадкой для историков. Одними высказывалось предположение, что своим основанием он обязан торговым гостям, заложившим его еще в XIV веке. Другие стояли на том, что основателем обители стал великий князь московский Иван III. Именно он построил в монастыре каменную церковь вместо ранее существовавшей деревянной, которую перенесли в бывший Покровский монастырь, что в Садех, и произошло это в 1479 году. Ему же приписывается и учреждение в обители игуменства.

В принципе одно не исключает другого, но верно и то, что после Ивана III монастырь перестал пользоваться вниманием венценосцев. При Екатерине II он числится всего лишь третьеклассным. Ко времени Октябрьского переворота кроме настоятеля, архимандрита Феодосия, обитель имела двух иеромонахов и двух иеродьяконов. Для москвичей самым притягательным была здесь чудотворная икона Божьей Матери Знамения, а для местных жителей – одноклассная церковно-приходская школа, бесплатно сообщавшая основы грамоты.

Монастырь был полностью разобран в 1930-х годах.

Сретенский монастырь

Взбранной Воеводе победительная, яко избавльшеся от иных пришествием Твоего честного облазь, Владычице Богородице, светло сотворяем празднество сретения Твоего, и обычно зовем Ти: Радуйся, Невесто Неневестная.

Днесь светло красуется славнейший град Москва, яко зарю солнечную восприемши, Владычице, чудотворную Твою икону, к нейже ныне мы притекающе и молящеся Тебе, взываем сице: о пречудная Владычице Богородице! Молися из тебе воплощенному Христу Богу нашему, да избавит град сей, и вся грады и страны христианския невридимы от всех навет вражиих, и спасет души наши, яко Милосерд.

Тропарь Божией Матери Владимирской. XVI в.

В одном из лучших энциклопедических словарей России – Ф. А. Брокгауза (Лейпциг) и И. А. Ефрона (С. Петербург) – о монастыре сказано в 1900 году буквально две фразы: «Сретенский мужской заштатный монастырь – в городе Москве. Основан в 1395 году». Энциклопедия «Москва» 1980 года оказалась многословнее: «Основан в 1397 году великим князем Василием I на Кучковом поле, на месте встречи (сретения) москвичами иконы Владимирской Божией Матери (ныне хранится в Государственной Третьяковской галерее). В 1532 году у стен Сретенского монастыря москвичи встречали русское войско, возвращавшееся после взятия Казани. После Октябрьской революции Сретенский монастырь упразднен, его постройки частично разобраны в 1930-х годах. Сохранился собор Владимирской Богоматери (1679, 1706, в интерьере – фрески 17 века; ул. Дзержинского, 19)».

Девятью годами позже в энциклопедии «Москва» архитекторы-реставраторы опубликуют свои данные. Монастырь основан в 1397 году, на тогдашней окраине Большого посада, чтобы отметить место состоявшейся двумя годами раньше встречи привезенной из Владимира чудотворной иконы Божьей Матери. В 1395 году столице угрожало нашествие хана Тимура, и все надежды возлагались на Пречистую. И существенное уточнение. На первоначальном месте монастыря до 1934 года стояла Владимирская церковь. В XVI столетии, скорее всего в связи со строительством китайгородских стен, монастырь был перенесен на нынешнее место. И уже здесь – «на поле за посады» – москвичи в 1518 году вновь встречали владимирские иконы. На этот раз – Богоматери и Спаса Вседержителя.

Колокольня и Никольский храм Сретенского монастыря в процессе сноса. Фото 1928 г.

Сегодня можно составить себе представление о церкви Владимирской Богоматери, в частности, по фотографии 1870-х годов. В это время она представляла маленький, очень нарядный храм в стиле так называемого Нарышкинского барокко, поскольку была выстроена в ранние годы правления Петра I (1692–1694). Алтарной своей частью Владимирская церковь примыкала к Никольской башне Китайгородской стены, почему проломные ворота в стене по оси Никольской улицы, несколько севернее церкви, также назывались Владимирскими.

Владимирская икона Божьей Матери – одна из величайших святынь Москвы. По преданию, была она написана евангелистом Лукой на доске того стола, за который в юные годы Христа садились за еду он сам, Богоматерь и Иосиф Обручник. Когда Лука показал Божьей Матери свою работу, Дева Мария произнесла слова, сказанные ею когда-то при посещении праведной Елизаветы: «Отныне ублажат Ми вся роди». И прибавила: «Благодать Рождшегося от Меня и Моя с сею иконою да будет».

Самое близкое нам по времени изложение дальнейшей истории образа принадлежит врачу и писателю матери Серафиме (Розовой). О том, что до 450 года икона оставалась в Иерусалиме, когда при императоре Феодосии Младшем ее перенесли в Царьград. В начале XII века Цареградский патриарх Лука Хризоверх послал ее в дар великому князю Юрию Владимировичу Долгорукому в Киев. Икона была поставлена в окрестностях Киева в женском монастыре, находившемся в великокняжеском селе Вышгороде. Вышгород представлял удел сына Долгорукого – Андрея Юрьевича, который тяготился пребыванием в Киеве и стремился к образованию собственных владений в Суздальской земле.

Опять-таки по словам легенды, священники вышгородской церкви как-то увидели, что икона стоит не на своем месте, а посередине храма, на воздухе. Сколько раз ее ни возвращали обратно, икона опять словно выплывала из общего иконного ряда. Это повторяющееся чудо побудило Андрея Юрьевича вопреки желанию отца и без его согласия уехать в 1158 году на север, взяв с собой образ.

Во Владимире на Клязьме икона была встречена местными жителями с великим почтением, но задуманный Андреем Юрьевичем путь лежал дальше, в Ростов. Тем не менее,

отъехав от Владимира всего десять верст, лошади, везшие икону, встали как вкопанные. Так же повели себя и другие, впряженные в повозку кони. Князь счел это знамением, что икона не хочет покидать берегов Клязьмы. С «великим поспешением» началось строительство собора во Владимире, который был окончен в 1160 году и освящен в честь Успения Божией Матери. Икону поставили в новом храме, возложили на нее драгоценную ризу и с тех пор стали называть Владимирской.

В 1395 году после вторжения на русские земли Тамерлана великий князь Василий I Дмитриевич просил принести этот образ в Москву. Москва была спасена. Владимирскую не раз приносили с той же целью в Москву, и в честь каждой из этих встреч были установлены церковные праздники: 26 августа – в память спасения Москвы от нашествия Тамерлана в 1395 году, 23 июня – в память спасения столицы от нашествия хана Ахмата в 1480-м, 21 мая – в память спасения Москвы от нашествия крымского хана Махмет-Гирея в 1521 году. Вместе с праздниками возникли и тексты тропаря и стихир.

Приходится пересмотреть современные обиходные представления о названиях улиц. Никольская находилась внутри Кремля и заканчивалась у одноименных ворот. Дальше (по нынешней Никольской) шла вплоть до нынешних Сретенских ворот Белого города собственно Сретенка. Отсюда неизбежная путаница в определении мест тех или иных важных событий. Отсюда предусмотрительная осторожность справочников. Сретенский монастырь действительно был основан в 1397 году, но на ином месте, и, значит, его следов в сохранившихся фрагментах обители искать бесполезно. Но независимо от его местоположения роль монастыря в истории города остается очень большой.

Осенью 1610 года в Москву вступил от имени приглашенного боярами на русский престол польского королевича Владислава иноземный гарнизон, и сразу же в городе стало неспокойно. Москвичи не приняли боярского решения. Враждебно и зло «пошумливали» на торгах и площадях. Стали бесследно пропадать неосторожно показывавшиеся на улицах ночным временем рейтары. К марту 1611 года, когда подходят к Москве отряды первого – рязанского – ополчения во главе с князем Пожарским, обстановка в столице была напряжена до предела.

Для настоящей осады закрывшихся в Кремле и Китай-городе сторонников Владислава у ополченцев еще не хватало сил, но контролировать действия иноземного гарнизона, мешать всяким его вылазкам в ожидании, пока соберется большее подкрепление, они могли.

Сам Пожарский занял наиболее напряженный пункт, которым стала Сретенская улица (та, древняя!). К его отряду примкнули пушкари из близлежащего Пушечного двора (память о нем в названии сегодняшней улицы – Пушечная). С их помощью почти мгновенно вырос здесь укрепленный орудиями острожец, боевая крепость, особенно досаждавшая сторонникам королевича.

Впрочем, день 19 марта не предвещал никаких особенных событий. Снова ссора москвичей с гарнизоном – извозчики отказались тащить своими лошадьми пушки на кремлевские стены, ведь они должны были стрелять по москвичам! Офицеры кричали, грозились.

Никто не заметил, как взлетела над головами жердь – и уже лежал на земле убитый наповал иноземец. Первая мысль солдат – смута обернулась войной. В диком страхе они кинулись, избивая всех на пути, на Красную площадь, начали грабить торговые ряды, и тогда загудел набат.

Улицы наполнились народом. Поперек них в мгновение ока стали лавки, столы, кучи дров – баррикады на скорую руку. Легкие, удобные для перемещения, они опутали город непроходимой паутиной, исчезали в одном месте, чтобы тут же появиться в другом. И тогда командиры иноземного гарнизона согласились с решением, подсказанным стоявшими на их стороне боярами, – сжечь город. Весь. Немедленно. Рассчитывать на послушание москвичей больше не приходилось. В ночь на 20 марта отряды поджигателей разъехались по Москве.

Население и ополченцы сражались отчаянно, избивая поджигателей, и все же беспримерной, отмеченной летописцами осталась отвага князя Дмитрия Пожарского и его

отряда.

Пали один за другим все пункты сопротивления. Силы и вооружение были слишком неравными, и наступавший огонь никому не давал пощады. Предательски бежал оборонявший Замоскворечье Иван Колтовской. И только острожец Пожарского продолжал стоять.

«Вышли из Китая многие люди (иноземцы), – рассказывает современник, – к Устретенской улице, там же с ними бился у Веденского острожку и не пропустил их в каменный город (так называлась Москва в границах Бульварного кольца. – Н. М.) князь Д. М. Пожарский через весь день и многое время той страны не дал жечь».

Сопротивление здесь прекратилось само собой. Вышли из строя все защитники острожца, а сам Пожарский «изнемогши от великих ран паде на землю». Потерявшего сознание наспех перевязали в Сретенском монастыре и едва успели вывезти из города к Троице – в Сергиев Посад.

Днем позже, стоя на краю охватившего русскую столицу огненного океана, швед Петрей да Ерлезунда писал: «Таков был страшный и грозный конец знаменитого города Москвы». Швед не преувеличивал. В едко дымившемся от горизонта до горизонта пепелище исчезли посады, слободы, торговые ряды, улицы, проулки, тысячи и тысячи домов, погреба, сараи, скотина, утварь. Гражданская война… Последним воспоминанием о Москве остались Кремль и каменные стены Китая, прокопченные дочерна, затерявшиеся среди угарного жара развалин.

Прошло девять лет. Всего девять. И вот в переписи те же, что и прежде, улицы, те же, что и были, дворы. Спаленная земля будто прорастала скрывавшимися в ней корнями. Многие погибли, многие разорились и пошли «кормиться в миру» – нищенствовать, но власть памяти, привычек, внутренней целесообразности и права собственности, которая когда-то определяла появление того или иного проезда, кривизну переулка, положение дома, диктовала возрождение города таким, каким он только что был, и с какой же точностью!

Документ 1620 года свидетельствовал, что на перекрестках – «крестцах» снова открылись бани, харчевные избы, блинные палатки, зашумели торговые ряды, рассыпались по городу лавки, заработали мастерские. Зажили привычной жизнью калашники, сапожники, колодезники, игольники, печатники, переплетчики, лекарь Олферий Олферьев, тогда еще единственный общедоступный (не дворцовый) в городе, и его соперники – рудометы, врачевавшие ото всех недугов кровопусканием, «торговые немчины» – купцы с Запада, пушкари, сарафанники, те, кто подбирал бобровые меха, и те, кто делал сермяги, – каких только мастеров не знала Москва тех лет! И вот среди их имен и дворов двор князя Дмитрия Михайловича Пожарского.

Двор на Устретенке, а «в межах» – бок о бок с князем поп Семен да «введенская проскурница» Катерина Федотьева, которая перебивалась тем, что пекла просфоры на церковь. Князь жил по тем временам просторно – на двух третях гектара, у попа было в семь раз меньше, у Катерины и вовсе едва набиралось полторы наших нынешних сотки.

Перепись еще раз называла Пожарского – теперь уже около Мясницких ворот, и не двор его, а огород. Так и говорилось, что земля эта была дана царским указом князю, чтоб непременно пахал ее – «не лежала бы впусте», приносила пользу.

Сретенка улица – двор Пожарского и острожец Пожарского. Какая между ними связь? Случайное совпадение, попытка князя сохранить от врага родной дом или что-то иное? Ответить на это помогают перепись и землемерные записи. Обмеры сажень за саженью позволяли утверждать, что Пожарский не только не заботился о собственном дворе – он пожертвовал им, построив острожец на собственной земле.

В следующей, более обстоятельной московской переписи 1638 года та же земля будет названа не «двором», но «местом» Пожарского. Собственного дома князя здесь больше не существовало, зато выросли вместо него избы Тимошки-серебряника, Петрушки и Павлика – бронников, Пронки – портновского мастера, Матюшки – алмазника, Аношки-седельника – крепостных Пожарского.

Крепостному праву в XVII веке еще далеко до жесточайшей безысходности последующих столетий. Сама эта зависимость была пожизненной: умирал владелец крепостного – и тот оказывался на свободе. Да и формы ее отличались разнообразием – от полного рабства до относительной свободы. Существовала категория холопов, так и называвшихся – «деловыми людьми». Предоставленные личной инициативе, они занимались ремеслами, заводили целые мастерские, торговали, сколачивали немалые деньги, даже имели собственных холопов.

Далеко не все крепостники на это шли, а, предоставляя самостоятельность, норовили взыскать за нее подороже. Пожарский во многом был исключением – и каким же редким! Он охотно «распускал» холопов, да и требовал с них немного, удовлетворяясь главным образом тем, что в случае военной необходимости его «люди» выступали вместе с ним. Потому так много было в Москве ремесленников из «деловых» Пожарского. Им же пожелал он уступить в пользование и собственный двор.

И так сложились обстоятельства, что в одном приходе с князем будет в скором времени иметь свой дом страшная Салтычиха.

В петровские годы в число благотворителей монастыря попадает один из прямых предков Александра Сергеевича Грибоедова, который заказывает роспись соборного храма. Среди побуждений, руководивших Александром Федоровичем Грибоедовым, немалую роль сыграло и то обстоятельство, что родовые земли его семьи находились на Владимирщине, где провел свои детские годы и его потомок.

Богатая и знатная древняя московская семья – хрестоматийное определение Грибоедовых нуждается в уточнении. Грибоедовские чтения 1986 года, изданные тремя годами позже в виде сборника научных материалов к биографии писателя, первым его предком по материнской линии (мать Настасья Федоровна происходила также из рода Грибоедовых и носила эту фамилию в девичестве) называют всего лишь Федора Иоакимовича Грибоедова, наиболее ранние сведения о службе которого восходят к 1632 году. Между тем первая перепись Москвы 1620 года называет его отца – «государынина сына боярского Акима Грибоедова», имевшего «у Покровских ворот, идучи в город, на леве» большой двор в длину тридцати и в ширину двенадцати сажен. Под государыней подразумевалась мать еще неженатого царя Михаила Федоровича – Великая старица.

Его сын Федор, писавшийся в документах чаще всего Якимовичем, располагал позже другим двором – «от Устретенской сотни, по Покровке», рядом со двором стрелецкого полуголовы Ивана Федорова сына Грибоедова, в 1671 году. В качестве подьячего Казанского дворца он посылается в 1638 году «для золотой руды». В 1646-м продолжает числиться там же как старый подьячий с поместным окладом в 300 четвертей и денежным жалованьем в 30 рублей, находясь на службе в Белгороде. В июле 1648 года его назначают дьяком в приказ боярина Никиты Ивановича Одоевского по составлению «Уложения». В январе – октябре 1659 года Федор Грибоедов ездит с князем А. Н. Трубецким в Запорожье на выборы атамана и участвует в заключении договора с запорожцами.

С января 1661 года Ф. А. Грибоедов переводится в Приказ полковых дел, а с мая 1664 до 1670-го – в Разрядный приказ. Здесь он составляет по царскому указу «Запись степеней и граней царственных», выводившую Романовых из одного корня с Рюриковичами. Первые семнадцать глав его труда представляли сокращенное изложение «Степенной книги» XVI века, дополненные изложением обстоятельств царствования Федора Иоанновича и последующих царственных правителей вплоть до 1667 года. Числился Федор Акимович Грибоедов в 1670–1673 годах дьяком Приказа Казанского дворца.

С именем дьяка Федора Грибоедова связано еще одно совершенно исключительное событие. В 1857 году в селе Рогожа Осташковского уезда под церковью было раскрыто его погребение с женой Евдокией и дочерью Стефанидой, точнее, «нетленное тело», одетое в серый камзол, которое участниками заседания Тверской археологической комиссии было определено как принадлежащее «именно Ф. Грибоедову, а не кому иному» и предано земле. Так, во всяком случае, засвидетельствовал Журнал 112-го заседания комиссии.

Материалы о следующих потомках того же рода были изучены М. И. Семевским, но всего лишь на основании семейного архива поместья Хмелиты и опубликованы в «Москвитянине». М. И. Семевский называет среди них Михаила Ефимовича Грибоедова, награжденного Михаилом Романовым, а в конце XVII столетия Тимофея Ивановича, который в 1704 году был воеводой в Дорогобуже, в 1713-м назван майором и назначен комендантом в Вязьму – город, фамильная связь с которым будет сохраняться вплоть до отца писателя.

А вот 1718 год положил конец успешной карьере Тимофея Ивановича. Поставленная им по договору с Адмиралтейством пенька оказалась плохой. В данную ему отсрочку для возвращения в казну полученных денег Грибоедов не уложился, в результате чего все принадлежавшие ему деревни были реквизированы, а сам он «умер от досады». В связи с этими событиями представляется труднообъяснимой та «роскошная жизнь», которую якобы будет вести в Хмелите его сын Алексей Тимофеевич, прапорщик лейб-гвардии Преображенского полка, скончавшийся в 1747 году, и внук, бригадир Федор Алексеевич, постоянно скрывавшийся от кредиторов, родной дядя драматурга. Но в начале XVIII века служилый Александр Федорович мог себе позволить значительный вклад в Сретенский монастырь.

Сегодня, только опираясь на заключение архитекторов, участвовавших в сносе построек Сретенского монастыря в 1930-х годах, можно сказать, что в XVI столетии здесь стояли церкви Марии Египетской с приделом Спаса и Никольская. Абсолютной сохранностью отличались первоначальные формы Никольского храма, представлявшего одноглавый четверик на подклете, перекрытый кресчатым сводом с уложенной по нему чернолощеной черепицей покрытия.

До наших дней из многочастного ансамбля монастыря дошел лишь собор Сретения иконы Владимирской Богоматери и каменные кельи рубежа XVII–XVIII веков, впрочем, значительно перестроенные в течение XIX века и в 1915 году. Собор же возведен по повелению и на средства царя Федора Алексеевича в 1679 году. Одновременно со знаменитой красавицей церковью Григория Неокессарийского, что на Полянке. Федор Алексеевич в обоих случаях присутствовал при освящении вместе с царевнами-сестрами.

Но стилистическая разница между храмами очень велика. Собор Сретенского монастыря как бы обращен в прошлое со своими монументальными формами, значительной величиной. Ощущению масштабности способствует широкая расстановка проемов, четкий ритм членящих фасады лопаток и свободное размещение пяти его глав, из которых только центральная имеет световой – прорезанный окнами-щелями – барабан. Апсидная часть, то есть алтарная, значительно снижена и почти сливается с достроенными со всех сторон к собору в 1706 году арочными крыльцами и приделом Иоанна Предтечи.

В 1707 году внутреннее пространство храма было расписано по заказу стольника С. Ф. Грибоедова, прямого предка драматурга.

XVIII век обогатил собор еще одним произведением, ставшим своеобразным чудом Москвы – так называемым Шумаевским крестом. Это уникальная многофигурная композиция «Распятие» мастера Г. С. Шумаева. Фольклорное по своему характеру произведение с множеством библейских и новозаветных персонажей было выполнено из дерева с применением красок, стекла, олова и разноцветной фольги. Хранится в Музее истории архитектуры.

Рождественский монастырь

Воспели птицы жалостными песнями, восплакали княгини и боярыни и вси воеводския жены с избиенных.

Воеводина жена Микулы Васильевича Марья рано плакашеся у Москвы града на забороде, аркучи: «Доне, Доне, быстрый Доне! прорыл еси каменные горы, пробил еси берега харлужные, прошел еси землю Половецкую, прилелей ко мне моего господина Микулу

Васильевича». А Тимофеева жена Валуевича Федосья да Дмитрия жена Всеволожского Марья также рано плакашеся, аркучи: «Се уже веселие наше пониче в славном граде Москве, уже не видим государей своих в своих животех».

Андреева жена Марья да Михайлова жена Аксинья также рано плакашеся: «Се уме обема нам солнце померкло в славном граде Москве. Припахнули к нам от быстрого Дону поломянныя вести, носяше великую обиду, сседоша удальци с борзых коней своих на суженое место, на поле Куликовом, за быстрым Доном рекою».

Див кличет к Русской земле под саблями татарскими.

«Задонщина» великого князя господина Димитрия Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича. XV в.

Она не потеряла сына в страшной битве у Дона и Непрядвы. Вдовой стала много раньше. Победа на Куликовом поле принесла в ее дом только радость: признание единственного ее чада, ее первенца Храбрым – так и будут его теперь называть и современники, и летописцы. И так же, как Московского великого князя, – Донским. Но горе других супруг и матерей она приняла как свое. Печалилась вместе с ними. Видеть без слез не могла, как убивались, как оплакивали порушенное свое бабье счастье. Сто пятьдесят тысяч оставшихся лежать в той долине… И княгиня Мария Серпуховская через шесть лет после битвы с Мамаем основывает в Москве обитель для осиротевших матерей и неутешных вдов – Рождественский монастырь. На высоком берегу речки Неглинной. Княгиня Мария Кейстутовна. Литвинка, как тогда говорили. Из чужой и недоброй страны.

Семья была одна, а судьбы складывались по-разному. По сравнению со старшим братом младший сын Ивана Калиты осиротел совсем рано (тринадцати лет от роду). Получил в удел от отца Серпухов, звался князем Серпуховским, а жил в Московском Кремле на собственном дворе, который стоял между Архангельским собором и двором князей Мстиславских. Вот только век его оказался совсем недолгим, хотя след по себе князь Андрей Иванович и оставил, не мечом – дипломатическими ходами.

Вечными недругами Москвы были беспокойные воинственные литовские князья. Великому князю Гедимину удалось и владения собственные расширить, и Тевтонскому ордену противостоять, и не один дипломатический розыгрыш решить в свою пользу: ведь мира между удельными князьями никогда не было.

С его смертью сыновья Кейстут и Ольгерд Гедиминовичи, поняв, что каждому по отдельности в своем уделе справиться с тевтонцами не под силу, объединились. Третьего, непокорного, брата из Вильнюса изгнали. Великокняжеский стол занял Ольгерд, но правили братья вместе. Рука княжны Марии Кейстутовны означала их поддержку и помощь, которые могли очень пригодиться Москве, да и Серпуховскому княжеству. Ее-то и получил потерявший первую свою жену Андрей Иванович.

Поселились супруги на своем кремлевском дворе. Здесь вековала свой вдовий век вдвоем с сыном Владимиром Мария Кейстутовна – князь Андрей умер, имея от роду двадцать шесть лет. Отсюда переселилась в основанный ею в 1386 году московский Рождественский монастырь, приняла постриг и была там похоронена.

Для Владимира Андреевича Храброго Кремль представлял место зимнего пребывания, подмосковное село Ясенево – летнего. Князь Серпуховской и Боровский, не хотел расставаться со своим двоюродным братом Дмитрием Донским, жил с ним, по словам грамот тех лет, «в любви и дружбе». В раздоры не входил. Помогал защищать Москву от набегов Ольгерда. Защищал от ливонских рыцарей Псков. А еще известен был тем, что первым заказал знаменитому иконописцу Феофану Греку написать на стене одной из своих палат вид Москвы – едва ли не первый, самый ранний из упоминаемых в истории русского искусства пейзажей.

Оставалось у Владимира Андреевича время и на собственное удельное княжество. В 1374 году заложил князь «град Серпухов дубов» – могучую оборонную крепость, а чтобы

привлечь в него население, дал «людем и всем купцам ослабу и льготу многу».

Не изменил Владимир Андреевич Москве и после смерти Дмитрия Донского, когда великокняжеский стол занял Василий Дмитриевич, старший сын покойного. «Докончание» – договорная грамота о союзе князей 1401–1402 годов обещала Москве по-прежнему поддержку князей Серпуховских и Боровских, но условием их верности ставила соблюдение прав и границ родовых их владений, в том числе принадлежавшей Владимиру Храброму одной трети города Москвы. «А трети Ми Московские, отдела и вотчины брата своего, князя Володимера, и его детей, и всех их вотчины, и тех мест, которых ся есмь им отступил в вудел и в вотчину, того мне и моим детям под своим братом и под его детьми блюсти, и боронити, а не обидити, ни вступатися», – обещал за себя и за всех своих потомков Василий I Дмитриевич.

Правивший в Вильнюсе Ольгерд Гедиминович вмешивался в дела Новгорода и Пскова, добился немалого влияния в Смоленске, хотел вместе с золотоордынским ханом «воевать Москву», но после очередной неудачи предпочел породниться с Московским князем, женившись на сестре его жены, тверской княжне Ульяне Александровне.

Только не утихомирили родственники своего буйного Ольгерда. Попытки «воевать Москву» продолжались. Между двумя московскими походами, за девять лет до Куликовской битвы, Ольгерд отдал свою дочь Елену-Олену за серпуховского князя. Так оказался Владимир Андреевич женатым на двоюродной сестре собственной матери, а две княгини как нельзя лучше подошли друг другу, и обе сердцем прикипели к Москве, как, впрочем, не на долгое время и два ее родных брата – Андрей Полоцкий и Дмитрий Брянский, воспетые все той же «Задонщиной».

«Славий птица! абы еси выщекотала сии два брата, два сына Ольгердовы, Андрея Полоцкого и Дмитрия Брянского. Те то бо суть сынове храбри, на щите рожены, под трубами повити, под шеломы взлелеяни, конец копия вскормлены, с востового меча поени в Литовской земле. Молвяще Андрей к своему брату Дмитрию: „Сама есма два брата, дети Ольгердовы, внучата Гедымонтовы, правнуки Скольдимеровы. Соберем себе милую дружину, сядем, брате, на свои борзые комони, посмотрим быстрого Дону, испием шеломом воды, испытает мечев своих литовских о шеломы татарские, а сулиц немецких с байданы бесерменские (басурманские кольчуги. – Н. М.)“.

И рече ему Дмитрий: «Не пощадим, брате, живота своего за землю Русскую и за веру християнскую, за обиду великого князя Дмитрия Ивановича. Уже бо, брате, стук стучит, гром гремит в славном граде Москве, то ти, брате, не стук стучит, не гром гремит, стучить сильная рать великого князя Дмитрия Ивановича, гремять удальцы русские злачными шеломы, червлеными щиты. Седлай, брате Андрей, свои борзые комони, а мои ти готови, напреди твоих оседлани».

Но как не успокаивался воинственный Ольгерд, так не уступали отцу и сыновья. В Куликовской битве князь Андрей участвовал с псковскими войсками, пробыл на московской службе еще пару лет, а там вернулся в Литву, отнял у брата Полоцк. В 1386 году тем же братом сам был взят в плен и заключен в Хенцынский замок. После бегства из заключения Андрей Полоцкий перешел на службу к литовскому князю Витовту, под знаменами которого и погиб. Кровные связи значили при случае много, а подчас и ничего.

Владимир Андреевич поделил в духовной грамоте между членами своей семьи уделы, поделил и московскую часть. Сыну Ивану приходилось «село Колычевское на Неглимне мельница», Ярославу – тони рыбные у Нагатино, Андрею – Калиткиново село, Василию – «Ясеневское село с деревнями да Паншина гарь». Лучшие же московские земли отходили княгине Олене. Тут и «село Коломенское со всеми луги и з деревнями», тут и «Ногатинское со всеми луги и з деревнями», и «Танинское село со Скоревм», и «Косино с тремя озеры». И хоть подумать о кончине княгини было страшно, жизнь брала свое, и составлять завещание приходилось на все случаи: «а розмыслит Бог о княгине моей, по ее животе» пусть берет Иван Коломенское, Семен – Ногатинское, а Василий – Танинское. При жизни матери дарить Семена подмосковным селом Владимир Андреевич почему-то не захотел.

Оказался князь прав в своей заботе об Олене. Пережила Елена Ольгердовна мужа, пережила своих сыновей и, когда в 1433 году составила собственную духовную грамоту, думала уже о невестках-вдовах да внуках. Семен Владимирович не дождался Ногатинского – передавала его княгиня Олена, тогда уже монахиня родового Рождественского монастыря Евпраксия, вдове Василисе. Жена умершего Василия Ульяна получала село Богородское с деревнями. Видно, не была Олена лютой свекровью, видно, наследовала мягкий нрав своей матери, витебской княжны Марьи Ярославны. Пеклась она и о внуках.

В «Истории Москвы» И. Е. Забелин допустил ошибку, утверждая, что Елена Ольгердовна передала часть своего двора на кремлевском Подоле, под скатом обращенного к Москве-реке холма, супруге великого князя Василия II Васильевича Темного. Великой княгиней и в самом деле была внучка Олены Марья, но только не Ивановна, о которой хлопотала бабка, а Ярославна. Это Марье Ивановне отказала она «место под двором под старым на Подоле, где были владычии хоромы (двор Коломенского владыки. – Н. М.), а по животе внуку Василию». Василий Ярославич оставался последним представителем мужской части когда-то такой многолюдной княжеской семьи.

Коломенское рассудила княгиня отдать великому князю, а о Рождественском монастыре, «где ми самой лечи», решила – передать для вечного поминовения всех родных село Дьяковское со всеми деревнями и село Косино с тремя озерами.

Так случилось, и случалось нередко. И род многолюдный, и обещания московским князем даны были крепкие, и завещательницы сравнительно недавно не стало, а все московские земли рода Владимира Храброго вошли в 1416 году в духовную великого князя Василия II Васильевича Темного как его собственность и владение. Только за княгиней Василисой, вдовой Семена Владимировича, продолжало состоять село Ногатинское, которое «по животе ее» переходило к великой княгине.

Вопросы наследования относились в Древней Руси к самым сложным и спорным. Земля давалась и в удел или в вотчину, за службу, при разделе родительских владений. Владения княгинь делились на дареные, прикупные, наследственные, но и то права их должны были каждый раз подтверждаться. Чаще всего небольшая часть мужниных владений сохранялась за вдовой только пожизненно. Отходили к великому князю и земли князей, умиравших без наследников. Немалая доля завещалась ему всякими родственниками и родственницами, чтобы укреплять княжеский стол. В духовной грамоте великого князя Василия Васильевича закреплялось за его княгиней «село Дьяковское, что выменила у княгини у Василисы». Существовал и подобный род «промена» владений, к которому обращались и великие, и удельные князья.

Да и век князей в те неспокойные времена постоянных нашествий и междоусобиц долгим обычно не был. В походы начинали ходить подростками, ходили часто и трудно. Нелегко было уберечься от ран, от смерти на поле боя, еще труднее – от моровых поветрий. Младший из семерых сыновей Владимира Храброго и княгини Олены Василий Владимирович рассчитывать на большую долю не мог. Ладно и то, что стал серпуховско-перемышльским князем с придачей половины Углича, поделенного с братом Андреем. Летописцы жизни Василия Владимировича будто и заметили только то, что ходил двадцати лет от роду в великокняжеский поход против Нижнего Новгорода, – не хотели нижегородцы подчиняться Москве, несмотря на выданный князю ханский ярлык. А в 1527 году, когда «мор бысть велик во всех градех русских, мерли прыщом» – язвой, Василий Владимирович скончался, оставив бездетную вдову Ульяну.

Слабела семья, слабели ее связи с родовым монастырем. Зато в начале XVI века вошел он в историю семейства Ивана Грозного. Собор монастырский, так хорошо видный со стороны бульваров и Трубной площади, стал центром разыгравшейся в 1526 году трагедии.

Собственно, начал у загадки было два. Не замеченных любителями истории. Не сопоставленных между собой исследователями.

Всех одинаково устраивал хрестоматийный вариант судьбы первой супруги великого князя московского Василия III Ивановича Соломонии Сабуровой. Прожила с мужем без

малого двадцать лет. Наследника не родила. И была отвергнута ради молодой жены, подарившей Русской земле Ивана Грозного. Иначе – скончала живот свой под монашеским клобуком с именем старицы Софии в печально знаменитом Покровской монастыре города Суздаля, где находили свой конец женщины из самых знатных семей – Шуйских, Нагих, Горбатовых. Бывшая княгиня московская. Бывшая Соломония Сабурова.

Слов нет, в хрестоматийном варианте не все выглядело слишком гладко. Посол императора германского барон Сигизмунд Герберштейн побывал в Московском княжестве в 1517 году и приехал во второй раз через несколько месяцев после развода Василия III. Развод и последовавшие за ним перемены в установках московского двора и были причиной его миссии. Каждая подробность с точки зрения дипломатических расчетов представлялась очень важной.

Барон узнал от очевидцев, что до последнего великий князь скрывал от супруги свое решение, что поддерживали его в этом митрополит Даниил и вся так называемая иосифлянская партия, тогда как самые влиятельные придворные – князь Симеон Курбский, Максим Грек, Вассиан Косой подобного попрания церковных правил не допускали. Что княгиня не давала согласия на постриг и постригали ее в соборе Рождественского монастыря, на крутом берегу речки Неглинной, силой: «Рассказывали, что она билась, срывая монашеский куколь, кричала о насилии, о вероломстве мужа, так что боярин Шигоня Поджогин ударил ее плетью».

И не раз. И не один Шигоня – утверждали очевидцы. Так что совершен был насильственный обряд над обеспамятевшей княгиней, которую тут же увезли в Каргополь. Хотя, по слухам, предполагал первоначально Василий III поместить бывшую жену в московском, только что отстроенном Новодевичьем монастыре. Слишком долго пользовался ее умной поддержкой, слишком не хотел сразу потерять.

Знать бы должен, что не смирится, не простит страшной измены. Но при всей своей собственной злобности и яростности о Соломонии продолжал думать – бесправную и безгласную «пожаловал старицу Софию в Суздале своим селом Вышеславским… до ее живота». На безбедное и достойное прокормление.

И первое начало загадки. В 1934 году в подклете Покровского собора одноименного суздальского монастыря уничтожались все захоронения. Рядом с гробницей Соломонии-Софии оказалось белокаменное детское надгробие того же времени и под ним в деревянной колоде вместо человеческих останков… истлевший сверток тряпья. Это была кукла, одетая в дорогую шелковую рубашечку и спеленутая шитым крупным жемчугом свивальником.

Известие о кукле в одежде мальчика промелькнуло в 36-м выпуске Кратких сообщений Института истории материальной культуры Академии наук СССР в 1941 году. Никаких выводов не последовало. Хотя память невольно подсказывала существовавшие в народной памяти легенды, что была Соломония пострижена беременной, что уже в стенах монастыря родила сына Георгия и разграла его смерть, чтобы спасти княжича и законного наследника московского престола от неминуемой смерти. Доверенные люди вывезли и укрыли младенца. Обряд погребения с ведома священника был совершен над куклой.

Просто легенда? Но слух о рождении у Соломонии сына Георгия приводит тот же барон Герберштейн. Сам князь Василий III Иванович посылает для «прояснения дела» дьяков Меньшого Путятина и Третьяка Ракова. Слухи подтвердили жена казначея Юрия Малого, к тому времени уже опального, и жена постельничего Якова Мансурова. Казначейша не отступилась от своих слов и после жестокого бичевания. Оставалось неясным, была ли она очевидцем родов или передавала рассказ доверявшей ей княгини Соломонии.

Положим, все оказалось простой сплетней, но тогда почему не находит себе покоя Иван Грозный, требует к себе следственные бумаги Путятина и Ракова и их, по-видимому, уничтожает, потому что, попав в царские руки, бумаги бесследно исчезают. Но царь на протяжении всей своей жизни будет отзываться на каждый слух о появлении Георгия, снаряжать доверенных дьяков для расследования и искать, искать, искать… Кудеяра-

атамана, защитника бедных и обездоленных, грабителя богатых и несправедливых, Робин Гуда Владимирских лесов.

И второе начало загадки. В 1650 году – решение пятого из древних патриархов Иосифа причислить к лику святых и угодников княгиню Соломонию. Под ее мирским именем. С обнародованием всей ее замужней жизни. Не смирившуюся и под монашеским клобуком. Родительницу прямого царского врага и ослушника. Правда, уже заслужившую народное почитание: к ее гробнице стекались толпы молящихся. Как будут они стекаться в недалеком будущем к скромному погребению старшей сводной сестры Петра I, царевны Марфы Алексеевны, в Успенском монастыре Александровой слободы – города Александрова. Только почитание угодницы Марфы останется на народной совести – церковь ее не признает. В отношении великой княгини Соломонии патриарх согласится с народным судом и чувствами. Но почему?

Это восьмой год правления патриарха и пятый год правления царя Алексея Михайловича. Многое успело произойти в личной жизни юного самодержца. Не состоялась пламенем вспыхнувшая любовь к дочери Руфа Всеволожского – уже объявленная царской невестой, уже введенная в терем, происками ближайших к Алексею Михайловичу лиц была она оклеветана и сослана со всей родней в Сибирь. Прошла рассчитанная теми же приближенными свадьба с Марьей Ильичной Милославской. Успела зародиться дружба с Никоном.

Но рядом жило и волновалось государство. Ушел в прошлое страшный для народа 1648 год, когда окончательно были прикреплены к земле и месту жительства крестьяне и посадские люди и разразился Соляной бунт. Больше всех повинного в народном гневе дядьку своего, боярина Бориса Ивановича Морозова, царь сумел спасти, тайком переслать в Кириллов монастырь, окольничего Траханиотова выдал толпе, не защитил и других своих приближенных. Ставший же любезным его сердцу Никон железной рукой усмирил мятежников в 1650 году в Новгороде. Канонизация Соломонии произошла именно в эти дни. Загадка заключалась в том, кем же княгиня была в действительности?

Вторая супруга, «деспина», – ее себе Иван III не выбирал – согласился на предложение Римского Папы Павла II. Жену, княжну Марью Борисовну Тверскую, потерял в двадцать семь лет, но наследника, княжича Ивана Молодого, уже имел. В новой женитьбе не было прямой нужды. Но рука племянницы последнего византийского императора значила в дипломатических играх слишком много. Зоя Палеолог стала великой княгиней московской Софьей Фоминишной, приняв православие и порушив все надежды Ватикана на присоединение русского государства к католицизму. Власть, только власть имела цену для византийской принцессы.

По ее подсказке перестраивается Кремль, воздвигаются кремлевские соборы в том виде, который сохранился до наших дней, устанавливается новый придворный уклад. Но через семь лет появляется на свет первенец деспины Василий, и относительный мир в теремах уступает место ожесточенной борьбе.

Ехавший в Персию через Москву венецианский посол А. Контарини напишет в 1477 году: «Упомянутому государю (Ивану III) от роду лет 35, он высок, но худощав; вообще он красивый человек. У него есть два брата и мать, которая еще жива; есть у него и сын от первой жены, но он в немилости у отца, так как нехорошо ведет себя с деспиной; кроме того, у него есть две дочери». Смерть объявленного наследника, Ивана Молодого, только обострила дворцовую борьбу. Иван III не принимает в расчет сына деспины, провозглашает наследником своего внука от покойного Ивана – Дмитрия. При дворе образуются две партии – сторонников Дмитрия и сторонников Василия. К тому же Дмитрия поддерживает мать, неизменно пользовавшаяся расположением Ивана III, Елена Стефановна Волошанка, дочь молдавского господаря Стефана IV.

Забыть своего первенца Иван III не может. Слишком его любил, рано допустил к руководству государством. Как боялся за него, когда вопреки отцовской воле стоял с войском Иван Иванович на берегах Угры. В связи с женитьбой получил княжич от государя

в правление Тверь, но непонятно быстро заболел и скончался – объявился у него «кемчюг в ногах». Не надеясь на скорую перемену чувств великого князя, Василий не без помощи матери решает ускорить события. Его сторонники организуют заговор против Дмитрия. Но заговор был вовремя раскрыт, заговорщики казнены. В опале оказалась сама деспина. Летописец утверждает, что великий князь стал опасаться своей еще недавно горячо любимой княгини.

Может быть, и начал, но ненадолго. Ровно через год опала постигла сторонников Дмитрия. Новые казни, насильственные пострижения. Одиннадцатого апреля 1502 года и Дмитрий, и Елена Волошанка оказались в тюрьме. 14 апреля сын деспины получил благословение на великое княжение. Византийская принцесса выиграла. Ровно через год Софья Фоминишна уйдет из жизни. Отчаяние великого князя не знает пределов. В конце 1503 года государь «всея Руси», как начнут титуловать Ивана III, «начати изнемогати» тяжелой болезнью. Во время осенней поездки к Троице после спора с игуменом Серапионом по поводу одной из мелких земельных тяжб его разобьет паралич руки, ноги и глаза.

Чувствуя приближение смерти, Иван III приказывает выпустить из темницы внука и, как утверждает молва, обращается к Дмитрию со словами: «Молю тебя, отпусти обиду, причиненную тебе, будь свободен и пользуйся своими правами». Но какими именно? Имел ли в виду умирающий права на великокняжеский престол? Во всяком случае, в завещании этого условия нет, хотя великий князь и успевает позаботиться о выделении уделов своим сыновьям Дмитрию и Юрию, которые ими, кстати сказать, уже правили. О выделении уделов двум другим своим братьям, Андрею и Семену, предстояло позаботиться Василию.

Видя неизбежный и скорый конец отца, Василий торопится с женитьбой. Его не устраивают виды Ивана III на заморских невест, как и вообще мало интересуют внешнеполитические дела. Он занят утверждением себя в Московском государстве, составлением собственной партии, приобретением собственных сторонников и потому решает жениться на местной невесте. И здесь он использует тщеславие близкого в прошлом к деспине хранителя государственной печати – «печатника» Юрия Дмитриевича Траханиотова.

Траханиотов рассчитывает увидеть на престоле собственную дочь, но из политических соображений помогает устроить грандиозные смотрины, на которые собирается полторы тысячи девушек. Тяжелая болезнь изнемогающего отца не мешает Василию еще в августе 1506 года начать «избирати княжны и боярины». К концу месяца претенденток остается десять, и тут печатник убеждается в нереальности своих надежд. Василий останавливает выбор на Соломонии Сабуровой. 4 сентября того же года была сыграна свадьба. Василий III сумел опередить смерть отца.

Были Сабуровы и небогатыми, и незнатными, вели свой род от ордынского выходца мурзы Чеча. Впрочем, и все свои годы Василий будет править посредством дьяков и незнатных людей, лично обязанных ему своим возвышением и нараставшим богатством. Другое дело – отдельные представители древних семей, вроде князя Василия Семеновича Стародубского, известного своими успешными военными действиями во время похода 1437 года на Казань. За него Василий III спешно выдает замуж сестру жены – Марию Сабурову.

Трезвый и очень расчетливый политик, он старательно ткет полотно своих личных связей, обязательств, отношений. Василий не верит старым боярским родам. Вообще советуется с боярами редко и только для вида. Но никогда не задевает родов племени Владимира Святого и князя Гедимина. Никто из них не будет казнен. Зато с родственниками расправляется постоянно и беспощадно. Такова особенность московских князей, о которых князь Андрей Курбский отзовется как об «издавна кровопийственном роде Калиты». Игнорируя прямых родственников, решает Василий III и вопрос престолонаследия.

В Московском государстве находится под наблюдением архиепископа Ростовского сын крымского хана Менгли-Гирея царевич Куйдакул. В конце декабря 1505 года он выражает желание принять православие, получает крестное имя Петра, и Василий женит его как возможного претендента на казанский престол на собственной сестре Евдокии Ивановне. В

качестве удела молодой чете на первых порах был предоставлен Клин. Составляя во время Псковского похода 1509–1510 годов первое свое завещание, Василий, судя по всему, назначает наследником именно Петра, который остается местоблюстителем великокняжеского престола в Москве.

Это положение вполне устраивает Василия III, и только когда в марте 1523 года царевича Петра не станет, впервые поднимается вопрос о бесплодии Соломонии Сабуровой. Как осторожно выразится летописец, Василию III «бысть кручина о своей великой княгине, что неплодна бысть».

Но это через двадцать лет, а пока Василий неразлучен с Соломонией. Один из историков напишет, что ничем не отличалась великая княгиня ото всех московских боярынь, что не имела ни характера, ни влияния на мужа. Факты не подтверждают такого взгляда. Скорее Василий находит в Соломонии то, что находил его отец в своей деспине. Соломония не уступала Софии Фоминишне в силе воли, как Василий III своему отцу в энергии государственного деятеля.

Пожалуй, ближе всего обоим супругам строительство. В мае 1505 года по распоряжению Ивана III в Кремле разбирают старый Архангельский собор, и Алевиз Фрязин приступает к сооружению на старом месте нового, задуманного как Пантеон московских князей. Рядом с собором итальянец Бон Фрязин начинает сооружать колокольню с церковью Иоанна Лествичника – Ивана Великого. Но основное строительство ложится уже на плечи Василия III. Год за годом строится каменный Кремль в Туле, новые укрепления в стенах Ивангорода, новый участок каменной стены во Пскове, итальянцем Петром Френчужком каменный кремль в Нижнем Новгороде. Великий князь основывает около Переславля Новую, иначе Александрову, слободу, которая становится излюбленным местом его пребывания во время частых поездок «на потеху» и по монастырям. Даже страшный для Москвы 1508 год не останавливает строительных работ.

Зодчий Алевиз начинает делать обложенный белым камнем и кирпичом ров вокруг Кремля, а со стороны Неглинной копать пруды и завершает строительство великокняжеского дворца, куда 7 мая Василий торжественно приведет свою княгиню.

В начале XVI века Василий мог предпочесть брак с русской Соломонией, но государственная жизнь требовала в дальнейшем постоянного общения с Западом. Князь поддерживает отношения с Италией, откуда к нему приезжают послы, с балканскими единоверцами, с Афонскими монастырями. С датскими королями Иоанном и Христианом II его связывают поставки оружия. Немецкие пушкари принимают участие в обороне Москвы во время набега Мухаммед-Гирея в 1521 году. Пушкарь Иоанн Иордан командует в том же году артиллерией в осажденной крымцами Рязани. Иностранные дипломаты отмечают, как много в русской столице немецких литейщиков, «много медных пушек, вылитых искусством итальянских мастеров и поставленных на колеса». В наемном войске Московского князя находятся одновременно до полутора тысяч литовцев. Литовцы и немцы участвуют в походе русских войск на Казань в 1524 году.

Конечно, вопрос о престолонаследии имел немаловажное значение, но план развода и вторичной женитьбы Василия III подсказывается не только и не столько им. Гораздо важнее перспектива династического соединения Северо-Восточной Руси с западнорусскими землями. Невеста из дома князей Глинских, в руках которых находилась едва ли не половина Литовского княжества, помогала к тому же укрепить русско-молдавский союз, направленный против литовского князя Сигизмунда, да и вели Глинские свой род от ханов Большой Орды, чингизида Ахмата, и задуманный брак создавал предпосылки для возобновления борьбы за наследие ханов Золотой Орды. Княжна Елена Васильевна Глинская, о которой речь, внучка сербского воеводы, деспота Стефана Якшича. К тому же двоюродная сестра ее замужем за волошским – румынским воеводой Петром Рарешом, в котором Василий III видел союзника в борьбе с польскими королями. Рареш и в дальнейшем станет, по отзыву историка тех лет, «великим доброхотом» Ивана Грозного.

Выверялась и обдумывалась каждая возможность, и это несмотря на то, что глава рода

князь Михаил Глинский с 1514 года находится в заключении у Московского великого князя. Тем лучше! Его освобождение, о котором постоянно ходатайствует император Максимилиан, позволит успешно завершить переговоры с империей. Где же было в этом сплетении государственных расчетов угадать Соломонии неожиданный поворот ее собственной судьбы! Все планы сохраняются в глубокой тайне, так что на обычное осеннее богомолье в 1524 году Василий выезжает еще вместе с Соломонией. Роковым для княгини окажется следующий год.

И как рванется народное сочувствие к старой княгине – новой, Елене Васильевне, рассчитывать на симпатии московской толпы не приходилось. Разойдутся легенды об унижении и страданиях Соломонии, о насилии и жестокости князя. Будут сложены песни и рассказы, из которых так явственно встает образ событий. А беременность княгини? Народному суду осталось непонятным, что не нужен был Василию III этот ребенок, перечеркивавший все хитроумные расчеты. Не нужен! И не догадывалась ли об этом Соломония, когда, обвиненная перед тем в бесплодии, скрыла от мужа то, что, казалось, могло сохранить за ней былое место, не выдала свое дитя и даже разыграла его смерть и похороны. Собственного опоздавшего сына!

Уж что это у нас в Москве приуныло?
Заунывно в большой колокол звонили?
Уж как царь на царицу прогневался,
Он ссылает царицу с очей дале,
Как в тот ли град во Суздаль,
Как в тот ли монастырь во Покровский.

Народная песня. XVI в.

Рождественский монастырь оказался связан еще с одним знаменательным событием в истории семьи Романовых. Первая супруга Ивана Грозного, царица Анастасия Романовна, проезжая мимо обители, почувствовала первое движение плода и, остановив колымагу, тут же отслужила в соборном храме благодарственный молебен. Будущим новорожденным был царь Федор Иоаннович.

Улица, носящая имя монастыря – Рождественка, составляла часть древней дороги по высокому берегу Неглинной от поселения на Боровицком холме в Драчи – ее продолжала нынешняя Трубная улица. У поворота реки она шла через так называемые Кучковы поля, лежавшие ниже находившихся у нынешних Сретенских ворот Кучковых сел, ответвление к которым определило возникновение современной улицы Большой Лубянки.

В дальнейшем дорога на север, во Владимир и Переславль, особенно после основания Троице-Сергиева монастыря, окончательно утвердилась по линии Большой Лубянки. В первой четверти XVI века между этой и береговой дорогами уже существовали два монастыря, игравшие роль оборонных форпостов, – Сретенский и Рождественский. Первые летописные упоминания о Рождественском монастыре имели уточнение – «на рве».

Время постройки собора связывается с восстановлением обители после пожара 1500 года. Однако археологами обнаружено, что и до пожара на этом месте находилась каменная постройка – в восточной части фундамента сохранились остатки белокаменной кладки. В июне 1547 года – день свадьбы Ивана Грозного – монастырь снова горел, и его восстановление было связано с внутренними перестройками. Четырехстолпный, с тремя апсидами, собор носит пирамидальный характер, подчеркиваемый его единственной главкой. Он очень близок по стилистическому решению к собору Андроньевского монастыря (1425–1427). Данью времени было наличие звонницы, которая первоначально стояла над юго-западным углом четверика.

Плотно обстроенный позднейшими пристройками, собор только внутри позволяет ощутить монументальность решения, достигнутого зодчим. Причем в нем оставлена как бы подпись мастера. Это система кладки купола, при которой благодаря изогнутым рядам

кирпичей, поставленных «на угол», образуется хорошо просматриваемый снизу концентрический узор, так называемый паук, которым пользовались в Москве только итальянские мастера. В киотах над порталами находились фрески, следы которых уцелели на северном фасаде. Скорее всего, раскрашены были и сами порталы, на которых сохранились остатки черного и охристого цветов.

Первая из пристроек собора появилась во второй половине XVII века и служила, как можно предположить, трапезной. Ближе к концу того же столетия была разобрана звонница, на месте которой появилась шатровая колокольня. В конце XVIII века пристройку с юга удлинили вдоль всего южного фасада, аналогичная пристройка появилась и с северной стороны в качестве крытой паперти. В середине XIX века собор снова подвергся капитальной переделке, причем была разобрана шатровая колокольня. Наконец, в начале XX века к работам по собору был привлечен известный архитектор Ф. О. Шехтель, который возвел всю западную часть существующей поныне пристройки, которую он стилизовал под формы XVII века. В трапезной собора, между окнами, находятся белокаменные надгробные доски, вмурованные над захоронениями XVII столетия.

В 1782 году возникает необходимость ремонта и в значительной части просто восстановления обветшавшей монастырской ограды. Она действительно восстанавливается по всему периметру, причем часть вдоль Рождественки проходит по новой трассе. Если прежде, судя по плану, улица около монастыря сужалась, поскольку на нее выступал крутой откос холма – постепенное осыпание края холма привело здесь к обрушению прясел старой стены, – то теперь Рождественка выпрямляется. Святые ворота – единственные в монастыре, – всегда занимавшие зауглубленное положение, выравниваются с линией стены, и в дальнейшем их место займет ныне существующая колокольня. Именно тогда были сделаны «маленькие башенки на углах», как их определило архитектурное руководство города.

Во второй половине XVII века Рождественский монастырь приобретает не столько богатую и влиятельную, сколько преданную семью покровителей в лице князей Лобановых-Ростовских. На средства княгини Фетиньи Ивановны в 1671 году первоначальные деревянные монастырские стены заменяются каменными с четырьмя угловыми башнями и Святыми воротами. Тогда же княгиня сооружает в монастыре усыпальницу Лобановых-Ростовских, находящуюся к востоку от собора. Правильнее сказать, находившуюся: слишком велики оказались последующие ее переделки.

Первоначально это было небольшое, прямоугольное в плане сооружение, перекрытое цилиндрическим сводом под двускатной кровлей. Усыпальница имела скромно украшенный единственный вход и два зарешеченных окна. Но в середине XIX века ее надстроили вторым этажом, в котором разместилась ризница собора, а собственно с собором соединила встройка.

В 1676–1687 годах на средства той же княгини Фетиньи Ивановны вместо древней деревянной церкви Иоанна Златоуста появилась одноименная каменная, внутри, по всей вероятности, расписанная. Фрагменты этой росписи, как и дата построения храма, сохранились внутри свода четверика.

В знатности роду Лобановых-Ростовских отказать было нельзя. Происходил он от удельных князей Ростовских. Братья Александр и Владимир Константиновичи Ростовские отличились в Куликовской битве. Правнук Александра Константиновича – Иван Александрович, по прозвищу Лобан, жил на рубеже XV–XVI столетий, служил воеводой в походах против шведов, Литвы и татар.

Княгиня же Фетинья Ивановна все вклады делала по муже – боярине Иване Ивановиче, скончавшемся 17 апреля 1664 года и первым погребенном в усыпальнице – «палатке». Был Иван Иванович человеком далеко не заурядным. Начал службу в 1627 году дворянином московским, в 1640-х годах побывал на воеводстве в Крапивне и Великих Луках, а в 1653 году возглавил посольство к шаху Аббасу в Персию, чтобы упорядочить торговые отношения между двумя государствами. Там и прославился князь своим ответом шаху.

Когда Аббас постарался поразить воображение русского посла множеством изысканных вин, цветов, наконец, многочисленных музыкальных инструментов и спросил, есть ли что-нибудь подобное у русского царя, Иван Иванович Лобанов-Ростовский ответил: «У нашего великого государя всяких игр и умеющих людей, кому в те игры играть, много, но царское величество этими играми не тешится, тешится духовными органы, поют при нем, воздавая Богу хвалу, многогласным пением, и сам он наукам премудрым философским многим и храброму учению навычен и к воинскому ратному рыцарскому строю хотение держит большое».

По возвращении довелось князю еще служить полковым воеводой в Смоленске, возить жалованье для царских служилых людей – отвечать за «великую казну», побывать на службе в Одоеве, Карачеве, Рыльске, наконец, в Путивле, где он в 1662 году разбил и «прогнал» крымского хана.

В родовую усыпальницу легла сама Фетинья Ивановна, но еще до нее, в 1674 году, Анисья Федоровна, супруга стольника князя Александра Ивановича, в 1676-м – сам князь Александр Иванович, воевода в Великих Луках, в Севске, участник Польского похода 1654–1656 годов.

Колоритную фигуру представлял Яков Иванович Лобанов-Ростовский, сын Ивана Ивановича. Был он комнатным стольником Федора, затем Иоанна и, наконец, Петра Алексеевичей, в течение 1676–1682 годов сопровождал в поездках, пожалован в стольники к юному Петру, а спустя три года, в 1685 году, на Троицкой дороге, у Красной сосны, ограбил царскую казну и убил двух из сопровождавших ее людей. Ярость правительницы царевны Софьи не знала границ. Был князь нещадно бит кнутом «в железном подклете» и только «по упросу» жены своего дяди остался жив, всего-то лишился четырехсот душ крепостных. Все соучастники князя были повешены.

Однако Петр на «шалости» своего любимца посмотрел сквозь пальцы. Князь Яков Иванович стал участником Азовских походов 1695–1696 годов, майором лейб-гвардии Семеновского полка и полковником Казацкого полка. И небольшая частная подробность. Имел Яков Иванович от двух браков двадцать восемь детей (вторая его супруга – Мария Михайловна Черкасская). Прожил майор в общей сложности 71 год. И все они, как и последующие поколения семьи, похоронены в Рождественском монастыре.

В конце XVII века был и построены в монастыре сохранившиеся до наших дней кирпичные кельи, вытянутые вдоль восточной стены монастырской ограды. Тогда же появились первые каменные игуменские кельи у Святых ворот, в настоящее время вошедшие в объем двухэтажного кирпичного здания, примыкающего с юга к колокольне.

В 1835–1836 году в монастыре была выстроена по проекту архитектора Н. И. Козловского, возможно, с использованием кладки Святых ворот, существующая поныне колокольня с надвратной церковью. Но ворот как таковых здесь не существовало, поскольку в среднем пролете разместился церковный придел, в южном заключена лестница на верхние этажи. Замкнутым стало и северное помещение. Со стороны Рождественки тема торжественного входа в монастырь решается зрительно лестницами-всходами. Внутри колокольни сохранились фрагменты первоначальной росписи.

В канун Октябрьского переворота монастырем руководила настоятельница игуменья Ювеналия и казначея монахиня Серафима. Монастырь располагал тремя штатными священниками и двумя дьяконами.

Высокопетровский монастырь

Радость моя, свет мой ясный, матушка. Огорчился я весьма, что тебе огорчение своими делами доставил. Да уж потерпи еще, не гневаясь, а там и свидимся с тобой. Ты только не грусти, так и мне здесь легше станет. Письмецо твое бесценное мне в Холмогорах доставили. Очень оно меня утешило.

Остаюсь твой покорный сын Петр.

Петр I – царице Наталье Кирилловне. 1693 г.

Память о Петре I Великом, как назвали его уже современники. В городе его рождения, детства, юности, появления первых государственных планов, прихода к власти, первом и окончательном, эта память не отмечена ничем.

Место рождения – до сих пор остается неизвестным. Коломенское ли это или Измайлово? Возникновения флота – тихая Серебрянка с ее прудами, исчезнувший Красный пруд, Яуза и уж, во всяком случае, не Москва-река. Построения армии и ее первых маневров – Преображенское, Кожухово. Строения новой столицы или прообраз Санкт-Петербурга – Лефортово, берега Кокуя. Следы великого прошлого не просто России – Российской империи до сих пор даже не подлежали здесь восстановлению.

Еще важнее другое. Полностью сохранившийся памятник этого времени, связанный с самим родом Преобразователя, – Высокопетровский монастырь никогда не возникал, не существует и сейчас в этом качестве: сторожи великих перемен в государстве и народе. И хотя десятилетиями здесь помещалось руководство Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, его руководители невозмутимо наблюдали из окон превосходных кабинетов, сохранивших внутреннее убранство XVIII века, как был очищен от каменных надгробий семьи Петра I Боголюбский собор, чтобы освободить помещение для репетиций танцевального ансамбля «Березка», как в склепе над могилой родного деда Преобразователя трудилась замызганная бойлерная, в монашеских кельях – без малейшей оглядки на прошлое – функционировал Литературный музей, отказывавшийся не только переместиться, но даже вообще принять в свой состав мемориальные, подлинные дома Н. В. Гоголя и И. С. Тургенева, а уникальные в архитектурном отношении, и притом единственные в Москве, окруженные аркадами-гульбищами внутренние дворы служили местом хранения-свалки скульптурных обломков организации Росизо. Робкие реставрационные вкрапления только подчеркивали общее духовное запустение, никого не призывавшее к действию.

Прошлое монастыря – оно уходит ко временам Куликова поля. Испокон веков к нему вела дорога из поселения на Боровицком холме, потому что в районе нынешних Петровских ворот располагалось одно из сел, связываемых с именем полулегендарного Стефана Кучки, – Высокое, в южной его части. Именно этот монастырь положил начало северному полукольцу московских монастырей.

В летописи обитель впервые упомянута в 1377 году, и источники связывают ее появление со временем Ивана Калиты, а название с именем сподвижника Калиты, московского святителя митрополита Петра. Поэтому первоначальное название монастыря Петровский, Петропавловский, а после канонизации митрополита – Петровский. Оба названия одинаково применялись в документах вплоть до XVIII столетия. Иногда его называли и Павловским, но всегда с добавлением топографического уточнения – «на Высоком».

Имел в своем первоначальном виде монастырь деревянные стены и соответствующие земляные укрепления и деревянный собор, который в 1514 году знаменитый строитель кремлевских соборов Алевиз Фрязин заменил каменным, поныне существующим, во имя Петра Митрополита. Это один из самых ранних образцов столпообразных храмов в русском зодчестве. На восьмилепестковом нижнем ярусе возвышается световой, перекрытый сводом восьмерик, который завершает граненое шлемовидное покрытие. Позднее собор приобрел низкую, огражденную парапетом галерею-гульбище на арках с широкими всходами. До Великой Отечественной войны внутри храма сохранялся резной иконостас 1690-х годов. «Лепестковая» форма плана собора впоследствии стала предметом подражания для многих русских зодчих. Несмотря на небольшие свои размеры, храм Петра Митрополита до конца оставался соборным, по своему значению первенствующим в монастырском ансамбле. Все остальные части ансамбля появились уже в конце XVII века и были связаны с приходом к власти Петра и его родных по материнской линии – Нарышкиных.

Семейная усыпальница в Петровском монастыре – Высокопетровском, как его станут называть, – богатейшие вклады родных по «в бозе почивших», торжественные надписи о «болярах» и «болярынях» на искусно резанных белокаменных надгробиях не меняли главного – ни богатством, ни знатностью скромные служилые дворяне Нарышкины не отличались. Жили туго, безвестно, если бы не «случай» Натальи Кирилловны.

Приглянувшаяся недавно овдовевшему сорокалетнему царю молоденькая красавица – то ли воспитанница, то ли нахлебница в семье всесильного царского любимца Артамона Матвеева – была одного возраста с царскими детьми. Разница в двадцать с лишним лет стала в глазах Алексея Михайловича лучшим и неопровержимым доводом в ее пользу, вопреки советам многих бояр и бурному недовольству царевен-дочерей.

В январе 1671 года была сыграна свадьба. Оставалось позаботиться, чтобы нищая царицына родня не позорила своей «скудостью» царского обихода. Кирила Полуехтович Нарышкин получил один за другим чины думного дворянина и боярина, а вместе с ними и щедрой рукой наделенные вотчины. Села Поворово, Родинки, дом в начале Воздвиженки (№ 3), ранее принадлежавший родственнику первой супруги Алексея Михайловича И. Б. Милославскому.

Ждали нового боярина и большие богатства, и высшие государственные должности, если бы не смерть в январе 1676 года, через пять лет после женитьбы, сорокасемилетнего царя-зятя.

Приход к власти юного Федора Алексеевича, старшего сводного брата Петра, ничего хорошего Нарышкиным не предвещал. Золотой дождь царских милостей кончился бесповоротно. Еще опаснее была возможность в любой день лишиться по воле нового царя, вернее – его сестер и советчиков, всех дареных вотчин. Так оно и случилось и с Родинками, и с Поворовом. Кирила Полуехтович заторопился обзавестись благоприобретенным имуществом, которое конфискации не подлежало.

Была купля-продажа земель делом нелегким и долгим, но, по счастью, подвернулось село Семчино, с которым обстоятельства складывались достаточно благоприятно. По вступавшему в силу духовному завещанию прежнего владельца оно доставалось шести наследникам. Необходимость продажи каждым своего добра для общего справедливого раздела была очевидна. В результате в 1676 году Кирила Полуехтович Нарышкин стал владельцем, как свидетельствует о том хранящаяся в архивном фонде Министерства юстиции Переписная книга № 9813, «села Семчина, по новому прозванию Петровского, купленного у князя Петра Семеновича Прозоровского, а в селе двор становой, в нем живут прикащик и 4 человека конюхов, 5 дворов крестьянских, людей в них 16 человек и 5 дворов бобыльских, в них 17 человек». В Отказной же книге 1676 года упоминалось, что «к сельцу Семчину и деревне старой Семчиной роща большая по пушкинской дороге березовая, сосновая и еловая в длину на полтретьи версты, и поперег на полверсты, другая роща круглая, березовая в длину на полверсты, поперег тож». Речь шла о будущем Петровском-Разумовском.

Кирила Полуехтович не обманулся в самых худших своих ожиданиях. Сразу же после кончины Алексея Михайловича он был лишен своей должности главного судьи в Приказе Большого дворца. Стрелецкий бунт 15 мая 1682 года в пользу царевны Софьи и семейства Милославских не только лишил его двух сыновей – ведавшего Оружейной палатой Ивана и Афанасия, которых изрубили стрельцы. Сам отец Натальи Кирилловны был насильно пострижен в монахи и сослан в Кирилло-Белозерский монастырь.

Год его смерти остается своеобразной загадкой. Энциклопедические справочники дореволюционных лет неизменно уклонялись от уточнений. Надгробная надпись в Высокопетровском монастыре называет 30 апреля 1691 года. Отказные же книги свидетельствуют, что именно в год Стрелецкого бунта – 1682-м, непосредственно после его смерти, село Семчино царским указом, то есть именем отныне совместно правящих Иоанна и Петра Алексеевичей, было отдано вдове Анне Леонтьевне, родной бабушке Петра. Названная опять-таки вдовой, в августе 1683 года Анна Леонтьевна выделяет часть земли в

Семчине для строительства церкви Петра и Павла.

Допущена ошибка и энциклопедическим словарем «Москва» (1980), утверждающим, что название Петровское село приобрело после строительства местной церкви Петра и Павла. Формулировка «село Семчино по новому прозванию Петровское» применяется в документах 1676 года, тогда как строительство церкви должно быть отнесено к середине – второй половине 1680-х годов. Единственный вклад самого Петра I в Петропавловскую церковь – изданный в Москве в 1684 году Богослужебный Апостол – явно относится уже ко времени правления молодого царя. Сделанная на книге полистная надпись почерком XVII века гласит: «Сия книга, глаголемая Апостол Великого Государя Царя и Великого Князя Петра Алексеевича… Великий Государь Царь и Великий Князь Петр Алексеевич всеа великий и малыя и белыя России самодержец из хором приложи в подмосковную вотчину боярыни Анны Леонтьевны Нарышкиной, в село Петровское, к церкве Петра и Павла».

Трудно судить и об отношении Петра I к бабке. В придворной жизни она участия не принимает. Самая ее смерть, как, впрочем, и кончина Кирилы Полуехтовича, проходит незамеченной Дворцовыми Разрядами и другими видами документов, фиксировавших события царской жизни за каждый день. Анна Леонтьевна пережила Наталью Кирилловну, скончавшуюся сорока трех лет в 1694 году. Кажется, пережила, если судить по данным монастыря. Надгробная надпись в Высокопетровской обители называет датой кончины царской бабки 2 июня 1706 года. Только и здесь документальные материалы Семчина-Петровского вступают в противоречие с этим текстом.

Один из колоколов Петропавловской церкви Семчина, сохранявшийся до 1890 года, имел надпись: «Лета от сотворения мира 7199 года, от Рождества Христова 1691 года, июня в 28 день, положила сей колокол боярыня Анна Леонтьевна в подмосковную свою вотчину в село Петровское к церкви святых Апостол Петра и Павла в помин души по муже своем, боярине Кириле Полуехтовиче Нарышкине и по детех своих и по всех родителех своих в вечное поминовение».

Во время своего освящения, годом позже, Петропавловская церковь связывается уже с именем сына Анны Леонтьевны. Это первое упоминание о церкви и встречается в 149-й и 151-й Окладных книгах Патриаршего Казенного приказа: «В нынешнем в 7201 (1692) году, ноября в 1 день, по указу святейшего Патриарха и помете на выписке Андрея Петровича Владыкина велено: новопостроенные церкви св. Апостол Петра и Павла в вотчине боярина Льва Кирилловича Нарышкина, в селе Петровском, на попа с причетниками дани положить». Отсюда следует: либо Анны Леонтьевны в 1692 году не стало, чему противоречит надгробная надпись, либо она отказалась от вотчины в пользу одного из двух оставшихся к тому времени в живых своих сыновей – пятерых детей она похоронила. Последнее маловероятно, поскольку жила боярыня только в Семчине. К тому же к Нарышкиным именно в это время переходят одно за другим богатейшие подмосковные владения: в 1688-м – Чашниково, в 1689-м – Черкизово, Кунцево, Медведково, Тешилово, Строгино, Хорошево, Фили, Троицкое-Лыково. Золотой дождь возобновился с новой силой.

Имело Семчино в 1704 году, согласно Переписной книге, «церковь каменную… двор вотчинников, в нем 5 человек, и дворы конюшенной и скотной, в них 18 человек, да к сему деревня Семчина, в ней 12 дворов крестьянских, людей в них 37 человек. Упоминаемых в работах историка И. П. Токмакова и в многочисленных газетных заметках летнего дворца Петра и выстроенных якобы в течение 1699–1700 годов „голландских домиков“ здесь не числилось. Оказывается неоправданным и другое высказывавшееся краеведами предположение, что Семчино-Петровское перешло непосредственно к Петру.

И если опять-таки вернуться к дате кончины царской бабки, то точность надгробной надписи опровергается еще одним существенным обстоятельством. Нового владельца Семчина-Петровского не стало в 1705 году. Подобно всей прямой родне Натальи Кирилловны, жил Лев Кириллович недолго – умер не достигнув и сорока лет. На его похоронах родной матери не было. В связи с погребальными церемониями ее имя тоже не фигурировало. Все говорит за то, что Анны Леонтьевны давно не было в живых.

Но существует и еще одно обстоятельство, не привлекшее к себе внимания исследователей: последовательность строительства зданий в ансамбле Высокопетровского монастыря. Принято считать, что усыпальница Кирилы Полуехтовича появилась вскоре после его смерти – в 1691 году. Получается, что до нее в монастыре появилась великолепная Боголюбская церковь (1684–1685), ставшая усыпальницей всех Нарышкиных. Так почему же исключение, и притом очень скромное, не потребовавшее никаких сколько-нибудь значительных затрат, было сделано для основоположника рода? Что могло лишить права отца царицы Натальи Кирилловны покоиться в достойном царской семьи храме? И это после вступления внука на престол.

Думается, единственный ответ, который не опровергают документы: по существу опальная царица Наталья Кирилловна получила единственную возможность скромно похоронить отца в одном из окраинных и никак не связанных с дворцовой жизнью монастырей, а уже затем ей не было отказано и в праве построить в монастыре церковь. Шли годы правления Федора Алексеевича.

Он не готовился к престолу – у Алексея Михайловича был «объявленный» народу в 1670 году наследник, царевич Алексей Алексеевич. Федора пришлось объявить в 1674-м после неожиданной и тяжело пережитой царем кончины наследника. По образованности Федор не уступал старшему брату: тот же учитель Симеон Полоцкий, а от него – блестящее знание истории, мифологии, географии, польского языка и латыни, собственное представление о государственном устройстве и – мечта о независимости.

Ему мало лет при вступлении на престол, но еще меньше было в свое время Дмитрию Донскому. По сравнению с легендарным князем Федору Алексеевичу не слишком повезло с советчиками. Но в одном он неколебим: немедленное отстранение от престола всех собственных родных – Милославских. Сестры могли заниматься строительством и украшением новых своих кремлевских палат, выезжать в город и на богомолье. Если кто-то и мечтал о вмешательстве в государственные дела, его ждало горькое разочарование. Федор Алексеевич обходится своими любимцами – постельничим Иваном Максимовичем Языковым и стольником Алексеем Тимофеевичем Лихачевым. Он не идет навстречу сестрам даже в отношении выселения из Кремля вдовой царицы Натальи Кирилловны. Вместе с детьми.

Достаточно пятилетнему подученному матерью Петру броситься в ноги брату со словами: «Жалобу приношу… на Годунова, нарицаемого Языкова, который хочет меня нечестно и с матерью моею выслать из дома моего отца и от тебя государя, как древний Годунов царевича Дмитрия», – и Федор дает разрешение мачехе остаться в Кремле и даже начать строить себе новые палаты, правда, в отличие от царевен не каменные, а деревянные – на месте нынешнего Арсенала.

Федор Алексеевич увлекается архитектурой – по его собственному чертежу в Чудовом монастыре Кремля начинается перестройка старой церкви Алексея, прилегающих к ней палат и трапез. Он отменяет запрет отца на ношение западного платья и стрижку волос. Не считаясь с самыми серьезными последствиями в среде боярства, уничтожает местничество и дает распоряжение о сожжении знаменитых Разрядных книг, отменяет как «варварский обычай» членоотсечение. Федор Алексеевич задумывает Академию художеств, в которой должны получать бесплатное образование дети нищих и беспризорники. Даже в нарушение традиции дает «добро» на побелку Кремлевских стен, потерявших единый цвет из-за многочисленных починок.

По западных образцам начинают меняться особенно любимые юным государем торжественные выходы и шествия. И на все это ему дают право внешнеполитические успехи, в частности заключенный в 1681 году мир на 20 лет с Турцией и Крымом.

К тому же Федор Алексеевич принимает решение вернуть из ссылки смертельно рассорившегося с отцом бывшего патриарха Никона, которому, правда, не удастся вернуться в столицу – он скончается на обратном пути, – и Артамона Матвеева с семейством. О покровителе вдовой Натальи Кирилловны супруга умолила юная царица Марфа, которой

боярин приходился крестным отцом. Но и для Артамона Матвеева возвращение оказалось несчастливым. Через считаные дни по приезде в Москву он погиб в Кремле во время Стрелецкого бунта. Осталась лишь память о доброй воле молодого царя.

Здоровьем Федор Алексеевич не отличался, как и все сыновья царицы Марьи Милославской. Зато дочерям передались жизненные силы ходившего с рогатиной на медведя Алексея Михайловича. Федор Алексеевич страдал от цинги, был подвержен приступам слабости, и все же последняя болезнь подступила неожиданно. Слишком неожиданно.

Можно было бы обвинить современников в обычной относительно царствующих особ подозрительности, если бы не переполох в теремах. Никто не поверил новости о тяжелом приступе, не поспешил в царскую опочивальню. Главное – не подумал о последствиях и необходимых к ним приготовлениях. Случилось непонятное.

С большим опозданием собрались всей семьей у постели умирающего – и почему-то оставили его одного в последние минуты. В момент кончины около царя была царица Марфа, одна из сестер-царевен и князь Михаил Алегукович Черкасский. Дальше для истории значение приобретали минуты.

Каждая из царствующих особ уходила из жизни по-своему. При иных обстоятельствах. С иными подробностями. Обычно с объявленным народу наследником, которому еще предстояло утвердиться на престоле. Всегда с духовной, условия которой спешили или не спешили выполнять. Последняя воля человека обретала смысл, только если входила в расчеты нового властителя. Неизменной оставалась запись о кончине, сделанная в Дворцовых разрядах. Краткая. Вразумительная. Следующая определенной формуле.

Царь Михаил Федорович, первый из рода Романовых, скончался 1645 года июля 13-го дня в 4-м часу ночи. Отсчет времени в тот век начинался с наших восьми вечера. Значит, смерть наступила около полуночи.

Его сын и наследник, царь Алексей Михайлович, приказал долго жить 1676 года января 30-го числа, тоже в 4-м часу ночи. Оба находились на престоле по тридцать лет.

С внуком, Федором Алексеевичем, все обстояло по-другому. Оказался на престоле подростком, царствовал всего шесть лет. Источники почему-то не удовлетворились обычной формулой и, самое главное, не сходились ни в минутах, ни даже в часах: 11 часов 45 минут – 12 часов 15 минут – 12 часов 30 минут – просто первый час дня – 17 и даже 18 часов.

Различная степень осведомленности авторов? И достоверности сведений? В том-то и дело, что все авторы располагали, казалось, не вызывавшими сомнения источниками. Однако каждый из них представлял свою придворную и приказную группу, если не сказать, партию. В сложнейших хитросплетениях ниточки тянулись к разным приказам, к успевшим сменить друг друга патриархам, к фавориту правительницы Софьи князю В. В. Голицыну, к просветителю Сильвестру Медведеву, к купцам, горожанам, придворным. Ошибки должны были иметь причину. Они могли преследовать и определенную цель.

Самый ранний срок называют «Записки» Ивана Шантурова и так называемый «Мазуринский летописец». По роду занятий Иван Шантуров не должен был записывать государственных событий. Он всего лишь площадной подьячий в Московском Кремле, то есть служивший на Ивановской площади Кремля в особой, пристроенной к колокольне Ивана Великого палатке, где осуществлялись функции нотариата – совершались купчие крепости, составлялись крепостные акты. У площадных подьячих было преимущество первыми узнавать царские указы, которые выкрикивались на всю Ивановскую площадь («во всю Ивановскую!») с крылец здания Приказов. В Приказах сидели их близкие и знакомые. Все кругом кишело слухами. Оставалось выбирать, иной раз додумывать, но вряд ли досочинять.

Но и «Мазуринский летописец» не представлял официальной исторической хроники. Его составитель – не автор! – использовал чужие сочинения. Вопрос о смерти Федора Алексеевича затрагивался в интересном и совершенно самостоятельном повествовании о народном восстании 1682 года. Автор явно принимал участие в развернувшихся событиях и писал под их непосредственным впечатлением. Момент царской кончины важен для него

только как точка отсчета для всего, что должно было последовать за ним. А сам составитель принадлежал к окружению патриарха Иоакима Савелова, державшего нейтралитет между Милославскими и Нарышкиными.

Спор, но о чем? Достаточно необычным представлялось, что официальные источники называли не более ранние, а более поздние часы. Согласно им, кончина наступила в 13-м часу пополуночи и об успении Федора Алексеевича было немедленно объявлено в Кремле. Об этом засвидетельствовала соответствующая запись Разрядного приказа.

То же подтверждал безымянный москвич, оставивший поденные записи о событиях 1682 года: в 13-м часу пополуночи об успении государя Федора Алексеевича было объявлено в Кремле.

Буквой официального сообщения предпочел ограничиться и ближайший сотрудник царевны Софьи Сильвестр Медведев. Написанное им при участии начальника Стрелецкого приказа Ф. Л. Шакловитого «Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся в гражданстве» преследовало цель всесторонне обосновать неоспоримость прав Софьи на власть и престол. Впрочем, самого Сильвестра в минуту царской кончины во дворце не было. Но почему-то самый близкий к царевне человек считает нужным уточнить: «13 часов в первой четверти».

Очередной источник относился уже ко времени низложения царевны Софьи. Он был завершен между 3 октября 1691 и 14 мая 1692 годов и включал в себя отдельную повесть о событиях 1682 года, с простым упоминанием факта смерти Федора Алексеевича.

Зато в окружении последнего древнего патриарха Адриана, явно склонявшегося на сторону Милославских, «Летописец», который был задуман как сводный справочник церковно-исторического характера по всему XVII веку, снова переводил стрелку: «13 часов дня во второй четверти часа». Еще более поздний по времени так называемый «Краткий московский летописец» конца XVII века называл и вовсе «второй час дня».

И наконец, «Летописец Черкасских», хранящийся в Центральном государственном архиве древних актов. В соответствии с ним смерть наступила… в самом конце дня. Речь шла не об объявлении на Ивановской площади, тем более не о распространившихся в Москве слухах – князь Черкасский находился у постели царя Федора Алексеевича до последнего его вздоха и, значит, много позже уже состоявшегося всенародного провозглашения Петра царем. Единственное свидетельство очевидца! Власть сыну Натальи Кирилловны досталась обманом. Законной ее можно было не признавать.

Но не в этой ли поспешности секрет успеха Нарышкиных? К моменту смерти Федора о нарышкинской партии при дворе говорить, по существу, не приходилось. Многочисленные братья Натальи Кирилловны еще слишком молоды. Родственники не успели укорениться при дворе, завязать связи с влиятельными лицами. Артамон Матвеев не вернулся из ссылки.

Тем не менее подсказка, безусловно, должна была быть. Может, со стороны учителя Петра – Никиты Моисеевича Зотова. Его за богобоязненность и преданность Милославским приставили к младшему царевичу обучать грамоте, чтению, пройти Часослов, Псалтырь и Евангелие. Никита Моисеевич оказался превосходным царедворцем – сердцем переметнулся к своему воспитаннику и его матери, ничем не вызвав подозрений ни царя Федора Алексеевича, ни самой царевны Софьи, которая отмечает способности Зотова тем, что посылает его в составе русского посольства к крымскому хану Мурад-Гирею заключать Бахчисарайский мир.

А с приходом к власти Петра, после отстранения Софьи, Никита Моисеевич неразлучен со своим питомцем. Он сопровождает его в Азовских походах, на строительство флота в Воронеж, с образованием в 1701 году личной канцелярии Петра становится хранителем государственной печати в ранге «ближнего советника и ближней канцелярии генерал-президента». Ему Петр поручает организацию своего странного детища – Всешутейшего и Всепьянейшего собора.

Выиграть в 1682 году время значило выиграть власть. Нарышкиным это удалось. А те трое, что были у постели Федора Алексеевича… Первой уходит из жизни заточенная в

Александровский монастырь царевна Марфа Алексеевна. Вскоре кончает свой век взаперти другая Марфа – вдовая царица, может быть, душевно больная, может быть, узница политических расчетов. С Михаилом Алегуковичем Черкасским все складывается иначе.

Во время бунта стрельцов в мае 1682-го князь пытается сохранить жизнь Артамону Матвееву. С возвышением при правительнице Софье временщика, князя Василия Васильевича Голицына, становится самым непримиримым его противником. И это в то время, когда противники самого Петра I прочат Черкасского в цари. Казенный писец книг Талицкий призывает в прокламациях, чтобы стрельцы «выбирали на правительство Черкасского, так как он человек добрый». Популярности князя в народе немало способствует и то, что женат он на родной внучке князя Дмитрия Пожарского – княжне Евдокии Ивановне Пожарской.

И тем не менее по отношению к нему Петр не проявляет внешне никакой своей обычной подозрительности, оставляет без внимания многочисленные наветы. Он держит князя около себя, как и родных братьев царицы Марфы, которым оказывается выгодным петровское правление. Куда дальше, если в 1707 году в ожидании шведского нашествия именно Михаилу Алегуковичу Черкасскому Петр поручает воеводство на Москве.

Правда у ступеней трона всегда имеет лишь относительное значение. Высокопетровский монастырь для вдовой Натальи Кирилловны становится едва ли не единственным местом проявления своих царских амбиций и надежд. Вслед за сооружением усыпальницы отца царица передает монастырю усадьбу Нарышкиных, которая увеличивает почти вдвое площадь обители. При этом въезд в монастырь был со стороны реки Неглинной, от берега которой к нему вела дорога. Первая каменная ограда появилась только после окончания Смутного времени. Особой замысловатостью композиция храма Боголюбской Божьей Матери, которая начинает возводиться на месте древней церкви Покрова (известна по документам с 1634 года), не отличалась: поставленный на низкий подклет пятиглавый двусветный бесстолпный четверик. В первоначальном виде церковь окружала с трех сторон низкая открытая галерея. В композицию была включена также низкая трапезная, которая внутри открывалась тремя широкими арками в храм, увеличивая его пространство. На своде и стенах четверика уцелела лепнина 1740-х годов и академическая роспись рубежа XVIII–XIX веков. Хотя больших вкладов монастырь на протяжении своей истории не получал, заботились Нарышкины о нем постоянно.

Сначала останки зверски убитых братьев царицы Ивана и Афанасия хоронят в старой Покровской церкви, а затем вдовая царица именно над их могилами и строит новый храм. Покровский же престол переносится в церковь над Святыми воротами. К Боголюбскому храму в 1688 году пристраивается Настоятельский корпус. А в 1690 году, после отстранения правительницы царевны Софьи от власти, все здание подновляется и по этому случаю торжественно освящается, причем в присутствии обоих царей – Петра и Иоанна Алексеевичей.

В том же году по именному указу Петра начинается строительство Сергиевской трапезной церкви и Братских келий, образовавших южный двор монастыря. Святые ворота надстраиваются колокольней, и вокруг обители возводится единая ограда, само собой разумеется, никакого оборонного значения уже не имевшая. Работало в монастыре несколько артелей строителей, из руководителей которых документы сохранили имя только одного – Василия Текутьева.

Строительство было в основном закончено в 1694-м – ко времени кончины Натальи Кирилловны. Можно сказать и иначе. Подписывая указы о работах в Высокопетровском монастыре, Петр склонялся на просьбы и желания матери. Обитель была ее любимым детищем, тогда как самого царя она не интересовала.

Для Натальи Кирилловны Высокопетровский монастырь стал частью жизни и судьбы. В 1690–1694 годах возводится монастырская трапезная церковь Сергия Радонежского – в память спасения семьи Петра I в Троице-Сергиевом монастыре во время Стрелецкого бунта. Ансамбль этого храма делил монастырскую землю на две части и был устроен с расчетом на

торжественные царские выходы. Двусветный пятиглавый четверик с обширной перекрытой коробовым сводом трапезной поставлен на высокий белокаменный сводчатый подклет и окружен широкой нарядной галереей-гульбищем.

Нынешний свой вид церковь получила уже после смерти Натальи Кирилловны, когда в 1704–1706 годах четверик надстроили, украсили кокошниками с раковинами по образцу кремлевского Архангельского собора, возвели второй наружный свод, на который и были подняты пять глав. К сожалению, исчезла высокая надстройка над сенями. Осталась лишь ведшая в нее внутристенная широкая лестница. Из надстройки был выход на балкон, размещавшийся над рундуком высокого крыльца, примыкающего к сеням. Балкон предназначался для царских выходов во время торжественных богослужений и крестных ходов.

Во внешней обработке храма широко применен белый камень. Но в первоначальном варианте Троицкая церковь выглядела еще более нарядно: ее главы, кресты и подзоры кровель были расцвечены «разными красками и позолотой» мастером Иваном Даниловым. Тот же мастер расписал внутренние и наружные стены храма. К сожалению, его труд, производивший такое сильное впечатление на современников, бесследно исчез.

Вместе с семейной усадьбой Наталья Кирилловна отказала Высокопетровскому монастырю и родной дом. В 1690 году его нижний каменный этаж стал основой для Братских келий. Верхний, жилой, этаж был, как и в большинстве московских домов, деревянным. Когда-то к южному торцу здания, выступавшему на линию Крапивенского переулка, с востока примыкали белокаменные ворота. Въезд в усадьбу был именно с переулка.

Очень любопытна внутренняя планировка былых нарышкинских палат. Подклетный этаж разделен проездом на две половины. В каждой половине по четыре палаты. Южная, судя по имевшимся там печам, служила, скорее всего, «приспешней» – жильем для слуг. В северной находились кладовые, каждая с отдельным входом и множеством стенных ниш-шкафов. Собственно кельи – равные по величине комнаты, чередующиеся с сенями, занимали второй этаж.

Центром внутренней планировки служила домовая часовня почти стометровой площади, иначе – Крестовая палата. Прежде ее выделяла снаружи четырехскатная кровля, которая несла световую главку с крестом. Над большей частью здания существовал третий, деревянный этаж, не восстанавливавшийся после пожара 1712 года.

Основным украшением интерьеров служили изразцовые печи и стенные росписи, фрагменты которых – растительный орнамент в черных и розовых тонах – сохранились в откосах окон.

Уже во времена Анны Иоанновны одна из представительниц семьи Нарышкиных сооружает еще одну, очень маленькую церковь Толгской Богоматери, как можно с достаточным основанием утверждать, по проекту известного московского зодчего И. Ф. Мичурина. Западный фасад храма выходит на Петровку, разрывая прясла каменной ограды. Здесь когда-то помещался образ, от которого сохраняется лепное обрамление. Вход же в храм был только из монастырского двора.

Посвящение храма именно Толгской Божией Матери представляет редкость для Москвы, поскольку поклонение ей с самого начала было связано с Ярославлем. Согласно преданию, в 1314 году, в княжение святого Давида Федоровича Ярославского, на берегу притока Волги реки Толги епископ Ростовский Трифон, возвращавшийся из Белозерского края в Ростов Великий, имел видение. В огненном столпе ему явилась Богоматерь с Предвечным Младенцем. На месте явления епископ «нача своима руками сещи лес и очищати место оное и готовити древа на церковь малу». Построенный в течение одного дня, иначе – обыденный, храм был посвящен Введению во храм Пресвятой Богородицы, в нем помещен новоявленный образ, а решением святителя Трифона здесь же основана мирская обитель и назначен праздник явления иконы – 8 августа.

Через сто лет пожар уничтожил обитель, но икону нашли нетронутой в лесу, высоко в

ветвях. В 1392 году за утренним богослужением образ начал источать миро. «Елицы бы бо тем миром помазовахуся, – свидетельствует святитель Дмитрий Ростовский, – одержимии какими-либо недугами, абие здравие получаху». Среди множества исцеленных чудотворной иконой был и Иван Грозный, который в 1553 году на пути из Кирилло-Белозерского монастыря в Москву посетил обитель и получил исцеление больных ног, на которых не мог ходить.

Когда в Ярославле собиралось народное ополчение для освобождения Москвы от польско-шведских войск, город охватило моровое поветрие. Возникла опасность гибели всех ополченцев. Тогда князь Дмитрий Пожарский назначил всенародное моление перед принесенной Толгской иконой. После торжественного крестного хода с образом вокруг города эпидемия прекратилась. То же случилось и в 1654 году, когда все московские земли были поражены моровой язвой.

Однако происхождение этой иконы, свидетельствующей о значительном влиянии грузинской живописи, имеет и иное документированное объяснение. Симеоновская летопись сообщает о привозе из Грузии в 1278 году «полона и корысти великой» ярославским князем Федором Ростиславичем Черным: «…князь Федор Ростиславичь… и инии князи мнози и бояры с слугами поехаша на войну с царем Менгутемером, и поможе Бог князем Русским взяша славный град Яськый Дедяков… и полон и корысть велия увзяша… Царь же, почтив добре князей Русских и похвалив велми и одарив, отпусти всвояси с многою честью каждо в свою отчизну». Город Дедяков находился неподалеку от Дарьяльских железных ворот и реки Сунджи, в районе Дзауджикау, невидимом из этого района Осетии, находившемся в XII–XIII веках под сильным влиянием грузинской культуры, отсюда и был вывезен этот образ, исполненный до 1278 года грузинскими мастерами. В более поздних вариантах Толгская Богоматерь будет приближена к типу Умиления. О каноничности этой поясной композиции свидетельствовал и находившийся в Высокопетровском монастыре список, выполненный в 1744 году Иваном Андреевым (ныне в Государственном историческом музее).

Надвратную церковь Пахомия на древнем основании белокаменных ворот былой нарышкинской усадьбы в 1753–1755 годах историки стилистически связывают еще с одним знаменитым московским зодчим – Дмитрием Васильевичем Ухтомским, создателем первой в России архитектурной школы, среди выучеников которой был и М. Ф. Казаков. По проектам Ухтомского в Москве были построены триумфальные Красные ворота (1753–1757), Сенатский дом (1753–1757) на Бауманской улице, 61, Кузнецкий мост через реку Неглинную.

Но настоящим завершением Высокопетровского монастырского ансамбля остается его колокольня, одно из лучших произведений московской архитектуры 1680-х годов. Здание состоит из трех частей. Нижний ярус – Святые ворота, завершенные открытой площадкой гульбища. Это был главный въезд в монастырь. Второй ярус – надвратная церковь Покрова с перенесенным сюда престолом древнего храма. Церковь служила молельней настоятелям монастыря. Над церковью поднимаются два восьмерика звонов, увенчанных небольшой главкой и кованым крестом. Все ярусы соединены между собой внутристенными лестницами. К ярусам звона ведет каменная винтовая лестница.

С 1703 года до конца XVIII века на колокольне находились «немецкие часы» с боем.

Монастырь был закрыт в 1917 году, хотя отдельные его церкви продолжали действовать на протяжении 20-х годов.

Страстной монастырь

Не кулик по болотам куликает,
Молодой князь Голицын по лугам гуляет;
Не один князь гуляет – со разными полками,
Со донскими казаками, да еще с егерями
И он думает-гадает:
«Где пройтить-проехать?

Ему лесом ехать, – очень тёмно;
Мне лугами, князю, ехать, – очень было мокро;
Чистым полем князю ехать, – мужикам обидно,
А Москвой князю ехать, – было стыдно».
Уж поехал князь Голицын улицей Тверскою,
Тверскою-Ямскою, Новой слободою,
Новой слободою, глухим переулком.

Народная песня. Записана В. Виреевским в Московской губернии

От обители в самом центре Москвы не осталось и следа. Даже в названии площади, которая когда-то носила ее имя. Тем более в памятниках. Именно на ее месте, на былой Страстной – нынешней Пушкинской площади, понадобилось соорудить кинотеатр, опять-таки бывший «Россия», теперь «Пушкинский». И перенести всемирно известный памятник поэту на совершенно неподходящее для него, тем более для его эпохи, место – спиной к былому монастырю. Единственная, очень редко всплывающая легенда, что с монастырской колокольни раздался первый удар торжественного благовеста, оповестившего москвичей об освобождении города от французов. «Страстная» сказала, что больше в древней столице не осталось ни одного наполеоновского солдата.

Вид женского Страстного монастыря со Страстной площади.

Соборный храм Страстного монастыря.

Для энциклопедии «Москва» 1980 года издания оказалось гораздо важнее сообщить, что после переворота монастырь был упразднен и в течение 1920—1930-х годов в нем помещался Центральный антирелигиозный музей Союза безбожников СССР. И еще, что в ходе реконструкции улицы Горького – Тверской в 30-х годах монастырские постройки были разобраны. Тем более что именно с монастырской колокольни в 1905 году солдаты обстреливали из пулеметов баррикады и демонстрантов на Тверском бульваре, а в свою очередь в 1917-м красногвардейцы и революционные солдаты из-под монастырских стен вели обстрел здания градоначальства на том же бульваре.

Страстной монастырь действительно не был древним по сравнению с другими московскими обителями и не входил в защитный пояс города. Его возникновение отметило место встречи москвичами во главе с царем Михаилом Федоровичем в 1641 году чудотворной иконы Страстной Божией Матери, принесенной из нижегородского поместья князя Бориса Лыкова. Название «Страстной» иконе дало изображение на ее фоне сонма ангелов с орудиями страстей Христовых в руках.

Никто никогда не упоминал, что событие это было по существу семейным. Боярин Борис Михайлович Лыков был женат на спасавшей Михаила Федоровича после приговора его родителям Анастасии Никитичне Романовой, родной сестре патриарха Филарета. Пользовался князь боярин Борис славой удачливого полководца, многими победами над поляками и казаками в Смутное время. В 1607 году вместе с князем Голицыным и Прокопием Ляпуновым он разбил отряд Телятевского близ Каширы и сумел завладеть всем его богатейшим обозом. Годом позже вместе с князем Куракиным Борис Лыков победил гетмана Лисовского на берегах Москвы-реки.

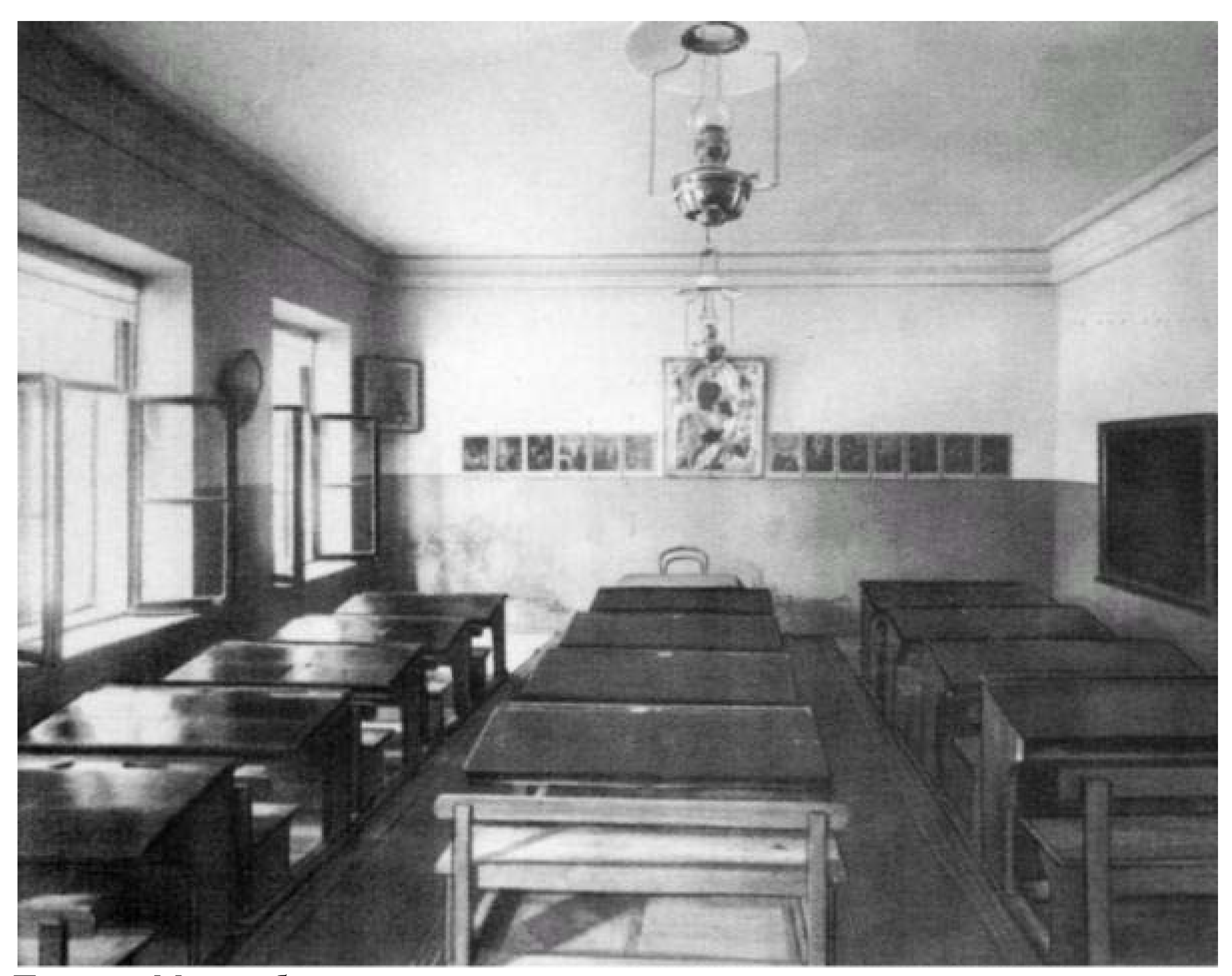
В 1609 году Борис Лыков помешал польским частям занять Москву и остановил продвижение к столице крымцев после кровопролитной битвы под Серпуховом. До самой смерти опекал своего венценосного племянника. Икона была им перенесена за три года до его собственной кончины.

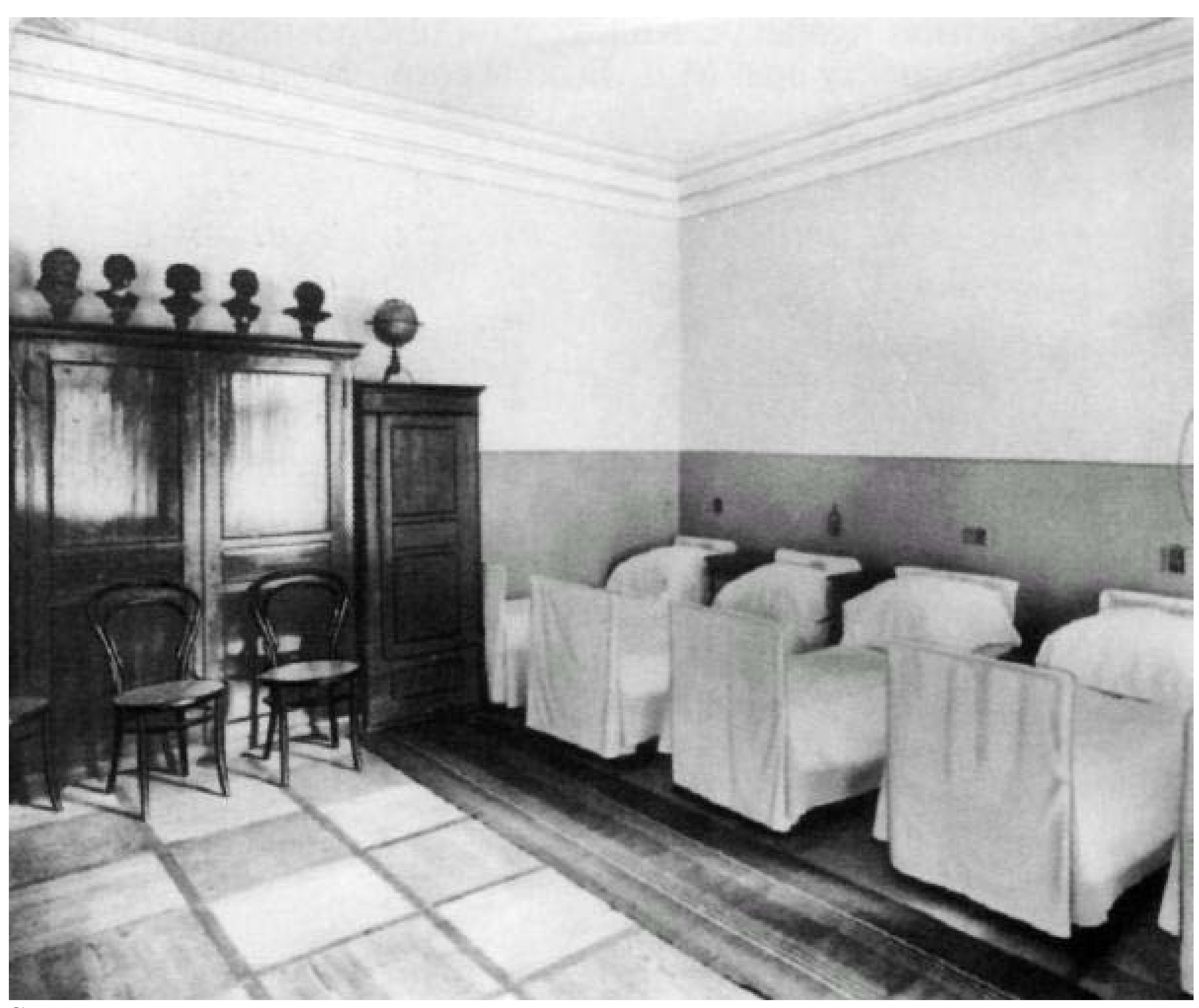
Местночтимый деревянный крест-распятие XVIII в.

Встреча отличалась исключительной торжественностью, и царь на этой части дороги «повеле возградить церковь камену», которая и стала центром новообразованного девичьего монастыря. До позднейшего времени храм не дошел – его заменил построенный в 1779 году по повелению Екатерины II собор. Пожар 1812 года не пощадил Страстного монастыря, в том числе его колокольни, которую в 1835 году заменила новая по проекту архитектора М. Д. Быковского. В свое время об этом авторстве сообщала мраморная доска у ворот.

Не получавший постоянной материальной поддержки, монастырь всю свою историю испытывал значительные материальные затруднения, справляться с которыми помогало знаменитое художественное шитье его монахинь и хор, слушать который в течение XIX века собиралась буквально вся Москва.

Первая в Москве бесплатная церковно-приходская школа для девочек, основанная в 1891 г. при Страстном монастыре. Классная комната.

Спальня.

Последними руководителями обители были настоятельница игуменья Нина и казначея монахиня Херувима. В штате монастыря было трое священников и два дьякона.

В начале XX столетия в Москве на гастролях оказывается знаменитая итальянская драматическая актриса Элеонора Дузе. Она выступает в помещении нынешнего Театра имени В. Маяковского, очень много работает и неожиданно для самой себя в какой-то вечер попадает на Тверской бульвар, проходит его, привлеченная зрелищем нарядной московской толпы, пока не останавливается у памятника Пушкину, где публики оказывается особенно много. В павильоне кофейни слышится музыка, а актриса, как завороженная, начинает вглядываться в маячивший по другую сторону площади силуэт монастыря.

«Я никогда не была ни в одной православной церкви, а эта привлекала к себе какой-то непонятной сумрачностью. Было видно, как одна за другой в воротах исчезали неясные женские фигуры. И я последовала их примеру. Если бы вы только знали! Это было настоящее колдовство. Богослужение, по-видимому, уже закончилось, и только в одном приделе два голоса пели, очень высоко и совсем тихо. Я спросила моего спутника, что это за песнопение. Он ответил что-то о славе Божией Матери. Прислужницы в черных одеждах с закрытыми лицами гасили свечи. Пахло ладаном. И эти голоса… Это тут я дала себе слово начать читать по-русски, именно здесь и именно в этот час…»

Федоровский больничный монастырь

Все в свете пустяки, богатство, честь и слава:
Где нет согласия, там смертная отрава,
Где ж царствует любовь, там тысяча наград, —

И нищий мнит в любви, что он как Крез богат.
А. В. Суворов. Четверостишия

«Честной муж» назывался Сувор и из родной Швеции ушел на службу к русскому царю Михаилу Федоровичу Романову. Правнуку был известен даже год переезда – 1622-й. Сувор – первый из Суворовых… Так утверждал сам полководец.

Историков удивляло главным образом то, как быстро успела разрастись семья шведского Сувора: в конце XVII столетия в Московском государстве насчитывалось девятнадцать помещиков Суворовых. Но все дело в том, что ту же фамилию можно найти в первой переписи Москвы 1620 года, иначе говоря – до переезда «честного мужа». Не переводится она в Москве вплоть до петровских времен. Дворы богатых Суворовых ценились в несколько сотен рублей, у Суворовых-слобожан из Красносельской, Сыромятнической, Конюшенной слобод дело ограничивалось несколькими рублями.

Прав был блестящий офицер и дипломат екатерининских времён С. Р. Воронцов: «Имя Суворов доказывает, что он русский по происхождению, а не немец, не ливонец и не швед». Сама Екатерина II и вовсе отмахивалась от «шведской версии» как от заведомого абсурда, считая заявление полководца лишенным всяких оснований. Современный царю Михаилу Федоровичу предок, само собой разумеется, существовал, другой вопрос – что он из себя представлял?

Если попробовать просмотреть генеалогический ряд Суворовых в обратной последовательности: полководец Александр Васильевич – его отец, генерал Василий Иванович, – Иван Григорьевич – Григорий. Восстановление семейных связей никаких особых трудностей не представляло. Коренные москвичи, они попадали во все очередные городские переписи вместе со своими должностями, местами работы, актами купли-продажи земель, дворов, завещаниями и наследованиями.

…Григорий Суворов – подьячий Приказа Большого дворца. Немаловажная должность в бюрократическом раскладе Московского государства. По возвращении Петра I из Великого посольства 1696–1697 годов его сын Иван выступает в качестве генерального писаря потешных – Преображенского и Семеновского полков, одного из руководителей возникшего для организации обновленной русской армии Генерального двора. Тогда-то и появится на землях Преображенской слободы сохранившая до наших дней свое первоначальное название Суворовская улица – за тридцать с лишним лет до рождения полководца!

Сам Суворов ничего не сказал о подьячем Приказа Большого дворца, ни словом не обмолвился и о генеральном писаре, упомянув лишь, что крестным отцом писарского сына Василия стал сам Петр I.

Зато на Иване Григорьевиче сосредоточилось особенное внимание биографов, и не в части войсковой службы – хотя эта должность приравнивалась к должности начальника Генерального штаба, – а в отношении последних лет жизни. Будто, наскучив мирскими треволнениями, принял Иван Суворов на старости лет священнический сан и стал протоиереем Благовещенского собора Московского Кремля. Будто, часто встречаясь с внуком, сумел привить ему и религиозность, и особое пристрастие к русским обычаям и обрядовой стороне жизни. Биография полководца в серии «Жизнь замечательных людей» именно так об этом и говорит.

Но вот два самых прозаических деловых документа. «1715 году июня 20 дня лейб-гвардии Преображенского и Семеновского полков генеральный писарь Иван Суворов продал двор… за Покровскими воротами Барашевской слободы на тяглой земле, в приходе церкви Воскресения Христова, за 100 рублей». И другой: «1718 году декабря 16 дня генерального писаря Ивана Григорьева сына Суворова жена вдова Марфа Иванова дочь продала двор за Таганскими воротами в Алексеевской слободе за 50 рублей». Выводы?

Не было никакого кремлевского священника, не было ухода от мирской суеты, не было и умилительно-патриархальных встреч деда с внуком, который просто не успел до кончины деда родиться. Еще один документ – закладная той же Марфы Ивановны Суворовой –

позволяет уточнить, что овдовела она в начале 1716 года, когда ее младшему сыну, отцу полководца, было около десяти лет. Эти выводы находили подтверждение и в других источниках.

Прадед Григорий владел землей у Никитских ворот. Наследовала ему дочь Наталья, позже внук, подполковник Василий Иванович Суворов. Иван Григорьевич обзавелся собственным двором, но не в Преображенской слободе, а у Покровских ворот. Только при всем том связи с родными местами у Никитских ворот Суворовы не порывали. В дошедшей до наших дней крохотной церковке Федора Студита крестили детей, венчались, здесь же хоронили членов семьи. Да и был Федор Студит в те времена не простой приходской церковью.

Еще в XVI веке появилась на его месте, у выезда из города на Волоколамскую дорогу, часовенка в честь иконы Федоровской Божией Матери. Часовенка положила начало появившемуся впоследствии монастырю, а в 1618 году у монастырских стен состоялась торжественная встреча царя Михаила Федоровича со своим возвращавшимся из польского плена отцом, патриархом Филаретом.

Власть сына была властью отца – слишком превосходил Михаила своеволием, умом, тщеславием и дипломатическими способностями силой постриженный в монахи Филарет-Федор, слишком трудно перенес свое поражение в борьбе за московский престол. И хотя каждое действие молодого царя было им подсказано и приказано, патриарх постоянно умел подчеркнуть свою обиду. Так и здесь – распорядился он Федоровский, по существу, загородный монастырь сделать своим, патриаршим домовым, подолгу живал в нем, оставляя кремлевские покои, а в 1626 году построил на месте старой церковки новую – во имя Федора Студита и при ней первую городскую бесплатную больницу. Отсюда пошло и новое название обители – Федоровский больничный монастырь.

Петр I и в этом случае равнодушно отнесся к семейной святыне. Денег на содержание церквей и монастырей он тратить не любил. Его приказом монахи были переведены в другую обитель, Федор Студит превращен в рядовую приходскую церковь, которой предлагалось существовать на доброхотные даяния прихожан. Исчезла богатая утварь, даже оклады икон, даже священническое облачение, осталась московская традиция уважения к «убогим гробам», вера, что приносят они удачу. У Федора Студита и состоялось венчание младшего сына генерального писаря Василия Ивановича Суворова с девицей Авдотьей Федосеевной Мануковой – родителей полководца.

В 1741 году молодая семья с детьми перебирается в Покровское, но уже через несколько лет Авдотьи Федосеевны не станет и похоронят ее у алтаря того же Федора Студита, где, по преданию, крестили ее единственного сына.

Вступившая на престол Екатерина II относится к Василию Ивановичу Суворову с особенным уважением. Одно поручение ему следует за другим. То он направляется «по провиантмейстерскому департаменту» в действующую армию в Познань, то получает назначение главнокомандующим находившихся на Висле русских войск, то становится генерал-губернатором Кенигсберга. Василий Суворов деятельно участвует в дворцовом перевороте Екатерины II – арестовывает в Ораниенбауме всех голштинцев, преданных незадачливому императору Петру III. Но, выйдя в 1768 году достаточно неожиданно в отставку, решает вернуться к «отеческим гробам» – приобретает дом у Никитских ворот. Точнее, использует возможность вернуть часть старого дедовского двора, который продавала вдова морского офицера М. В. Ржевского. За прошедшее время изменились размеры двора, почти полностью изменился и состав соседей.

Среди новых имен сам Г. А. Потемкин-Таврический, уступивший часть своей земли для строительства новой церкви Большого Вознесения. Здесь и бригадир М. А. Шаховской – князь Тугоуховский в «Горе от ума» со своими многочисленными «девками»-дочерьми, и генерал-майорша А. Г. Щербатова, и полковник В. И. Озеров, и генерал-майор И. Ф. Голицын. В то время как В. И. Суворов был деятельным участником прихода к власти Екатерины, И. Ф. Голицын до конца оставался наиболее близким и верным человеком

свергнутому и убитому Петру III.

С домом у Никитских ворот связана и женитьба полководца. Ее принято связывать с желанием одного только отца: отец сам выбрал невесту сыну – княжну В. И. Прозоровскую. Молодая красавица была племянницей супруги П. А. Румянцева-Задунайского. Венчание состоялось, как утверждает предание, опять-таки у Федора Студита, а недолгая совместная жизнь Суворовых началась в отцовском доме. Суворов сразу после медового месяца выехал в армию, а в 1775 году со смертью отца вошел во владение всем отцовским городским поместьем.

И очередная загадка, сегодня попросту отвергнутая, хотя, по существу, по-прежнему нерешенная. Могила Василия Ивановича в подмосковном Рождествено – могила или памятник, какие нередко ставили независимо от места захоронения? В каждый свой московский приезд А. В. Суворов служил панихиды на могилах отца и матери у Федора Студита – обстоятельство, хорошо памятное местному причту. Известный историк Москвы И. М. Снегирев, кстати сказать, бывавший в Рождествене, знал именно эти московские могилы и заботился об их состоянии. В его дневниках есть помеченная 3 июля 1864 года запись: «Священнику церкви Федора Студита Преображенскому указал могилу у алтаря родителей Суворова и советовал возобновить надгробия».

Да и при существовавшем в суворовской семье уважении к народным обычаям трудно объяснить, почему муж мог быть похоронен отдельно от горячо любимой жены, место которой в доме так и осталось до конца незанятым. Вопрос остается открытым, тем более что могила «матушки» – Авдотьи Федосеевны Суворовой скрылась под асфальтом двора дома, выходящего на Никитский бульвар. Зато сама церковь, хотя и в переделанном до неузнаваемости виде – ставшая пятиглавой вместо одноглавой, приобретшая новодельную колокольню – вновь стала патриаршей, домовой. Как 350 лет назад.

Что же касается иконы, в честь которой был заложен монастырь, Федоровской Божией Матери, то считалась она семейной в доме Романовых. Древнейшее известное историкам искусств изображение Федоровской Божией Матери относится к XII веку и находится в Костроме. После 1620 года, когда Великая старица ездила в Кострому молиться образу, она приказала сделать многочисленные списки. Поэтому на полях появились многие святые, соименные членам царской семьи. Таков список, с XVIII века хранившийся в Зимнем дворце в Петербурге, а с 1934 года переданный в собрание Государственной Третьяковской галереи.

По своей иконографии Федоровская очень близка Владимирской Богоматери с незначительными изменениями в положении Младенца и изображении руки Матери. В списке Зимнего дворца присутствуют в окружении Богородицы Мария Магдалина, соименная первой супруге Михаила Федоровича, Марии Долгоруковой, умершей в 1624 году, Евдокия, соименная второй супруге – Евдокии Стрешневой, Марфа – соименная Великой старице, Иоанн Креститель – сыну Иоанну. Любопытно присутствие великомученицы Екатерины, по-видимому, утверждавшей связь Романовых с Рюриковичами: имя Екатерины носила мать Софьи Фоминишны Палеолог и особенно чтилась Василием III и Иоанном Грозным.

При закрытии монастыря в петровские годы, по свидетельству современников, во дворец была взята только одна эта икона.

Никитский монастырь

Особо почитал государь Иван Васильевич (Грозный) Никиту Переславского. В 1560 году повелел он устроить в Кремле для царевичей Ивана и Федора дворец на Взрубе и на дворе у них поставить храм Сретения Господня с предилом Никиты Переславского в благодарную память за спасение сыновей своих от тяжкой болезни.

Хронограф царский. XVI в.

О потерях города можно говорить по-разному. Безразлично и с сожалением. С горечью, сознанием невосполнимости утраченного или с нескрываемым восторгом. В 50-е годы XX столетия было возможно и такое. Как писал автор распространенной книги «Из истории московских улиц» П. В. Сытин: «После Великого Октября снесены все здания Никитского монастыря и на их месте построено красивое здание подстанции метро».

Вопрос об архитектурном совершенстве этого производственного помещения можно оставить на совести автора – шел 1952 год. Но вот в не менее строгом в смысле цензурных предписаний году 1975-м историк искусства Е. В. Николаев о том же ансамбле скажет: улица Герцена, 7 – «рядом с домом Орлова, на том месте, где ныне подстанция метро (1936 г.), до 1933 года находился Никитский монастырь, один из старейших монастырей Москвы, от которого улица и получила свое прежнее название. До 1933 года в монастыре сохранялись следующие постройки: Старый собор (XVI в., до 1537 г.) с приделом, палаты 1760 года по улице (два корпуса) и 32-метровая колокольня, выходившая на улицу, построенная М. Д. Быковским в 1868 году, – одна из последних красивых колоколен Москвы, хотя и с обилием черт дурно понятого „ренессанса“ середины XIX века, который нанес удар цельному и величественному облику Москвы.

В начале XIX века на этом месте стояла двухэтажная палата с проездными воротами, колокольней над ними и церковью в правой ее части. Облик монастыря, несмотря на разновременность построек, сохранял большую цельность, и немалой заслугой Быковского надобно считать то, что ему удалось не только не развалить, но даже укрепить ансамбль своей колокольней…

Вид на собор и колокольню Никитского монастыря. Фото 1920-х гг.

Собор монастыря являлся одним из замечательнейших памятников XVI века в Москве. По конструкции он был двухстолпным…

«Дворцы, сады, монастыри», – описывал А. С. Пушкин. – Садов на Никитской было мало, но монастырь и впрямь, как видим, соседствовал с дворцами, и наша улица была типичной улицей Москвы».

Есть достаточно оснований предполагать, что само направление нынешней Большой Никитской улицы определила дорога из Твери, подходившая к Занеглименью вдоль верхнего течения ручья Черторыя (линия современной Малой Бронной).

Однако окончательная трасса улицы была сформирована Волоцкой дорогой – из Великого Новгорода через Волоколамск в Москву, проходившей в XIV–XVI веках. Ориентировалась эта дорога на северную часть Кремля, в то время еще не охваченную стеной, где в XV–XVI веках располагался городской торг.

С расширением в конце XV века Кремля и перемещением торга в Китай-город Волоцкая улица перестала служить транзитной и стала в Занеглименье главной, приобретя название по утвердившемуся на ней Никитскому монастырю. Возникновение обители около одноименной древней церкви связывается с именем родоначальника царствующей фамилии – Никитой Романовичем Захарьиным, который располагал здесь же землями и двором.

Обновление пользовавшегося глубоким уважением у москвичей девичьего монастыря произошло одновременно с Ивановским и Страстным – во всех трех случаях колокольни и ограды были сооружены по проекту М. Д. Быковского. Тем самым в 1880-х годах город получил три чрезвычайно важных в градостроительном отношении точки, формировавшие его облик.

В канун Октябрьского переворота монастырем руководили игуменья Агнесса, казначея монахиня Серафима. И хотя обитель имела только двух штатных священников и двух дьяконов, их силами велись при том монастыре женская одноклассная школа, церковноприходская школа и содержавшаяся на средства обители богадельня.

Крестовоздвиженский монастырь

Рече же воину смерть: «пришла если к тебе, а хощу тя взяти», рече же ей удалый воин: «аз же слушаю тебе, а тебе не боюся».

Повесть и сказание о прении живота с смертью о храбрости его и о смерти его. По списку 1620 г.

Обитель была упразднена так давно, что казалось, о ней вообще можно не упоминать, если бы она не сыграла такую роль в истории Москвы, да к тому же подарила название одной из центральных улиц города – Воздвиженке. Крестовоздвиженский монастырь «иже зовется на Острове», впервые упомянут в описании Москвы 1547 года, но возникнуть мог он и много раньше, как предполагается, на дворе любимца великого князя Московского Ивана III – Ивана Головы, одного из родоначальников по женской линии рода Романовых.

Все началось с того, что потребовалось обновление построенного в 1326 году Успенского собора. Спустя 125 лет пришел он, по свидетельству летописца, в полную ветхость и держался исключительно подпорками из бревен. Князь Иван III решает строить новый собор, в чем его поддерживает митрополит Филарет. Но средств у обоих недостаточно, приходится прибегать к исключительным мерам. Митрополит облагает специальным налогом все монастыри и церковнослужителей, мирян призывает к добровольным пожертвованиям.

Уже спустя несколько месяцев нужные средства удается собрать и объявить по существовавшему в Москве порядку торги на строительный подряд. Выигрывал тот, кто предлагал самую низкую цену. На этот раз это оказались Иван Кривцов и Мышкин, наблюдать же за работой поручалось Ивану Голове и Василию Ермолину. Однако согласия между руководителями достичь не удалось – произошла «пря», и Ермолин отстранился от

строительства. Иван Голова оказался один.

К маю 1474 года собор возведен был до сводов, но неожиданно рухнули вся северная стена, половина западной и опорные столбы. Несомненно, правы эксперты из числа русских строителей, признавшие применявшуюся известь «неклеевитой» – недостаточно вязкой. Верно и то, что в роковую для собора ночь Москва пережила стихийное бедствие – землетрясение: «…трус во граде Москве… и храмы все потрясашася, яко земля поколебатися».

Так или иначе, только эксперты из числа славившихся своим строительным мастерством псковичей уклонились от предложенной им перестройки собора. Направленному к венецианскому дожу послу Семену Толбузину было поручено найти опытного строителя в Италии, как указывали документы, мастера «камнесечной хитрости». Выбор посла пал на широко известного архитектора и инженера из Болоньи Аристотеля Фиораванти. Итальянскому специалисту было предложено жалованье по 2 фунта серебра в месяц. Таких трат не мог себе позволить ни один из европейских государей, тем более итальянских. В марте 1475 года зодчий приехал в Москву.

На первых порах на москвичей самое большое впечатление производит инженерный талант Фиораванти, то, как он берется за организацию труда. Аристотель наотрез отказывается использовать сохранившиеся части незадавшейся постройки. По его указанию их разбирают с поразительной быстротой для удобной строительной площадки. За Андроньевским монастырем, в Калитникове, Фиораванти организует кирпичный завод и на нем производство нового по форме и очень твердого после обжига кирпича.

Архитектор вводит новую рецептуру и технологию производства извести, также отличавшейся исключительной прочностью. Он делает фундамент глубокого заложения, а при возведении стен использует смешанную кладку кирпича и камня. Блоки белого камня вводятся для большей прочности в перевязи стены. Каждая вводимая зодчим методика имела для строителей тем большее значение, что Фиораванти не делал из своих приемов секретов. Наоборот – он настойчиво обучает им русских каменщиков.

Но посвящать все свое время строительству Успенского собора Фиораванти не мог. Великий князь занимает его одновременно «пушечным и колокольным литьем» и «денежным делом». С новой артиллерией Фиораванти отправляется в походы под Казань, в Тверь и Новгород Великий, где предварительно строит через Волхов, под Городищем, мост на судах, по которому могут пройти московские войска. Он может себе позволить такие длительные отлучки не только потому, что строительный сезон был очень коротким, но и потому, что имел верного, надежного руководителя строительства, каким оказался Иван Голова.

В летописи семейства Ховриных это лишь одно из многих полезных для Москвы деяний. Известно, что сразу после Куликова поля пришел на службу к Московскому князю грек Степан Васильевич. Одни называли его князем, другие – владельцем Балаклавы и Мангупы. Во всяком случае, располагал «нововыезжий грек» большими средствами и сразу занял при великом князе видное место. Носил Степан Васильевич прозвище Ховра. Его сын – Григорий Степанович Ховрин известен был тем, что построил в Симоновом монастыре каменную соборную церковь Успения, одну из самых больших в Москве после кремлевских соборов. Строительство закончилось в 1405 году, и с тех пор стал монастырь семейной усыпальницей Ховриных.

А вот в 1439 году на земле нынешней Арбатской площади была одержана московским войском во главе с князем Юрием Патрикеевичем и при участии боярина Владимира Ховрина блестящая победа над крымским ханом Уллу-Мухамедом.

Сначала дрогнули москвичи, стали отступать перед татарами. И тогда живший в Крестовоздвиженском монастыре лишенный врагами зрения Владимир Ховрин попросил облачить его в доспехи, дать в руки двоеручный меч и толкнуть в сторону неприятеля. Инок-слепец начал вращать над головой могучий меч и с такой силой врубился в конный строй татар, что пролегла за ним настоящая просека из порубленных и обезглавленных врагов.

Москвичи оправились, кинулись вслед за Ховриным и не только погнали татарских всадников, не только отбили у них всю добычу и пленных, но и самих их взяли во множестве в полон, обвязали веревками по несколько десятков человек, загнали в Москву-реку и подвергли обряду крещения. Стали ли крещенные таким образом татары православными – неизвестно, только от Москвы с позором и убытком бежали. И оповестил об этом жителей столицы колокольный звон Крестовоздвиженского монастыря.

И снова раздался этот звон, когда в 1471 году у Арбатских ворот проходила торжественная встреча московского войска после битвы у Шелони, притока озера Ильмень, с западными соседями, а ровно через сто лет – после сражения под Лопасней, когда отказался Иван Грозный отдать ранее присоединенную к Москве Казань.

Все повторилось, когда в 1611 году русские воины во главе с Никитой Годуновым наголову разбили на Арбате в страшной рукопашной схватке отряд рвавшегося к Кремлю мальтийского рыцаря Новодворского. На следующий год здесь разыгралось решающее для Москвы сражение между отрядом Д. М. Пожарского и частями гетмана Ходкевича. Первого ноября 1612 года, после освобождения Москвы, полки Пожарского от Арбата «тихими стопами» – медленным шагом, «с песнопениями» направились под колокольный монастырский звон в Кремль, а десятки раненых остались в монастырских стенах долечиваться и приходить в себя.

В 1701 году на месте старого собора начали возводить новый – единственный в центре Москвы центрический храм с лепестковым планом, перекликающийся в этом отношении, как и в декоративном оформлении, с образцами украинской архитектуры XVII века.

Строительство очень затянулось из-за введенного Петром I запрещения каменных работ по всей стране – каменщики направлялись на берега Невы для возведения новой столицы. К 1711 году удалось завершить и освятить только нижнюю часть – церковь Успения, тогда как располагавшаяся на втором этаже главная, Воздвиженская, церковь была доведена уже при Екатерине I, в 1726-м. В конце концов к западному крыльцу храма пристроили крыльцо, в рундуке которого был подвешен колокол. Другие колокола висели на низкой деревянной звоннице рядом с крыльцом. Колокольня была построена лишь в 1849 году по проекту архитектора П. П. Буренина.

Через Арбат пролегла дорога русских войск, возвращавшихся с Бородинского поля. Раненых опускали на обочину мостовой улицы и площади, откуда разбирали их по своим домам, отъезжавшим подводам москвичи и иноки Крестовоздвиженского монастыря. Не случайно были написаны в Путеводителе 1833 года обращенные к этим местам строки: «Читатель. Не проходи сим местом без движения сердечного, не проходи его с душой холодной. Ты попираешь кровь ближнего своего и, может быть, твоего прадеда, пролитую во спасение Отечества».

Но Отечественная война положила конец Крестовоздвиженскому монастырю. Затраты на его восстановление после пожара и разграбления оказались настолько велики, что было принято решение обитель упразднить. Собор превратился в обычную приходскую церковь, в частности, семьи Воронцовых. Именно в их среде держалось стойкое убеждение, что, если бы была к этому времени еще жива княгиня Дашкова, урожденная Воронцова, Екатерина Романовна нашла бы средства и доказательства, чтобы изменить судьбу так любимого ею монастыря, в котором часто бывала с рано ушедшим из жизни мужем.

И все же памятнику былого монастыря повезло. Его последним настоятелем стал отец Павел Иванович Парусников, преподаватель императорского Строгановского центрального художественно-промышленного училища, сумевший привлечь внимание и интерес художников к своему храму, превосходно разбиравшийся в особенностях его архитектурного решения и декоративного убранства. О том же свидетельствовали его ученики по реальному училищу К. К. Мазинг и женской гимназии З. Д. Травниковой. Нельзя не вспомнить, что настоятель храма был и одним из руководителей Московского отделения попечительства о слепых. Но в своем храме Парусников был единственным священником, что свидетельствовало о малолюдности и бедности прихода.

Алексеевский монастырь

Сплачетца мала птичка,
Белая перепелка:
– Ох ти мне, молоды, горевати,
Хотят сырой дуб зажигати,
Мое гнездышко разорити,
Мои малые дети побити,
Меня, перепелку, поимати.
Сплачетца на Москве царевна:
– Ох ти мне, молоды, горевати,
Ино Гриша Отрепьев росстрига,
Что хочет меня полонити,
А полонив меня, хочет постричи,
Чернеческой чин наложити.
Ино мне постричи ся не хочет,
Чернеческого чину не здержати:
Отворити будет темна келья,
На добрых молотцов посмотрити.
Ино, ох милый наши переходы!
А кому будет по вас да ходити
После царского нашего житья?
И после Бориса Годунова?
Ах, милый наши теремы!
А кому будет в вас да седети
После царского нашего житья
И после Бориса Годунова?

Плач Ксении Годуновой. Песни из эпохи Смуты, записанные в 1619 г. в Москве для английского бакалавра Ричарда Джемса

Митрополит Алексей советовал Дмитрию Донскому возвести белокаменный Кремль вместо деревянного, пусть и дубового – огонь не щадил ни одной породы дерева, и город слишком быстро при пожаре становился беззащитным. Дважды, в 1368 и 1370 годах, приходил после этого по древней Смоленской дороге осаждать Москву литовский князь Ольгерд со своей и с дружественной ему тверской дружинами и дважды отступал при одном виде новой белокаменной твердыни.

Тем не менее, чтобы обеспечить большую безопасность столицы, митрополит вновь выступает в качестве военного знатока и советует князю возвести еще одно укрепление – земляной вал, который бы охватил город полукольцом, от нынешнего Соймоновского проезда рядом с храмом Христа Спасителя до Сретенских ворот. Эта насыпь, которую поддерживал глубокий ров, и сегодня еще просматривается на Бульварном кольце, особенно в части Гоголевского бульвара.

Соймоновский проезд. Пречистенские (Кропоткинские) ворота – древнее Чертолье. Между впадением в Москву-реку Неглинной и давшим название Чертолью ручьем Черторый поднимался мыс, на котором археологи еще в первой половине XIX столетия обнаружили остатки городища и среди множества предметов быта арабские монеты 862 и 866 годов. Когда-то проходила здесь древняя дорога из Смоленска во Владимир и Суздаль и стояло подмосковное сельцо Киевец.

Уже в XIV веке Занеглименье стало наиболее обширным загородным поселением Москвы. У пересечения укреплений с главными улицами в следующем столетии появятся три монастыря: Крестовоздвиженский (память о нем сохранилась только в названии улицы – Воздвиженка), Никитский (в начале одноименной улицы) и Георгиевский. На протяжении XIV века в Занеглименье заканчивается формирование уличной сети. Скорее всего вся

территория внутри нынешнего Бульварного кольца с запада до реки Неглинной была заселена. Не случайно археологи обнаружили остатки мостовой того времени в районе здания мэрии на Тверской улице.

Алексеевский монастырь.

Подтверждая безошибочность своих фортификационных расчетов, того, что возведенные оборонительные укрепления сделают эту местность совершенно безопасной от нападения чужих полчищ, митрополит Алексей близ села Киевца основывает для двух своих сестер женский Алексеевский монастырь. Пусть москвичи убедятся, что черницам нечего бояться прихода вражеского войска. В самом деле отныне дорога чужеземцев к Кремлю от Крымского брода будет проходить через Арбат.

Только это не облегчило трагической участи обители. Ее первоначальное место, которое со временем занял Зачатьевский монастырь, сохранялось за Алексеевской обителью вплоть до венчания Ивана Грозного на царство. В день его последовавшей вскоре свадьбы с Анастасией Романовной очередной страшный пожар уничтожил за десять часов весь город, а с ним и Алексеевский монастырь. Обитель была сначала переведена в Кремль, а с 1572 года в Чертолье.

К тому времени здесь уже проходила дорога на Новодевичий монастырь – «к Пречистой Божьей Матери», отсюда название улицы – Пречистенка (через Малую и Большую Чертольские улицы, как назывались соответственно Волхонка и Пречисченка). В 1566–1593 годах на месте Алексеевского земляного вала поднялись стены Белого города, по берегу Москвы-реки доходившие от Соймоновского проезда до Водовзводной башни Кремля.

Оборону Кремля особенно усилила возведенная на углу Соймоновского проезда самая могучая из всех башен Белого города – Алексеевская, или Семиверхая.

В Третьяковской галерее хранится большой, взятый из Успенского собора Кремля образ «Алексий митрополит, с житием», написанный в начале XVI века знаменитым мастером Дионисием. Изображение митрополита «Киевского и всея Руси», как его

титуловали современники, не несет портретных черт, зато «житие» – двадцать окружающих фигуру преподобного сцен многое могут сказать о жизни святителя.

И то, как просил Алексий Сергия Радонежского отпустить одного из его учеников – Андроника на игуменство в московский Спасский монастырь. Митрополит основал эту обитель в 1361 году. Она стоит и поныне в Москве – Андроньевский монастырь, где находится Музей древнерусской живописи. И как встречал Алексия по возвращении из Орды отец Дмитрия Донского – Иоанн II Иоаннович Кроткий. И как, чувствуя приближение своей кончины, уговаривал Алексий Сергия Радонежского стать митрополитом московским. И как сам готовил себе гробницу в Чудовом монастыре. И как на отпевании стояли у гроба святителя его духовные сыновья – Дмитрий Иванович Донской, двоюродный его брат Владимир Андреевич Храбрый, или тоже Донской. И как присутствовал при обретении мощей святителя внук Донского – великий князь Василий II Васильевич Темный, первый поклонившийся нетленным останкам все в том же Чудовом монастыре.

…Есть в Москве уголок, который вызывает совсем особенное ощущение. Пречистенские ворота – со всеми приметами современного города. Станция метро. Карусель троллейбусов. Нескончаемый поток щегольских иномарок. Газон на месте исчезнувших старых домов. Открытые реставраторами и тут же превращенные в выставочно-ресторанный комплекс палаты XVII века. Притулившийся на ходу памятник идеологу учения, в которое, так и не вчитавшись, просто перестали верить. Бетонно-пластиковый монолит храма Христа Спасителя, с росчерками подъездных путей, рядами «секьюрити», множеством непонятного стиля и назначения фонарей. И щемящее чувство пустоты.

Недавно снесенный угловой дом, на стыке Остоженки и Пречистенки, первая московская квартира Василия Ивановича Сурикова. В ней он работал над первым и единственным в своей жизни заказом – для «Христа Спасителя». Здесь родился сюжет одного из лучших полотен художника – «Боярыни Морозовой».

В некогда стоявшем на месте храма Христа Алексеевском монастыре пытали женщин-узниц. В XVII столетии. Сюда привезли на мучения 19 ноября 1671 года сначала княгиню Авдотью Прокопьевну Урусову, потом ее сестру Федосью Прокопьевну Морозову. Боярыню. Чтобы страхом и болью заставить отречься от своей веры. А у ворот монастыря стояли толпы москвичей. В топкой грязи. На остром ветру. Под секущей до слез порошей. Многие на коленях. И ждали с трепетом душевным, кто победит в неравном поединке: палачи или узницы. Княгиня и боярыня не покорились. Они так и остались в народной памяти символом бунта против насилия, против своеволия власть имущих, олицетворением способности человека до конца выстоять за свободу своего духовного мира. Какой же была она в действительности – героиня суриковского полотна?

На первый взгляд особых заслуг за немолодым Глебом Ивановичем Морозовым, взявшим за себя вторым браком семнадцатилетнюю красавицу Федосью Соковнину, не числилось. Но боярином, как и оба его брата, был. С незапамятных времен владели Морозовы двором в самом Кремле, на взрубе, неподалеку от Благовещенского собора. Их предок Григорий Васильевич получил боярство в последние годы правления Ивана Грозного. До Смутного времени владел двором кремлевским Василий Петрович Морозов, человек прямой и честный, ставший под знамена князя Пожарского доверенным его помощником и соратником, не таивший своего голоса в Боярской думе, куда вошел с первым из Романовых. В Кремле же родились его внуки Глеб и Борис, которому доверил царь Михаил Федорович быть воспитателем будущего государя Алексея Михайловича.

Здесь уже нужна была не столько прямота, сколько талант царедворца: и нынешнему царю угодить, и будущего, не дай господь, не обидеть. Воспитание венценосцев – дело непростое. Борис Иванович всем угодил, а чтобы окончательно укрепиться при царском дворе, женился вторым браком на родной сестре царицы Марьи Ильиничны – Анне Милославской. Так было вернее: сам оплошаешь, жена умолит, золовка-царица в обиду не даст, племянники – царевичи и царевны – горой встанут. Милославских при дворе множество, дружных, во всем согласных, на выручку скорых.

Да и брат Глеб не оплошал – жену взял из соседнего кремлевского двора князей Сицких, владевших этой землей еще во времена Ивана Грозного, когда был их прадед женат на родной сестре другой царицы – Анастасии Романовны.

Правда, с опалой Романовых, которых Борис Годунов обвинил, будто решили они извести колдовскими корешками всю его царскую семью, с того самого страшного 1600 года многое изменилось. Все равно добились Романовы власти, а добившись, не забыли и пострадавшей из-за них родни. К тому же Сицкие продолжали родниться с Романовыми. Один из них – князь Иван Васильевич женился на сестре патриарха Филарета, родной тетке царя Михаила. Зато после кончины первой своей боярыни мог себе позволить Глеб Морозов, отсчитавший уже полсотни лет, заглядеться и просто на девичью красоту, посвататься за Федосью.

Теперь пришло время радоваться Соковниным. Хоть и не клали себе охулки на руку на царской службе, все равно далеко им было до царских приближенных Морозовых. Разве что довелось Прокопию Федоровичу дослужиться до чина сокольничего, съездить в конце 1630 года посланником в Крым да побывать в должности калужского наместника. Но замужество дочери стоило многих служб.

И не только мужу пришлась по сердцу Федосья. Полюбилась она и всесильному Борису Ивановичу, и жене его, царицыной сестре, да и самой царице Марье Ильиничне. Собой хороша, нравом строга и наследника принесла в бездетную морозовскую семью – первенца Ивана.

Любила ли своего Глеба Ивановича или привыкла к старику, ни о чем другом и помыслить не умела, тосковала ли или быстро притерпелась? Больше молчала, слова лишнего вымолвить не хотела. А ведь говорить умела, и как говорить! Когда пришлось спорить о своей правде, о том, во что поверила, во что душу вложила, проспорила с самим митрополитом восемь часов: «И бысть ей прения с ними от второго часа нощи до десятого». Может, и не убедила, не могла убедить, да ведь говорила-то к делу, возражала. Переспорить ее не сумели.

Может, в упорстве своем похожа была Федосья на тех далеких своих дедов баронов Икскюлей, которые, повздорив со шведским королем, предпочли уйти на службу к Ивану Грозному, перешли в православие, чтобы навсегда отречься от обидчика, и прикипели сердцем и верностью к новой земле, хоть бунтарского нрава и не уняли.

Сын того первого, взбунтовавшегося барона фон Икскюля – Василий, полковой голова в русских войсках, и дал своим потомкам фамилию по полученному им прозвищу – Соковня. Василий Соковня. Потомки обрусели, титулом пользоваться перестали – не было такого в обычаях Русского государства, но с гордостью фамильной не расстались, держались дружно, друг от друга не отступаясь. Вот и около Федосьи встала и сестра Евдокия, ставшая княгиней Урусовой, и братья – Федор и Алексей. Не отреклись, царского гнева и опалы не испугались. Остался в их роду бунт против тех, кому принадлежала власть. Тот же брат Алексей был казнен в 1697 году Петром I за то, что вместе с Иваном Циклером решил положить конец его царствованию, а брат Федор, несмотря на полученный боярский чин, оказался в далекой ссылке. Позже, во времена Анны Иоанновны, не кто иной, как Никита Федорович Соковнин поплатится за сочувствие Артемию Волынскому, за планы переустроить власть на свой – не царский образец.

Покорство – ему в соковнинском доме, видно, никто Федосью Прокопьевну толком не научил. Пока жила с мужем, воли себе не давала. Но в тридцать овдовела, осталась сам-друг с подростком-сыном, тогда-то и взяла волю, заговорила в голос о том, что и раньше на сердце лежало, – о правильной вере.

И потянулись к Федосьиному двору в переулке на Тверской, сразу за нынешним Театром имени Ермоловой, сторонники раскола. Пошел по Москве слух с новой праведнице и проповеднице. Может, не столько сама была тому причиной, сколько протопоп Аввакум, вернувшийся из сибирской ссылки и поселившийся в доме покойного боярина Глеба Морозова. «Бывало, сижу с нею и книгу чту, – вспомнит протопоп, – а она прядет и

слушает». Вот только откуда пришло к ней сомнение в истинности привычной веры, убежденность в правоте, бунт против никонианских затей исправления иконописания, богослужебных книг, самих по себе церковных служб?

Бунтовали крестьяне. Бунтовали горожане из тех, кто трудом изо дня в день добывал пропитание и хлеб. Бунтовали окраины. С утверждением никонианства исчезал последний призрак свободы. Двоеперстие становилось правом на свою веру, благословляло душевный бунт против неправедных земных владык. Какое дело, чем разнились правленные и неправленные книги, – главным было неподчинение. В завзятости споров скрывалось отчаяние сопротивления, с момента зарождения своего обреченного на неудачу и гибель. Машина разраставшегося государства не знала пощады в слаженном скрипении своих бесконечных, хитроумно соединенных шестеренок и колес.

Но что было здесь делать боярыне, богатейшей, знатной, одной из первых при царском дворе и во всем Московском государстве? Какие кривые завели ее на эти дороги? Ослепленность верой? Но никогда при жизни мужа особой религиозностью Федосья не отличалась. Жила как все, поступала как иные. Или сказало и здесь свое слово время – желание понять себя, обо всем поразмыслить самому? Человек XVII века искал путей к самому себе, и разве всегда эти пути были очевидными и прямыми?

И еще – сознание собственной значимости. Аввакум скажет – гордыни: «Блюдия самовозношения тово, инока-схимнкца. Дорога ты, что в черницы попала те, грязь худая. А кто ты? Не Федосья ли девица преподобномученица. Еще не дошла до тое версты». И сам же испугается своей правды: как-никак боярыня, как-никак не простой человек – «Ну, полно браниться. Прости, согрешил».

А воля словно сама шла в руки, прельщала легкостью и неотвратимостью. В 1601 году не стало боярина Бориса Ивановича Морозова, главного в семье, перед которым и глаз не смела поднять, даром что и любил и баловал невестку. Годом позже разом не стало мужа и отца – в одночасье ушли из жизни боярин и калужский наместник. Еще через полтора года могла распорядиться принять ссыльного протопопа, объявить себя его духовной дочерью.

Царский двор глаз со вдовой боярыни не спускал и вмешался сначала стороной: не успел Аввакум проделать путь из Сибири до столицы, как к концу лета 1664 года был снова сослан в Мезень. Ни покровительство, ни заступничество Федосьи не помогли. Надо бы боярыне испугаться, притихнуть, а она, наученная неистовым протопопом, пришла в ярость, начала сама проповедовать, не скрываясь, смутила сестру, прибрала к рукам сына. Теперь уже к ней самой приступили с увещеванием, постарались приунять, утихомирить. И увещевателей нашли достойных ее сана, ее гордыни.

Разговор с Федосьей Прокопьевной повели архимандрит Чудова кремлевского монастыря Иоаким и Петр Ключарь. Кто знает, как долго говорили с отступницей, только, видно, ничего добиться не смогли. За упорство к концу 1664 года отписали у боярыни половину богатейших ее имений, но выдержать характер царю не удалось.

Среди милостей, которыми была осыпана царица Марья Ильинична по поводу рождения младшего сына, Иоанна Алексеевича, будущего соправителя Петра I, попросила она сама еще об одной – помиловании Федосьи. Алексей Михайлович не захотел отказать жене. Иоанн Алексеевич родился в августе, а 1 октября того же, 1666 года были выправлены бумаги на возврат Федосье Прокопьевне всех морозовских владений.

И снова поостеречься бы ей, не перетягивать струны, уйти с царских глаз. Но то, что очевидно для многих царедворцев, непонятно Федосье, избалованной вниманием теремов. Для нее нечаянная, вымоленная царицей милость – победа, и она хочет ее испытать до конца. Все в ее жизни возвращается к старому: странники на дворе, беглые попы, нераскаявшиеся раскольники. Федосья торжествует, не замечая, как меняются обстоятельства и время. Уходят из жизни ее покровители, теперь уже последние: в сентябре 1667 года невестка – царицына сестра Анна Ильинична Морозова, в первых днях марта 1669-го – вместе со своей новорожденной дочерью сама царица.

И странно: благочестивейшая, богобоязненная, в мыслях своих не согрешившая против

власти церкви, против разгула никонианской грозы, царица Марья Ильинична не видела греха в «заблуждениях» Федосьи Морозовой. Разве и сам царь Алексей Михайлович не знакомился с Аввакумом, не привечал его и на первых порах не прочь был обойтись с неистовым протопопом как с Федором Ртищевым? Лишь бы не посягал на каноны слитой с государством церкви. А ведь Федор Ртищев воинствовал со всей церковью, желал жить по воле своего разума и совести, а не по предписаниям церковным.

Отбыв все испытания сибирской ссылки, Аввакум напишет о возвращении в Москву в своем «Житии»: «Также к Москве приехал и, яко ангела Божия, прияша мя государь и бояря, – как мне ради. К Федору Ртищеву зашел: он сам из полатки выскочил ко мне: благословился от меня, и учали говорить много-много, – три дня и три нощи домой меня не отпустил и потом царю обо мне известил. Государь меня тотчас к руке поставить велел и слова милостивые говорил: „здорово ли де, протопоп, живешь, еще де видатца Бог велел“. И я сопротив руку ево поцеловал и пожал, а сам говори: „жив Господь, и жива душа моя, Царь-государь; а впредь, что изволит Бог“. Он же, миленький, вздохнул, да и пошел, куда надобе ему… Давали мне место, где бы я захотел, и в духовники звали, чтоб я с ними соединился в вере; я же все сие яко уметы (грязь. – Н. М.) вменил…»

Отказ стоил Аввакуму ссылки на Мезень. Час Федосьи Морозовой наступил позже. И не стал ли главной ее виной гордый отказ прийти на свадьбу царя с новой женой Натальей Нарышкиной?

Для Федосьи два года не срок, чтобы забыть царю о покойней царице Марье Ильиничне. Против нового брака восстали все. И царские дети – родила их Марья Ильинична тринадцать человек, и заполонившие дворец Милославские – появление новой царицы означало появление новых родственников, новую раздачу мест и выгод. Даже церковники – каких милостей было ждать от питомца Артамона Матвеева. «Учинили дуростию своею не гораздо», – скажет Алексей Михайлович в указе о дьяках, осмелившихся не пустить на свои дворы царских певчих с непривычным на Руси – демественным пением. За «дурость» следовало наказание. К тому же дьяков оказалось много, а среди противников вторичной женитьбы Алексея Михайловича решилась пренебречь царской волей одна Федосья Прокопьевна. Когда царский посланец пришел приглашать боярыню Морозову на царскую свадьбу (по-прежнему одной из первых!), Федосья решается на неслыханный поступок – отказывается от приглашения и плюет на сапог гонца. Чаша терпения Алексея Михайловича переполнилась. Расчеты государственные перехлестнулись с делами личными. В ночь на 16 ноября того же, 1671 года строптивая боярыня навсегда простилась со свободой.

После прихода к ней чудовского архимандрита Иоакима Федосью Морозову вместе с находившейся у нее в гостях сестрой, княгиней Евдокией Урусовой, решают запереть в подклет морозовского дома. Федосья отказывается подчиниться приказу. Никто не властен над хозяйкой, и слугам приходится снести ее в назначенное место на креслах. Это и будет ее первая тюрьма.

Но даже сделав первый шаг, Алексей Михайлович далеко не сразу решается на следующий. Может, и не знает, каким этому шагу быть. Два дня колебаний, и митрополит Павел получает приказ допросить упрямую раскольницу. Допрос должен вестись в Чудовом монастыре.

Но Федосья снова отказывается сделать по своей воле хотя бы шаг. Если она понадобилась тем, в чьих руках сила, пусть насильно несут ее куда хотят. И вот от морозовского двора на Тверской направляется в Кремль невиданная процессия. Федосью несут на сукне, рядом идет сестра Евдокия. Только в тот единственный раз были они в дороге вместе. Так же на суконах отнесут Федосью домой после десяти часов прений. Митрополиту Павлу так и не удастся переубедить строптивицу.

А ведь, казалось, все еще могло прийти к благополучному концу. Митрополит Павел не собирался выказывать свою власть и в мыслях не имел раздражать Соковниных и Милославских. Царская воля значила много, но куда было уйти от родового именитого

боярства. Цари менялись – боярские роды продолжались, и неизвестно, от кого в большей степени зависели князья церкви. Но оценить осторожной снисходительности своего следователя Федосья Морозова не захотела. Донесения патриарху утверждали, что держалась боярыня гордо, отвечала «дерзко», каждому слову увещевания противоречила, во всем вместе с сестрой «чинила супротивство». Допрос одинаково обозлил обе стороны. Полумертвую от усталости, слуги отнесли боярыню в подклет собственного дома под замок, но уже только на одну последнюю ночь.

Алексею Михайловичу не нужно отдавать особых распоряжений, достаточно предоставить свободу действий патриарху. Иосаф II сменил Никона, ни в чем не поступившись никонианскими убеждениями. Это при нем и его усилиями произошел окончательный раскол. Те же исправленные книги для богослужений. Те же строгости в отношении пренебрегавших этими книгами священников. Попы, следовавшие дониконианскому порядку служб, немедленно и окончательно лишились мест. Все неповинующиеся церкви предавались анафеме. И хотя Иосаф вернулся к форме живой проповеди в церкви, хотя неплохо писал сам и охотно печатал чужие разъясняющие нововведения труды, переубеждать Морозову не собирался никто.

Наутро после допроса в Чудовом монастыре Федосье вместе с сестрой еще в подклете родного дома наденут цепи на горло и руки, кинут обеих на дровни, да так и повезут скованными и рядом лежащими по Москве. Путь саней лежал мимо Чудова монастыря.

Известные вплоть до настоящего времени документы утверждали, будто путь дровней с узницами лежал в некий Печерский монастырь. На самом деле речь шла не о монастыре, а о монастырском подворье, которое было приобретено в 1671 году у Печерского монастыря для размещения в нем Приказа тайных дел. Подворье было предназначено для пребывания Федосьи. Евдокию в других дровнях отправили к Пречистенским воротам, в Алексеевский монастырь. Княгиня Урусова ни в чем не уступала сестре. Ее велели водить на каждую монастырскую церковную службу, но княгиня Авдотья не шла, и черницам приходилось таскать ее на себе, силой заталкивая в особые носилки.

Для одних это была «крепость человеческая», для других «лютость», но для всех одинаково – поединок с царской волей. Утвержденный на Московском соборе в мае 1668 года раскол был делом слишком недавним, для большинства просто непонятным. Но москвичи были на стороне бунтовщиц. Тем более женщин, тем более матерей, оторванных от домов и детей. Скорая смерть Иосафа II – через несколько месяцев после ареста Морозовой, – а за ним и его преемника Питирима – в апреле 1673 года – воспринимались знамением свыше. «Питирима же патриарха вскоре постиже суд Божий», – утверждал современник.

А ведь новоположенный патриарх Пиритим никак не хотел открытых жестокостей. Ему совершенно незачем начинать свое правление с суда над знатными и уже успевшими прославиться в Москве непокорными дочерями церкви. Он готов увещевать, уговаривать, ограничиться, наконец, простой видимостью раскаяния. Старый священник, он знает – насилие на Руси всегда рождало сочувствие к жертве и ненависть к палачу. Москва только что пережила Медный бунт, и надо ли вспоминать те страшные для обитателей дворца дни! Но царь упорствует. Называвшийся Тишайшим, Алексей Михайлович не хочет и слышать о снисхождении и дипломатических компромиссах. Строптивая боярыня должна всенародно покаяться и повиниться, должна унизиться перед ним.

Да и настоятельница Алексеевского монастыря слезно молит избавить ее от узницы. Не потому, что монастыри не привыкли выполнять роль самых глухих и жестоких тюрем – так было всегда в Средние века, – не потому, что Урусова первая заключенная в этой обители. Настоятельница заботится о прихожанах – к Урусовой стекаются толпы для поклонения. Здесь всегда окажешься виноватой и перед власть предержащими, и перед москвичами. О доброй славе монастыря приходится радеть день и ночь, и Питирим хочет положить конец чреватому осложнениями делу: почему бы царю не выпустить обеих узниц, а уж он сумеет наложить на них самую тяжелую епитимью. Бесполезно!

Сначала были муки душевные. Сын! Прежде всего сын… Не маленький – двадцатидвухлетний, но из воли матери не выходивший, во всем Федосье покорный, из-за нее и ее веры не помышлявший ни о женитьбе, ни о службе. И мать права – ему не пережить ее заключения. Напрасно Аввакум уверял: «Не кручинься о Иване, так и бранить не стану». Может, и духовный отец, а все равно посторонний человек. Ведь недаром же сам вспоминал: «…И тебе уж некого четками стегать и не на ково поглядеть, как на лошадки поедет, и по головки нековo погладить, – помнишь, как бывало».

Помнила. Еще как помнила! Душой изболелась, печалуясь о доме, пока чужой, никонианский поп не принес страшную весть, что не стало Ивана, что никогда его больше не увидит и даже в последний путь не сможет проводить. От попа пришла и другая весть – о ссылке обоих родных братьев, что не захотели от них с Евдокией отречься. Новые слезы, новые опустевшие в Москве дома. Знала, что сама всему виною, но теперь-то и вовсе окаменела в своем упорстве, выбрала муки и смерть, и они не заставили себя ждать.

Алексей Михайлович не сомневался в «лютости» Федосьи. Так пусть и новый патриарх убедится в ней. Боярыню, скованную, снова привезут в Чудов монастырь, чтобы Питирим помазал ее миро. Но даже в железах Федосья будет сопротивляться, осыпать иерарха проклятьями, вырываться из рук монахов. Ее повалят, потащут за железный ошейник по палате, вниз по лестнице и вернут на былое Печерское подворье.

Со следующей ночи на Ямском дворе приступят к пыткам. Раздетых до пояса сестер станут поднимать на дыбу и бросать об землю. Федосье достанется провисеть на дыбе целых полчаса. И ни одна из сестер Соковниных не отречется, даже на словах не согласится изменить своей вере.

Теперь настанет время отступать царю. Алексей Михайлович согласен – пусть Федосья на людях, при стечении народа, перекрестится, как требует церковь, троеперстием, просто поднимет сложенные для крестного знамения три пальца. Если даже и не свобода, если не возврат к собственному дому – да и какой в нем смысл без сына! – хотя бы конец боли, страшного в своей неотвратимости ожидания новых страданий. В конце концов, она только женщина, и ей уже под сорок.

И снова отказ «застывшей в гордыне» Федосьи. Снова взрыв ненависти к царю, ставшему ее палачом. Теперь на помощь Морозовой пытается прийти старая и любимая тетка царя – царевна Ирина Михайловна. Да, она до конца почитала Никона, да, ее сестра, царевна Татьяна Михайловна с благословения опального теперь уже патриарха училась живописи и написала лучший никоновский портрет, но примириться с мучениями всеми в теремах любимой Федосьи тетка не могла. Ирина Михайловна просит племянника отпустить Морозовой ее вину, прекратить хотя бы пытки, успокоить московскую молву. Алексей Михайлович неумолим. «Свет мой, еще ли ты дышишь? – напишет в те страшные месяцы Аввакум. – Друг мой сердечный, еще ли дышишь, или сожгли, или удавили тебя? Не вем и не слышу; не ведаю – жива, не ведаю – скончали. Чадо церковное, чадо мое драгое, Федосья Прокопьевна. Провещай мне, старцу грешну, един глагол: жива ли ты?»

Это было чудо: она еще жила. Жила и когда перенесли в Новодевичий монастырь, оставив без лекарственных снадобий и помощи. Жила и когда ее переправили от бесконечных паломников на двор старосты в Хамовниках. Жила и когда распоряжением вконец рассвирепевшего царя была отправлена в заточение в Боровск. Федосья еще не достигла вершины своей Голгофы.

Для начала стылые волглые стены сруба-тюрьмы. Конечно, без дров и печи. Едва тронутое светом зарешеченное окошко. Звонкий холод, которого не могло осилить ни одно лето. Голод – горстка сухарей и кружка воды на день. И тоска. Звериная, отчаянная тоска. Царь, казалось, забыл о ненавистной узнице. Казалось…

Но Боровск трудно, попросту невозможно забыть. Боровск – не Мезень и не Пустозерск, где кончит свои дни Аввакум. Всего восемьдесят верст от столицы – не дальний край, хоть и доводилось городу быть пограничным, стоять на стыке Московского государства с Литвой. Именно боровских наместников выбирал Алексей Михайлович для

самых ответственных посольских дел. В 1659 году уехал отсюда Василий Лихачев послом во Флоренцию, а в 1667-м другой наместник – Петр Иванович Потемкин отправился послом сначала в Испанию, потом во Францию. Город все время оставался на виду. И не потому ли выбрал его Алексей Михайлович для постоянно тревожившей его бунтовщицы.

После двух будто канувших в небытие лет, в апреле 1675 года, в Боровск приезжает для розыска по делу Морозовой стольник Елизаров со свитой подьячих. Он сам должен провести в тюрьме обыск-допрос, убедиться в настроениях узницы и решить, что следует дальше предпринимать. Стольнику остается угадать царские невысказанные желания. Откуда боярыне знать, что, чем бы ни обернулся розыск, он все равно приведет к стремительному приближению конца.

Сменивший стольника в июне того же года Федор Кузьмищев приедет с чрезвычайными полномочиями: «…указано ему тюремных сидельцов по их делам, которые довелось вершить, в больших делах казнить, четвертовать и вешать, а иных указано в иных делах к Москве присылать, и иных велено, которые сидят не в больших делах, бивши кнутом, выпущать на чистые поруки на козле и в провотку…»

Дьяк свое дело знал. Его решением будет сожжена в срубе стоявшая за раскол инокиня Иустина, с которой сначала довелось делить боровское заточение Морозовой. Для самой же Морозовой и Урусовой Федор Кузьмищев измыслит другую меру ужесточения наказания: их опустят в глубокую яму – земляную тюрьму. Теперь они узнают еще большую темноту, леденящий, пропитанный запахом земли могильный холод и голод. Настоящий. Как приговор. Решением дьяка им больше не должны давать еды. Густой спертый воздух, вши – все было лишь прибавкой к мукам голода и отчаяния.

Решение дьяка… Но несмотря на все запреты, ночами сердобольные боровчане пробираются к яме с едой. Не приходят со стороны – не выдерживает сердце у самих стражников. Вот только, кроме черных сухариков, ничего не решаются бросать. Не дай бог, проговорятся узницы, не дай бог, каким стоном выдадут их тайну.

Евдокия дотянет только до первых осенних холодов. Два с половиной месяца проживет еще Федосья Прокопьевна: боярыни не станет 2 ноября 1675 года.

И перед смертью что-то сломится в ней, не выдержит муки. Она попросит у стражника: «Помилуй мя, даждь ми колачика, поне хлебца. Поне мало сухариков. Поне яблочко или огурчик». И на все получит отказ. Как-никак служивый человек: не могу, не смею, боюсь. Но в одном стражник не сможет отказать Федосье – вымыть на реке единственную ее рубаху, чтобы помереть и лечь в гроб в чистом.

Шла зима. В воздухе висел белый пух. Спуститься в земляной мешок было неудобно, и стражники вытащили окоченевшее тело Федосьи на веревочной петле. За шею.

А участники разыгравшейся драмы начинают уходить один за другим. Ровно через три месяца после Федосьи Прокопьевны не стало царя Алексея Михайловича. В Пустозерске был сожжен в срубе протопоп Аввакум. В августе 1681 года, также в ссылке, скончался Никон. А в 1682 году к власти пришла от имени своих младших братьев правительница царевна Софья. Уж она-то меньше всего собиралась поддерживать старообрядцев, боролась с ними железной рукой. Но братьев Соковниных вернула из ссылки. Разрешила им перезахоронить Федосью и Евдокию и поставить над их могилой плиту.

Место это на городском валу получило название Городища и стало местом паломничества. И. Е. Забелин воспроизвел его. Но в сегодняшнем Боровске уже нет памятной плиты, и можно лишь приблизительно определить ее положение: на месте Городища поднялся современный многоквартирный дом.

Связанная с Чертольем легенда о гиблом месте, впрочем, возникла много раньше мучений боярыни Морозовой. Когда инокинь Алексеевского монастыря после пожара 1547 года перевели в Кремль, место их обители в 1565 году отошло под опричнину и было застроено дворами ее начальников, в том числе самого Малюты Скуратова. Существует предположение, что найдено и его погребение.

С отменой опричнины и суровых запретов даже вспоминать о ней (одно лишь

упоминание по указу Ивана Грозного каралось смертной казнью) монастырь возвращают в 1572 году на место опричных дворов. Но этот – по счету уже третий переезд – не был в истории монастыря последним. В 1838 году указом императора Николая I обитель, как и соседние с ней древние храмы, были снесены для освобождения строительной площадки под храм Христа Спасителя. На этот раз переезд монастыря оказался очень дальним – его перевели в Красное село, по современным ориентирам – на Верхнюю Красносельскую улицу.

Первоначальная идея храма-памятника, родившаяся в день, когда в российских границах не осталось ни одного наполеоновского солдата, то есть 25 декабря 1812 года, воплотилась в результате международного архитектурного конкурса в проект на Воробьевых горах Александра Лаврентьевича Витберга. Но восторженно принятый современниками проект не был реализован. Причин подобного отказа от строительства приводится немало. Наиболее широко принимаемая историками версия – якобы Витберг не справился со сложнейшей отчетностью по строительству, не сумел противостоять ловким дельцам, упорно стремившимся к привычным высоким барышам.

Так или иначе, 16 апреля 1827 года Комиссия по сооружению храма Христа Спасителя была закрыта. Подвергнутый унизительному следствию, лишенный всего своего крохотного состояния и имущества Витберг был сослан в Вятку. И все-таки главная, если не единственная причина прекращения строительства – нежелание нового императора продолжать дело, начатое его предшественником. Перестройка Москвы – а Николай I задумывает именно ее – должна быть связана только с его собственным именем.

Новое строительство основывалось на новых принципах. Николай I сам определил его место – вблизи Кремля. Единолично – безо всяких конкурсов – решил вопрос об архитекторе. Императорский выбор пал на недавнего выпускника Академии художеств, еще никак не заявившего себя в архитектуре, Константина Андреевича Тона. Тон находился в пенсионерской поездке в Италии и выполнил там проект возобновления дворца цезарей на Палатинском холме, который и обратил на себя внимание Николая I. В 1829 году, по возвращении в Петербург, молодой архитектор получает заказ на строительство храма Христа, и не только.

Два проекта – Витберга и Тона – разделило десять с небольшим лет, но эти годы очень много значили для русской истории. Высочайший подъем патриотизма на гребне победы в Отечественной войне 1812 года, образование декабристских обществ и – события на Сенатской площади, трагедия, пережитая русским обществом, в ряду которой стояла и гибель Александра Грибоедова. Николай I обращается к диктату в отношении культурной и художественной жизни России, тем более в отношении храма-памятника. Храм будет проектироваться и строиться на протяжении полувека – от Июльской революции во Франции до Парижской коммуны, от возникновения общества «Молодая Италия» до разгрома «Народной воли». Николай I стремился к созданию символа самодержавия, для русского же общества в выраставшем храме по-прежнему воплощались те чувства и надежды, которые объединяли народ в 1812 году, – великое противостояние, далеко не всеми в наши годы осознаваемое.

Перепланировка Москвы полностью поручается К. А. Тону. Храм Христа Спасителя должен закрепить один конец дуги, на другом, в Симоновом монастыре, архитектор сооружает грандиозный пятиярусный храм-колокольню. Внутри дуги оказывается Большой Кремлевский дворец. Кроме того, Тон строит в том же Кремле здание Оружейной палаты, а на Каланчевской площади Николаевского (Санкт-Петербургского) вокзала.

Никто из историков не упоминает о том, какое значение имело для художников участие в строительстве храма Христа. Это не заработок, не нажива. Скульптор П. К. Клодт открывает тайну своих товарищей по искусству: работа именно для храма Христа была для каждого из них приобщением «к великому памятнику народного долга и любви к родней земле».

Между тем перевод монастыря из Чертолья не был безразличен для москвичей. Одна из

самых стойких легенд утверждала, что перед переездом настоятельница Алексеевского монастыря распорядилась приковать себя к дверям соборного монастырского храма и, когда солдаты применили к ней силу, прокляла именем святителя Алексея освобождаемое место, чтобы ни одно строение, которое здесь встанет, не приносило пользы людям.

Красное село по существу было далеким загородом. Стояло оно на берегу давшего ему название самого большого в Москве и ее окрестностях Красного пруда, площадью равного Кремлю, то есть более двадцати семи гектаров. В детстве Петр I приезжал сюда ходить под парусом, здесь на праздник Троицы собиралась едва ли не вся Москва на красочные гулянья с балаганами, вертепами, каруселями.

По примеру самого Петра в селе ставятся дворы его приближенных, и прежде всего сестры царевны Натальи Алексеевны, А. Д. Меншикова. Жители села слыли весьма зажиточными – соседство больших дорог! – независимыми нравом людьми. Еще в годы Бориса Годунова это они приняли гонцов от Лжедмитрия и вместе с ними пошли «воевать Бориса», принимая деятельное участие во всех последующих событиях Смутного времени.

Но с началом Северной войны у Петра не оставалось ни времени, ни желания заниматься Красным селом. Туда переводится Пушечный двор, постепенно пустеют и меняют владельцев дворы придворных. Сохраняется неизменной только традиция гуляний. И это именно здесь в середине XVIII века итальянский антрепренер Локателли возводит здание театра на две тысячи мест для представлений хотя и на итальянском языке, но очень любимых зрителями.

На плане Москвы 1739 года еще можно было увидеть здание Краснопрудного дворца. Но в путеводителе 1831 года о районе Верхней Красносельской улицы говорилось, что он «точно походит на село: домы рассеяны, малы, деревянные и совсем без плана расположены, но зато при многих домах имеются сады или обширные огороды». Алексеевский монастырь был переведен на землю местной приходской церкви Воздвижения вместе с домами причта и кладбищем.

В дальнейшем именно кладбище стало привлекать к монастырю особое внимание москвичей. Ему отдавалось предпочтение перед многими старыми московскими, и в том числе монастырскими, кладбищами. Здесь были могилы декабристов П. Н. Свистунова, Ф. Г. Вишневского, профессуры Московского университета. С годами все больше появлялось дорогих надгробных памятников. В конце XIX века площадь кладбища существенно увеличилась за счет земли, подаренной обители семьей Гриневых, владевших участками на берегу пруда и непосредственно примыкавших к обители. Отсюда ходившее среди москвичей название «Гриневской крепости», относившееся к территории от Верхней Красносельской до станции Ярославской железной дороги, образовавшейся и расширявшейся за счет постепенно засыпавшегося пруда.

После Октября монастырь был упразднен. Накануне первых выборов в Верховный Совет СССР в Москве возникла необходимость образования нового района для депутата, представлявшего железнодорожников, знатного машиниста тех лет. Соответственно была выделена территория в треугольнике железных дорог, получившая статус Железнодорожного района (впоследствии введен в Сокольнический). Соответственно новый район должен был получить все учреждения уже существующих районов вплоть до Детского парка. Созданием этих парков был занят первый секретарь горкома ВКП(б) Н. С. Хрущев. По его указанию для этой цели отвели монастырское кладбище, тем более что в связи с планом реконструкции города часть монастырских построек уже была уничтожена.

Памятники разбивались, вывозились или закапывались. В наиболее сложных для разрушения склепах устраивались всякие виды развлечений, начиная с тиров. Предполагалось строительство детской железной дороги. Было разбито футбольное поле.

Планы во многом не осуществились из-за начавшейся Великой Отечественной войны. Окончательно же уничтожило Алексеевский монастырь 3-е транспортное кольцо, прошедшее через его территорию.

Последними «властьми» обители были настоятельница игуменья Сергия, казначея

Алексия и протоиерей Алексей Петрович Афонский. При обители состояли также три священника и пятеро дьяконов.

И все же кем был святитель Алексей для Москвы, для москвичей «в родех и в родех»? На иконе Дионисия «Алексей митрополит с житием» есть три клейма – чудо об умершем младенце. Действие происходит в Чудовом монастыре. Посередине, у высокой двухъярусной звонницы, родители оплакивают умершее дитя. Слева Алексей, выступивший из собора Чуда, протягивает руку к окутанному погребальными пеленами младенцу. Справа мать воскрешенного ребенка передает священнику церкви «во имя Алексея» икону с его изображением. Изображением великого московского святителя.

Икона Дионисия поступила в Третьяковскую галерею сразу по окончании Великой Отечественной войны – из Кремля.

Зачатьевский монастырь

Несмотря на перенос обители – первоначального Алексеевского монастыря в Кремль, ее место осталось для москвичей «нерушимым», по выражению современников. Тем более что на этом месте остался лежать прах обеих сестер святителя Алексея, для которых и был основан монастырь, – Юлиании и Евпраксии.

В сторону Москвы-реки тянулись одни из лучших в округе, так называемые Самсоновские поемные луга, составлявшие собственность великих князей. Они граничили с селом Семчинским, косилось на них сено для царских конюшен и ставилось в стога, откуда пошло название улицы – Остоженка. Село впервые упоминается еще в духовной грамоте Ивана Калиты. Примерно посередине современной нам улицы находилась Конюшенная слобода – отсюда название Староконюшенного переулка, а в конце ее, у Крымского моста, слобода Стадная, где жили «стадные конюхи». Кропоткинский переулок в свое время назывался Стадной улицей.

Все эти земли при Иване Грозном отошли в опричнину, а вскоре после смерти царя, в 1584 году, царь Федор Иоаннович восстанавливает на старом месте монастырь – Зачатьевский, как моление царственной четы о разрешении бесплодия, угрожавшего Ирине Годуновой отлучением от мужа и постригом.

Как известно, моление привело к рождению царевны Феодосьи, вскоре, однако, скончавшейся. Между тем в 1614 году монастырь горел, в 1623-м был восстановлен. Немалые вклады делают в него царь Алексей Михайлович и его первая супруга Марья Ильинична Милославская, в том числе знаменитый напрестольный крест с жемчугами. До наших дней сохранились отдельные монастырские постройки XVII–XIX веков, в которых размещалась, в частности, пользовавшаяся доброй славой монастырская больница, имевшую отдельную церковь и священника. Им перед Октябрьским переворотом был Константин Александрович Веселовский. Кроме него монастырь имел еще двух священников и трех дьяконов. Больница Зачатьевского монастыря принимала неизлечимых больных.

Симонов монастырь

Всего же паче убогих не забывайте, но елико могуще по силе кормите, и придавайте сироте, и вдовицю оправдите сами, а не давайте, а не вдавайте сильным погубить человека.

Ни права, ни крива не убивайте, не довелевайте убити его, еще будеть повинен смерти; а душа не погубляйте никакояже хрестьяны.

Речь молвяче, и лиху в добру, не кленитися богом.

Паче всего гордости не имейте в сердце и в уме, но рцедо: смертни есмы, днесь живи, а заутра в гробе; се все, что ны еси вдал, не наше, но твое, поручил, ны еси на мало дний; и в земли не хороните, то ны есть великъ грехъ.

Старыя чти яко отца, а молодая яко братью…
Из «Поучения Владимира Мономаха». Конец X в.

Сторожи Москвы – сколько веков их образ воплощался в Симоновом монастыре, могучем, высоко поднятом над излучиной Москвы-реки, обращенном к самой опасной для столицы стороне света – югу и южным степям. Не случайно именно он сразу после Октябрьского переворота был превращен в Музей древнерусского военного, гражданского и церковного зодчества. Здесь их единение ради интересов государства, ради защиты москвичей представлялось наиболее наглядным и выразительным. Даже в могучем оборонном ожерелье города он был самым важным, а вокруг самый восточный – Спас-Андроньев монастырь, на левом берегу Москвы-реки, Новоспасский и Симонов, на правом – Данилов, далее от реки обращенный к степным дорогам Донской и самый западный – Новодевичий.

Три крутых берега реки, а с четвертой стороны непроходимое, «гиблое», по выражению наших предков, ныне полностью высохшее Сукино болото. Поблизости заложил свою обитель родной племянник и воспитанник Сергия Радонежского, сын его брата Стефана, Иван – в монашестве Федор.

На тринадцатом году отец привел сына в пустынь Сергия Радонежского и благословил на пострижение. Достигнув священства, Федор просил разрешения на основание отдельного общежительного монастыря. Сергий поддержал племянника, несмотря на молодой его возраст. Это был 1370 год, а спустя девять лет в судьбу обители вмешался великий князь Дмитрий Иванович, будущий Донской. В 1379 году по его подсказке и просьбе, вызванной стратегическими соображениями, обитель была перенесена на полверсты в сторону. Старое же ее место поныне отмечает церковь Рождества Богородицы в Старом Симонове, где покоится прах посланных Сергием Радонежским на Куликовскую битву монахов Осляби и Пересвета.

Федор приобрел исключительное доверие великого князя, который назначил его своим духовником, часто посещал обитель, часами беседовал с настоятелем. В Симоновом монастыре останавливался в каждый свой приезд в Москву и Сергий Радонежский, считая его «отраслью» будущей Троице-Сергиевой лавры.

Назначение архиепископом Ростовским не слишком обрадовало святого Федора. Прожил он в Ростове недолго, скончался в 1394 году. Памятью о нем остались основанный архиепископом женский монастырь в честь Рождества Богородицы и, как принято считать, им же самим написанная икона Богородицы, ставшая местной святыней. Мощи святого сохранялись под спудом в ростовском Успенском соборе.

Симонов монастырь становится своеобразной академией, воспитывающей многих православных князей церкви. Одним из первых следует назвать преподобного Кирилла Белозерского. Родившийся в Москве в 1337 году, Кузьма (мирское имя) был юношей пострижен в монахи, а шестидесяти лет от роду, в 1397 году, ушел в Белозерскую область к озеру Сиверскому, где основал знаменитый Кирилло-Белозерский монастырь, в котором прожил еще тридцать лет. От Кирилла осталось три литературных памятника – послания к трем братьям князьям, по определению Шевырева, «написанных простым языком и исполненных иноческого смирения».

Воспитанником Симонова монастыря был и митрополит московский Иона. Иона родился в Солигаличе, двенадцати лет принял постриг и впоследствии перевелся в московскую обитель. Суровый хранитель монашеских устоев, он не раз подвергался гонениям, и тем не менее в 1427 году был поставлен епископом Рязани и Мурома, а после смерти митрополита Фотия собором иерархов избран в митрополиты.

Однако по установленному порядку подобное избрание требовало подтверждения от Константинопольского патриарха. В этом Иону опередил другой соискатель. Ионе пришлось дождаться его низложения, и только тогда с согласия патриарха он получил посвящение в митрополиты Московские, но уже собором русских священников в Москве (1448). Отныне

русская церковь становилась полностью независимой от константинопольской.

Уважение и доверие к Ионе были так велики, что великий князь в 1451 году, оставляя столицу, чтобы собрать войско против ногайцев, охрану города доверил Ионе с боярами. По свидетельству современников, когда ногайцы подожгли одно из московских предместий, Иона, отстаивая Кремль, в густом дыму и пламени совершил крестный ход по кремлевским стенам, и пламя утихло. И это только одно из чудес, связываемых с именем святителя.

Оставшиеся после Ионы сочинения относятся к лучшим памятникам древнерусской литературы. Это «Евангелие келейное» и тридцать восемь учительных посланий. Одни из них толкуют о благосостоянии государства и порядке внутреннего управления, другие – об охране православия, многие содержат утешения скорбящим, обращавшимся к нему за помощью частным лицам.

Деятельность московского митрополита Геронтия, тесно связанного с Симоновым монастырем, – время правления Ивана III Васильевича. Поставленный в митрополиты из епископов Коломенских, Геронтий вызвал немалое замешательство в церковных кругах произведенным им обрядом освящения кремлевского Архангельского собора в 1479 году. Геронтия обвинили в том, что он при совершении обряда ходил неправильно – «ходил не по солнцу». Возникшие прения способствовали распространению и укреплению жидовствующей ереси, почему митрополит решил добровольно удалиться в Симонов монастырь. Великому князю Ивану III стоило большого труда уговорить Геронтия вернуться на кафедру. Его помощь руководству государства была тем более нужна, что митрополит постоянно уговаривал великого князя окончательно свергнуть татарское иго. Не стало Геронтия в 1489 году.

К той же симоновской плеяде относился и знаменитый инок Вассиан, в миру князь Василий Иванович Косой Патрикеев, который так яростно возражал против развода Василия III с великой княгиней Соломонией Сабуровой. Вассиана постигла жестокая опала, обостренная враждой к нему многих князей церкви: князь был убежденным противником монашеского стяжательства.

Вассиан Косой, в миру князь боярин Василий Иванович Патрикеев, не по своей воле принявший монашество во время опалы великого князя Московского Ивана III на старую боярскую партию. Местом его первоначального пребывания под монашеским клобуком стал Кирилло-Белозерский монастырь, где неожиданно для близких князь обратился к «книжным наукам» и проповеди заволжских старцев во главе с Нилом Сорским. Нил Сорский был постриженником того же монастыря и вблизи от него основал свою пустынь, проповедуя пустынножительство монашествующих.

Преимуществом Вассиана была его начитанность, блестящее знание современной литературы и наличие собственных незаурядных литературных талантов. Он умел отстаивать свои взгляды и успешно это делал, особенно в острой борьбе с Иосифом Волоцким, выступившим в период Собора 1504 года с увещанием великому князю основать в Московском государстве инквизицию и начать казнить еретиков. Вассиан не допускал и мысли о смертной казни во имя христианства как противоречащей самой сущности христианских догм.

Родственник великого князя Василия III, Вассиан сначала пользовался его полным доверием как правдивый и беспристрастный советчик. Он получил возможность переехать в Москву и поселился в Симоновом монастыре, изредка наезжая в кремлевский Чудов. Полемика с Иосифом Волоцким не принесла ему столько противников, сколько его возражения против владения монастырей вотчинами.

Ревностного сторонника и помощника в этом последнем Вассиан получает в лице Максима Грека, с которым знакомится в том же Чудовом монастыре. И Вассиана, и Максима Грека поддерживает митрополит Варлаам, но в 1522 году митрополичий стол занимает иосифлянин Даниил, который в своем противоборстве с ними начинает опираться на великого князя. Именно в это время Василий III задумывает перемену государственного курса и связанную с ним женитьбу на княжне Глинской.

Категорические возражения Вассиана приводят к тому, что по приговору собора он ссылается в тот самый Иосифо-Волоколамский монастырь, с которым враждовал, и вскоре умирает в его стенах, как утверждали современники, «насильственной смертью». Ту же версию его кончины подтверждает и князь Андрей Курбский.

Тяготение знати к Симоновой обители оставалось постоянным. Именно здесь разыгралась трагедия касимовского царевича Симеона Бекбулатовича, принявшего православие и по прихоти Ивана Грозного венчанного в 1574 году на русское царство. Грозный сам оказывал ему царские почести, требовал того же и ото всех придворных.

Название свое обитель получила от одного из первых попечителей – инока Симона, в миру боярина Стефана Васильевича Ховры, пожертвовавшего монастырю собственную землю.

В документах, связанных с Москвой, имя боярина появляется в последнем десятилетии XIV века, сразу после Куликовской битвы. К Московскому князю переходит на службу грек Стефан Васильевич по прозвищу Ховра, Хомра или Комра. В отношении последнего существовали разночтения. Первый вариант имел русский перевод: ховра – свинья, неряха, ховрить – грязнить, неряшничать. Родословная книга и вовсе утверждала прозвище за сыном Стефана – Григорием. Григорий Стефанович был известен тем, что строил в Симоновом монастыре каменную соборную церковь Успения, одну из самых больших в Москве после кремлевских соборов. Строительство закончилось в 1405 году, и с того времени монастырь стал усыпальницей его рода.

Владимир Григорьевич пользовался отцовским (или дедовским) прозвищем как фамилией – Ховрин. Был он доверенным великоняжеским казначеем и располагал собственным двором в Кремле. От предков унаследовал Ховрин страсть к строительству, воздвиг каменную церковь в основанном им самим Крестовоздвиженском монастыре, там же совершил свой подвиг в битве с татарами.

Вторая каменная церковь была им сооружена на своем кремлевском дворе – у Спасских ворот, неподалеку от разобранного со временем Чудова монастыря. Помимо дома в Кремле И. Е. Забелин в «Материалах по истории Москвы» называет еще двор Ховрина на Подоле, у Боровицких ворот, перешедший затем к великим князьям. Потомки Григория Ховры располагали значительными земельными наделами. Число и размеры последних постоянно увеличивались, поскольку должность великокняжеского казначея переходила у Ховриных из поколения в поколение на протяжении XV–XVI веков.

Сын Владимира Ховрина Иван достиг при этой должности сана боярина. Прозвище Голова, данное ему, по словам легенд, за то, что был крестником великого князя, превратилось в фамилию для потомков. Головины сменили Ховриных, хотя память о последних и не стерлась. Владимиру Григорьевичу и Ивану Владимировичу Голове Москва и Кремль обязаны строительством Успенского собора. Они обеспечили организацию и финансирование этих работ.

Но Григорий Ховра, который со своей женой Агриппиной в Симонове «церковь большую каменную воздвигли и кельи многие поставили», не был первым крупным вкладчиком монастыря. Уже Дмитрий Донской на содержание обители дал «воды Еллинские и Лелюховские на Волге, близ Нижнего Новгорода, с озерами, песками и заводями», оборудованный соляной завод у Соли Галицкой с двумя солевыми колодцами и Медвежьи озера в Московском уезде. На земельные наделы не скупились ни старший сын Дмитрия Донского, Василий I, ни младший, который проживал здесь и скончался иноком.

Внимание к монастырю определялось помимо всего остального тем, что Симоновская возвышенность была очень удобна для обороны речного пути по реке Москве и сухопутного по Коломенской дороге, ведшей к Кремлю. Новый Симонов монастырь был настоящим военным фортом и на реке, и на дороге.

В половине XV века Симонов монастырь располагал уже значительными земельными владениями в Московском, Можайском, Ржевском, Белоозерском, Углицком, Костромском, Галицком, Нижегородском, Владимирском, Переславском и Муромском уездах. В них

монастырь собирал рожь, овес, сено, горох. Он заводил доходные промыслы: соляные варницы у Соли Переславской, мельницы на реке Яузе и в других местах Московского уезда, рыбные ловли на Волге, в Ржевском уезде на озерах Сыроменце и Керегоще, на реке Селижарове. И все это богатейшее хозяйство освобождалось от княжеских промысловых налогов и торговых пошлин.

Рост доходов позволяет монастырю начать на своей территории заменять деревянные сооружения каменными. В 1485 году была построена Трапезная палата. Примерно в те же годы на вкладные деньги казначея Ивана III Владимира Ховрина возводятся церковь Преображения, «колокольница» и кирпичная ограда.

В XVI веке правильное ведение монастырского хозяйства продолжает увеличивать доходы, не говоря о расширении владений за счет дарений и вкладов. Так появляются владения Симонова монастыря в Псковской земле, Новгородском крае, Тверском, Коломенском и Дмитровском уездах. Очень большими были и поступавшие в обитель денежные вклады. Так, Иван Грозный дает 1400 рублей, из них 700 на «поминовение убиенных», а вторая половина – «опальных людей». Общий вклад постриженника Симонова монастыря Ионы Гнильевского достигает 900 рублей. Казначей Ивана Грозного Петр Иванович Головин жертвует 300 рублей на постройку новой обширной трапезной палаты, поскольку в старой сто семьдесят старцев обители уже разместиться не могли.

В монастыре начинались большие каменные постройки. Перестраивался Успенский собор монастыря. На подсобных работах здесь использовались вотчинные симоновские крестьяне со своими лошадьми, в связи с чем на срок с 1543 по 1549 год они были освобождены от всех пошлин на царя. Возводится громадная трапезная палата с церковью и службами (ныне не существующая).

Вклады в монастырь текли рекой, не говоря о том, что монастырские постриженники должны были приносить с собой в обитель облачения, сукна, приводить коней, сбрую. Делались многочисленные приношения по пятидесяти рублей на вечный помин. Борис Годунов при обмене пустошей дал вкладу 600 рублей. В 1593 году у входных ворот была построена каменная церковь Происхождения честных древ Креста – в память отражения нашествия полчищ Казы-Гирея.

Немалое значение имело и то, что именно Симонов монастырь был взят Грозным «в опричнину». Для царя было важно, что около монастыря, у восточной его стены, ногайскими татарами велась торговля лошадьми. Пригонялось до шестнадцати тысяч голов при пяти тысячах торговцах и пятидесяти ответственных послах. Гарнизон монастыря постоянно «доглядывал» за этим скоплением чужеземцев.

Большой ущерб нанес Симонову монастырю период Смутного времени. В 1610 году его осаждали казаки во главе с Иваном Болотниковым, от которых монастырский гарнизон отбивался при помощи монахов. Из грамоты князя Пожарского от 1613 года следует, что находилась обитель в состоянии крайнего разорения, которое коснулось всего монастырского хозяйства. Монастырь перестал получать обычные свои доходы. На его землях вперемежку хозяйничали поляки, литовцы, не отказывали себе в незаконных поборах и местные власти.

Грамотой от 22 февраля 1613 года от лица Пожарского и «по боярскому приговору и по совету всей земли» запрещается брать с Галицкой Симонова монастыря вотчины «казачьи кормы и подати», потому что «с Симоновских вотчин возят запасы в монастырь на монастырских всяких осадных людей», иначе говоря – на постоянный гарнизон, состоявший из двухсот человек.

Грамотами 1613, 1622 и 1623 годов все прежние земельные владения закрепляются за обителью. В 1621-м сюда поступает новый значительный вклад в Ярославском уезде от князей Мстиславских: «два погоста, сельцо Ивановское, 94 деревни, 13 пустошей и 6 починков с лугами, лесами и всякими угодьями». Мстиславские же строят рядом с главным Успенским собором монастыря церковь Одигитрии – Толгской Божьей Матери.

В 1643 году родственниками царя Михаила Федоровича по матери – Сулешевыми,

потомками татарских мурз, вносится богатейший вклад земельными владениями, строится рядом с собором церковь Знамения, делаются поражавшие современников богатством – стоимостью до двух тысяч рублей – царские врата в Успенский собор. Но едва ли не главное – монастырь получает от Сулешевых материал и одну тысячу рублей на постройку новой ограды, существующей в фрагментах и поныне, – могучей стены военного назначения с пятью громадными башнями. Общая сумма пожертвований приближалась к восьми тысячам золотых рублей.

Пользуясь постоянно прибывавшими вкладами и собственными доходами, монастырь приступает к строительству каменных зданий на своей территории. Наряду со стенами возводятся три больших здания монашеских келий. Рядом с древней трапезной 1485 года появляется каменный корпус для мастерских монастыря: иконописной, швейной, сапожной, столярной и других. Сразу после вступления на престол царя Федора Алексеевича возводится каменная церковь Знамения на Луговых восточных воротах вместо разобранных старых храмов Одигитрии и Знамения.

В 1680 году была подряжена артель каменщиков из семидесяти человек из оброчных крестьян разных помещиков за 1100 рублей для постройки громадной трапезной с церковью вместо той, что существовала с XVI века с западной стороны собора. В 1683-м та же артель надстраивает Конюшенный корпус. В следующем году появляется каменная больница рядом с Ксенофонтовской церковью, рассчитанная на двенадцать постелей для старцев.

Вступление на престол Петра I положило конец процветанию Симонова монастыря, как, впрочем, и почти всех обителей в России. Введенное Петром Синодальное Экономическое правление отбирало на свои нужды большую часть монастырских доходов. Земельные владения Симонова монастыря в то время достигали 6000 десятин средней и «худой» земли, около 2000 десятин пашенного – обращенного под пашню – и непашенного леса. Крестьян насчитывалось более 12 000 душ.

Окончательный упадок наступает после объявленной Екатериной II секуляризации монастырских владений в 1764 году. Общая сумма поступлений в год составляла в Симоновом монастыре 4389 рублей 45 копеек. Из них 1622 рубля отчислялось в Синодальное Экономическое правление и 526 рублей 26 копеек на содержание отставных военных чинов. На приходе монастыря оставалось 2241 рубль 19 копеек, из которых около 173 рублей приходилось сбрасывать на недоимку крестьян.

Тем самым общая сумма чистого годового дохода составляла 2000 рублей. Отсюда 313 рублей шло на жалованье монашествующим, 165 рублей – слугам, на одежду и обувь послушникам 190 рублей, остальные тратились на церковные нужды и прокормление всей братии. Естественно, при таком скромном бюджете говорить о новых постройках вообще не приходилось.

Эпидемия чумы 1771 года привела к тому, что Симонов монастырь был закрыт, превращен в госпиталь и начал снова действовать только 4 апреля 1795-го, но от старого размаха уже не осталось и следа. В 1812 году обитель насчитывала всего тринадцать старцев. Противостоять разграблению французскими частями монастырь не мог. Юго-западная его часть сильно пострадала от пожара. Должны были взлететь на воздух его стены и башни. Но подведенные под башни подкопы не нанесли особенного вреда. Последующий ремонт и содержание обители стали осуществляться из государственных средств по окладу монастырей первого класса. На деле это означало, что, лишенный почти всех земельных угодий и доходов от них, монастырь получал 2017 рублей 50 копеек в год при штате в тридцать три монашествующих и двадцать пять служителей. На починку построек выдавалось не более 300 рублей.

Положение монастыря было бы совсем тяжелым, если бы не такие крупные жертвователи, как Мусины-Пушкины, Лепехины, Боборыкины, Терликовы, Иван Игнатов, Старцев, Алябьевы и Бахрушины. В течение XIX века они предоставляют монастырю на постройки и починку в общей сложности около миллиона рублей. В результате возводится громадная колокольня-храм на месте древней звонницы, Больничный корпус у Никольской

(бывшей Знаменской) церкви, Трапезная палата (по обращении трапезы 1680–1683 годов в зимний собор) и два придела – Сергиевский и Валентиновский. Значительно был переделан древний Архимандричий корпус у главных ворот. Обновлению подвергся и главный Успенский собор в части ремонта стен и снаружи и внутри, глав и росписи стен.

Сегодня ни полного периметра монастырских стен, имевших в длину около 600 метров, ни ансамбля монастырских построек не существует. Монастырь был ликвидирован сразу после Октября, а в 1930 году началось строительство на месте разобранных зданий и стен Дворца культуры Пролетарского района (архитекторы братья Веснины), превращенного затем в Дворец культуры завода ЗИС. И все же есть смысл попытаться совершить прогулку среди исчезнувших памятников, одну из самых любимых москвичами в конце XIX – начале XX века, причем обычно сюда приезжали на речных пароходиках, чтобы подняться по крутому склону к Святым воротам.

Башня Дуло представляет один из наиболее интересных и талантливых образцов древнерусской оборонной архитектуры. Она служила главной сторожевой вышкой (в два яруса), центром защиты монастыря, но и хлебным складочным запасным амбаром. Особенно грандиозно впечатление, которое производит ее внутреннее помещение. Ряды окон маскируют тяжесть конструкции, которая, кажется, повисает в воздухе. Башня располагает четырьмя боевыми ярусами и каменным шатром. В основе фундамента лежат огромные валуны.

Исчезли обращенные к реке так называемые Водяные ворота, через которые в монастырь доставляли воду. В их толще сохранялись пазы, в которых ходили спускающиеся по особому проему в стене решетки, часто встречавшиеся в средневековых крепостях и называвшиеся герсами. Герсы обычно поднимались обратно на блоках из верхнего сторожевого помещения над воротами. В спущенном виде такие решетки полностью закрывали проемы ворот, которые к тому же обеспечивались и крепкими створами.

О грандиозной колокольне, к которой москвичи относились очень сдержанно, считая ее неуместной в ансамбле монастыря, историк архитектуры 1920-х годов С. А. Торопов писал: «Современная колокольня – типичный памятник мастера упадочного периода русского зодчества эпохи Николая I, прекрасного для своего времени техника-строителя, но плохого художника, так что Симоновская колокольня ценна как раз не с точки зрения искусства, а со стороны строительной техники этого времени… Ее архитектура необычайно скучна, тяжела, мало нарядна и представляет результат творчества по заказу. После известной катастрофы 1825 года (событий на Сенатской площади. – Н. М.) Николай I решил всячески руссифицировать и искусство. К. А. Тон, аккуратный, педантичный чиновник от архитектуры, мало даровитый ученик гениального Воронихина, как нельзя более подходил к роли беспрекословного исполнителя высочайшей воли. Классик по образованию, он при тогдашних скудных и сбивчивых сведениях в археологии работает по воле царя в „византийском“ и „русском“ стиле. Колокольня Симонова является выразительнейшим шедевром этого своеобразного „тоновского“ совмещения трех архитектурных стилей».

Сохранившаяся южная стена включает три башни: Дуло, Старую и Новую. Чрезвычайно массивная стена имеет за зубцами проход – галерею на арках, или так называемый верхний бой. Воронкообразные проемы внизу служили для защиты основания стены и назывались приспособлениями «подошвенного боя».

Галерея тянулась круговым обходом, проходя сквозь башни для удобства перегруппировки защитников. На ней располагались бойцы с орудиями, которые стреляли в щелевые просветы. Зубцы служили им каменными щитами. Причем эта линия зубцов стоит не на самой стене, а на особых выдвинутых из нее вперед кронштейнах.

Между кронштейнами в полу верхней галереи были оставлены отверстия для поражения подступавшего к самым стенам врага. В них сбрасывали камни, сыпали песок, известь и т. п.

Для того чтобы не подпускать врага к стенам и поражать его с боков фланговым огнем, на расстоянии выстрела возводились могучие башни, выступавшие далеко за линию стены. В

зависимости от рельефа местности и диктуемых ею условий обороны башни могли быть круглые, квадратные, многоугольные, правильные и неправильные в плане. Внутри башен сооружалось несколько этажей. В их стенах также делались круглые или щелевидные отверстия, часто располагавшиеся в шахматном порядке.

Верх башен имел открытый балкон, отвечавший по назначению верхней галерее стен. Высокие шатры башен несли сторожевые вышки – смотрильни для сторожевого дозора. Ныне не существующая Солевая башня, помимо оборонного значения, служила и местом хранения запасов соли. Соль из монастырских солеварен запасалась на многие годы и составляла важнейший из источников содержания Симонова монастыря. Ее недостаток во время осады монастыря мог вызвать заболевание гарнизона цингой. Эта же башня называлась Вылазной, так как имела по сторонам малые «вылазные» воротца.

Следующая башня – Кузнечная – выступала углом из глади стены. Эта форма была наиболее выгодна для стрельбы в подступавшего неприятеля с верхних соседних «боев» стены.

Из старых построек монастыря сохранилась великолепная трапезная, при которой в свое время была также гостиная палата для приема наезжавших высокопоставленных лиц и с западной стороны гульбище-смотрильня в виде башни, чтобы любоваться открывавшимися видами на реку и на Москву. Очень интересны огромные подвалы под самой трапезной и древние палаты в башне-смотрильне. Первые предназначались для хранения продуктов, вторые когда-то служили жильем.

Долгое время в советские годы продолжали существовать монашеские кельи. Обычно очень узкие, они представляли как бы цепь отдельных жилых ячеек, каждая с собственным входом. Из-за многочисленности братии строителям приходилось обстраивать кельями почти весь периметр стен. За ними находились черные дворы. Это расположение подсказывалось также желанием, сохранить внутри монастырских стен как можно больше площади для фруктовых садов, служебных дворов и непременного кладбища, которое приносило обители постоянный и очень значительный доход.

Из могил XIX века здесь были наиболее известны погребения семей Загряжских, Олениных, Дурасовых, Соймоновых, Ислентьевых, Муравьевых, Вадбольских и многих других. Среди них сохранялась могила Д. В. Веневитинова, поэта, скончавшегося на двадцать втором году жизни и почтенного вырезанной на надгробном камне эпитафией: «Как знал он жизнь, как мало жил…»

В одном ряду с веневитиновской могилой находились памятники семьи Аксаковых – самого Сергея Тимофеевича и его сына Константина, всего на несколько месяцев пережившего отца.

С Симоновым монастырем связана одна из романтических страниц истории русской литературы. Около обители находился так называемый Лисьин пруд, около которого Н. М. Карамзин увидел свою героиню – «бедную Лизу», утопившуюся в его водах. С момента выхода повести пруд стал для москвичей Лизиным, и кто только не совершал паломничества к его берегам.

И трагическая страница в истории нашей музыки – деле «русского соловья».

…Который раз застать хозяина дома не удавалось. Впрочем, у настойчивого гостя дел к нему не было. Тимофей Миронович Времев выбрался из Воронежской глуши обернуться с деньгами. Опекунский совет, заемные письма, долговые обязательства – забот хватало. Визит к композитору Александру Александровичу Алябьеву в Леонтьевский переулок был всего лишь данью памяти добрых старых лет. Офицеры расквартированного в Воронеже полка нередко наведывались в соседнюю Голофеевку. Алябьеву доводилось и живать у хлебосольных ее владельцев. Голофеевский помещик Времев был уверен – им найдется о чем поговорить, что вспомнить. Тем более он уже больше месяца жил в Москве и днями собирался возвращаться домой.

21 февраля 1825 года. За столом в алябьевском доме сам композитор, его товарищ по полку Давыдов, Времев, Калугин, сосед Времева по поместью и спутник по московской

поездке. Бывший уездный стряпчий в Скопине. Бывший подсудимый. Из докладной записки графа Бенкендорфа Николаю I: «Калугин, оставленный по суду в подозрении за лихоимство в повальном обыске, оглашенный любодеем и бежавший дважды из-под караула». Для двадцати восьми прожитых стряпчим лет Одиссея слишком достаточная, но почему-то не отпугнувшая Времева. У них общие дела, общие планы.

К концу обеда подъедут Н. А. Шатилов и И. А. Глебов. Шатилов – муж сестры композитора, Варвары Александровны, Глебов – еще одна случайная и, подобно Времеву, необязательная встреча. В 12-м году познакомились, в послевоенные годы вообще не видались. Только что приехавший в Москву, теперь уже майор в отставке, в первый раз оказался в алябьевском доме.

Разговоры. Воспоминания. Непременная музыка – так много хозяин редко играл и пел. И все же гости разошлись задолго до полуночи. Первым Глебов, за ним Времев и Калугин, последним зашедший навестить Екатерину Александровну, другую сестру, жившую с братом, Шатилов. Алябьева жила на другом этаже и к гостям Алябьева выходила редко.

Версий последующих событий, как и распорядка всего вечера, сложится множество. Собравший все возможные сведения Бенкендорф не сомневался: вернувшись от Алябьева, Времев лег спать. Наутро им был задуман сложный и непонятный на первый взгляд финт. Времев выезжает из Москвы и ночует на постоялом дворе в Чертанове. Но на следующий день возвращается в столицу, где у него оказывается множество дел. Только такие мастера сыскного дела, как знаменитый Яковлев, могли во всех подробностях их восстановить.

Оформил доверенность и дал заемное письмо другому своему соседу по имению и ближайшему приятелю Калугина, некоему Антонову. Купил в рядах и отправил своим ходом в Воронеж повозку. Сделал десяток прощальных визитов. Записался у полицейского офицера в книгу отъезжающих. Выкупил заложенные часы. После всех хлопот вернулся в Чертаново и долго растирался на ночь мазями, жалуясь на недомогание и стеснение в груди.

Из донесения того же сыщика Яковлева следовало, что 27 февраля Времев «рано разбудил человека Андрея проводить себя на двор для телесной нужды, куда и пошли; а как он стал испражняться в виду того человека, упал и умер». На постоялом дворе остался один Калугин.

Дальше все пошло установленным порядком. Полицейский протокол. Вскрытие. Заключение уездного лекаря Корецкого: смерть произошла «от сильного апоплексического удара, коему споспешествовали сырое тела его сложение, преклонные лета и какое-нибудь сильное огорчение». В свои пятьдесят с небольшим лет Времев смотрелся стариком. Мысль о «сильном огорчении» вряд ли пришла сама в голову врача. Калугин должен был при всех обстоятельствах позаботиться о собственной безопасности.

Единственный свидетель! Кто бы стал принимать всерьез рассказы слуг. 28 февраля Калугину придется давать Земскому суду показания об обстоятельствах смерти. Ничего подозрительного им сказано не было. Конечно, никакого насилия. Само собой разумеется, и никакой карточной игры. Слова Калугина во всех мелочах совпали со словами времевского «человека», Андрея Иванова. Сомнений в естественном характере наступившей смерти не возникало. Но Калугин должен был дать подписку о невыезде: оставались невыясненными некоторые имущественные вопросы. Количество денег, найденное у покойного, не соответствовало тому, которым он должен был располагать: разница составляла по меньшей мере 1600 рублей.

Недостающие деньги… Помешать погребению они, само собой разумеется, не могли. 3 марта в Симоновом монастыре тело коллежского советника Тимофея Времева было предано земле «по позволению гражданского губернатора и по билету обер-полицмейстера Шульгина 1-го».

5 марта помещик Воронежской губернии в чине губернского секретаря Сергей Александрович Калугин, от роду 28 лет, подал записку в канцелярию военного генерал-губернатора. В записке Алябьев, Шатилов, Давыдов и Глебов обвинялись в крупной и непорядочной карточной игре и драке, приведшей к смерти обыгранного ими на сто тысяч и

отказавшегося расплачиваться Времева.

Записка не имела ни числа, ни подписи доносителя. Подробности о других ее особенностях не сохранились, так как в скором времени она была изъята из начавшегося дела. Объяснения по поводу исчезнувших денег носили достаточно невразумительный характер. Калугин не мог отрицать, что они так или иначе связаны с ним. Часть якобы была передана самим Времевым Антонову, другую по его поручению передал тому же Антонову Калугин. Круг замкнулся. Доноситель, он же единственный свидетель, поддержал сам себя.

Доказательства, приводимые Калугиным, опирались на показания самого Антонова. Их разговор, само собой разумеется, без свидетелей, с глазу на глаз, на следующий день после прощального обеда в Леонтьевском: 24–25 февраля. Калугин будто бы сообщил приятелю о карточной игре, проигрыше и драке, о которых не обмолвился ни словом через четыре дня в показаниях перед Земским судом. Антонов готов присягнуть: все было именно так и именно 25-го.

Другое доказательство – письмо Времева Антонову с многозначительной фразой о «великой неприятности», случившейся «вчерашним днем». Хотя «неприятность» не раскрыта. Правда и то, что «вчерашний день» приходится на 25-е. На письме стояли даты, проставленные рукой отправителя и получателя – 26 февраля.

Много сложнее дело обстояло с почерком. Времевское письмо – Калугин вынужден признаться – было написано почему-то им самим «под диктовку» Времева. Якобы слишком расстроенный Времев ограничился тем, что его подписал. В «Деле о скоропостижной смерти коллежского советника Времева», хранящемся под № 206 первой описи фонда Государственного Совета по Департаменту гражданских и духовных дел, на листе 98-м безоговорочно утверждается несходство подписи в письме с «подлинной рукой» Времева. Варвара Александровна Шатилова-Алябьева будет права в своем последующем заявлении: «Подпись руки Времева, сличенная в Правительствующем Сенате с прочими его письмами, оказалась несходной. На таковом подозрительном акте сооружено обвинение четырех семейств единственно в том намерении, чтобы прикрыть неосновательные донесения начальников губернии».

События начинают развиваться с ошеломляющей стремительностью. Через четыре дня после подачи записки, 9 марта, Калугин дает объяснения гражданскому губернатору Г. М. Безобразову. 11 марта обер-полицмейстер Шульгин 1-й обратится к Московскому митрополиту высокочтимому Филарету за разрешением на эксгумацию тела, и Филарет незамедлительно нужное разрешение дает. Но почему?

Недоумения росли как снежный ком. Почему Шульгин так легко примирился с тем, что всего несколькими днями раньше был обманут Калугиным? Лжесвидетельство всегда считалось преступлением. В глазах ярого службиста обер-полицмейстера тем более. Да и что было считать лжесвидетельством? Первое показание или второе?

За первым стояло лекарское заключение, проверенные полицией обстоятельства, наконец, несколько свидетелей, за вторым ничего. И тем не менее, даже не пытаясь спасти чести мундира – как-никак разрешение на похороны было подписано им же самим! – Шульгин 1-й яростно добивается меры редчайшей и ответственнейшей: а что, если новое вскрытие даст отрицательный результат?

На следующий день после обращения к Филарету у Алябьева, Шатилова, Давыдова и Глебова отбирается подписка о невыезде. 14 марта происходит эксгумация. Действие, которое всегда производится если не втайне, то, во всяком случае, в специальном помещении и в присутствии самого узкого круга профессионально причастных лиц, превращается с ведома и по желанию полиции во всенародное зрелище. Первый и единственный раз в истории Москвы.

Главный помощник Шульгина 1-го, не уступающий ему в ретивости и службистском рвении, полицмейстер А. П. Ровинский приглашает – иного определения не найти – присутствовать всех желающих. Вскрытие будет происходить среди бела дня, в самом Симоновом монастыре – особо оговоренное Филаретом или специально подсказанное ему

свыше условие – при гостеприимно открытых воротах. Никаких ограничений для входа полицией установлено не было.

Сколько их нашлось любопытствующих, жадных до всяких зрелищ? «Не сотни, но, может быть, тысячи, – напишет под свежим впечатлением случившегося Екатерина Александровна Алябьева, – были зрителями сего необыкновенного, ужасного и жалостного зрелища, разнесшегося тотчас по стогнам столицы с ожидаемою баснею».

Сестра композитора была права. Вне зависимости от результатов вскрытия молва должна была объявить участников прощального обеда в Леонтьевском убийцами. Полиция, со своей стороны, не могла допустить благоприятных для обвиняемых результатов – слишком сложным оказалось бы в таком случае положение Шульгина 1-го.

Меры предосторожности были предусмотрены: производившего вскрытие прозектора не привели, как того требовала процедура, к присяге, и – главное – ему не дали подписать протокол. Может быть, потому, что он на это бы и не согласился? Так или иначе, ото всего можно было отказаться, все поставить под сомнение. Путь для слухов, обывательских сплетен и вымыслов был свободен.

Для семьи Алябьевых первый акт начинавшейся трагедии становился тем тяжелее, что разыгрывался у родительских могил. Сюда привезли они прах матери, скончавшейся в Казани. Здесь была могила отца: Александр Васильевич скончался в октябре 1822 года.

Шестьдесят с лишним лет военной и гражданской службы принесли старику величайшее уважение сотрудников и окружающих. С высоким начальством независимый нравом Алябьев-старший не общался, милостей у двора не искал. Исполняя должность правителя Тобольского наместничества, не побоялся принять отправляемого в ссылку Радищева, задержать его на семь месяцев в самом Тобольске, хлопотать об удобствах дороги, снабдить деньгами, разрешить публикацию в местном журнале «Иртыш, превращающийся в Ипокрену». Впрочем, и само появление этого первого в Сибири журнала, как и первой типографии, первого театра с превосходным оркестром, нескольких училищ, было делом Алябьева-старшего. На его памятнике в Симоновом монастыре появилась благодарственная надпись:

Державы твердый столб и сирых благодетель,
По службе правде и царю был чтим,
Как древний храм, где крылась добродетель,
И встретил радостно бессмертия зарю.
Не титлам судии, вельможи
(Он ими не сиял – они сияли им),
Но человеку здесь ты поклонись, прохожий,
И жить и умереть учись над прахом сим.
Благодетелю от подчиненных.

Страшный спектакль в Симоновом монастыре принес необходимые обер-полицмейстеру результаты. Не имевший правовой силы, не подписанный прозектором протокол вскрытия утверждал смерть Времева от жесточайших, вызвавших разрывы внутренних органов побоев. 14 июля дело к производству принял друг Пушкина, судья Иван Иванович Пущин.

Все дворовые Алябьевых продолжали отрицать сам факт карточной игры, тем более драки. После жесточайшего следствия «с пристрастием» – избиениями и прямыми пытками только трое из двенадцати изменили свои показания. Только их судья и включил в дело, упрямые были от него отстранены. Калугин, до тех пор содержавшийся под стражей из-за разнобоя в показаниях, отпущен на свободу, а там и в свое воронежское поместье. Алябьева и его товарищей никто выслушивать не стал. Правда, суду пришлось согласиться на требуемую ими повторную экспертизу останков Времева. Речи не могло быть о новой эксгумации – только об экспертизе по уже существующим протоколам и первоначальному

заключению лекаря Корецкого, составленному сразу же после кончины. И – университетские светила русской медицины обвиняют участников Симоновской трагедии в полной профессиональной неграмотности.

Для автора «Начальных оснований всеобщей патологии», представителя старой московской медицинской династии Ф. А. Гильдебрандта совершенно очевидно: смерть носила естественный характер и никаким насилием не сопровождалась. Мало того, Гильдебрандта неожиданно поддерживает декан медицинского факультета, самый знаменитый и уважаемый доктор Мудров, профессор патологии Медико-хирургической академии. Их доводы абсолютно убеждают даже Бенкендорфа.

23 октября 1825 года на совместном заседании I Департамента Московского уголовного суда и I Департамента Земского суда Алябьев и его товарищи были полностью оправданы за отсутствием состава преступления. Решение могло бы быть единогласным, если бы не особое мнение судьи Ивана Ивановича Пущина. Пусть не было убийства, пусть не было драки, достаточно (недоказанного!) факта карточной игры, чтобы четырех храбрейших офицеров, участников Отечественной войны 12-го года лишить чинов, орденов, дворянства с последующим зачислением в солдаты. Если же по ранениям или по возрасту былые ветераны для военной службы не годились, ее следовало заменить пожизненной ссылкой в Сибирь. По выражению биографа И. И. Пущина Натана Эйдельмана, Иван Иванович не терпел самого духа «гусарской вольницы». Как, впрочем, и вступивший на престол Николай I, подтвердивший в отношении Алябьева: невиновен, но «таких» следует держать как можно дальше от столиц.

Больше до конца своих дней автор «Соловья» не смог побывать у могил родителей в стенах Симонова монастыря.

Новоспасский монастырь

…Села наша лядиною (лесом) поростоша, и вели??ьство наша смирися; красота наша погыбе; богатство наше онемь в користь бысть; труд наш погании наел едоваша; земля наша иноплеменником в достояние бысть; в поношение быхомь живущиим въскраи земля нашея; в посмех быхом врагам нашим… зависть оумножилася, злоба преможе (одолела) ны, величанье взнесе ум наш, ненависть на другы вселися в сердца наша, несытовьство именья поработи ны; не дасть миловати ны сирот; не даст знати человеческого естества; но, акы зверье, жадают насытитися плоти, тако и мы жадаем и не престанем, абы всех погубити, а горкое то имение и кровавое к себе пограбити; зверье едши насыщаються, мы же насытитися не можем, того добывше, другого желаем.

Слово третье Серапиона Владимирского, епископа. 1274–1275 гг.

Один из древнейших в Москве по времени своего основания, один из самых «молодых» по сохранившемуся до наших дней облику – XVII–XVIII века и единственный по числу выпавших на его долю перемещений. Приставка «новый» появилась после последнего из них, относящегося к XV столетию. И к тому же высокочтимая домом Романовых родовая усыпальница, которой в советские годы довелось еще к тому же побывать «зоной» – концлагерем, рядом с которым, в главном соборе, долгие годы хранился научно-технический архив Москвы – десятки тысяч дел на каждую из московских построек.

Обитель основал первый московский князь Даниил на месте нынешнего Данилова монастыря. Но уже около 1330 года великий князь Иван Калита счел нужным перенести монастырь на Боровицкий холм, в Кремль, после чего его стали называть Великокняжеским и Дворцовым. Иван III предпочитает снова вынести обитель из Кремля, и около 1466 года ей отводится место на Васильцовском или Васильцевском Стане, на высоком берегу Москвы-

реки, рядом со двором Сарских и Подонских епископов – отсюда название «Спас на Новом».

В 1491–1497 годах здесь, вблизи Крутиц, возводится каменное здание обители. С избранием на престол Романовых монастырь приобретает значение «царской комнаты», «Великой», «Пресловутой», «Первостатейной». Родовая усыпальница Романовых-Юрьевых-Захарьиных, где покоились древнейшие их представители. В 1687 году насчитывалось более семидесяти их гробниц. Здесь же находились могилы их родственников – князей Сицких, Ярославских, Оболенских, а также Трубецких, Троекуровых, Катыревых-Ростовских, Шестуновых, царевичей Сибирских, князей Куракиных, Гагариных, Дашковых, Волынских, Бутурлиных, Еропкиных, Новосильцевых.

Понятие «царский» давало монастырю множество привилегий по суду и имуществу. Его настоятели получали отличия и преимущества по богослужению. Усыпальница Романовых сохранилась в монастырском Спасо-Преображенском соборе, возведенном в 1640-х годах, от которых остаются великолепный резной иконостас и фресковая роспись. Тогда же начинается строительство каменных стен с пятью башнями, которые заменяют ранее существовавшие деревянные и земляные укрепления. Именно благодаря им монастырь мог выполнять свои обязанности сторожи города.

Новоспасский монастырь.

Но временем настоящего расцвета монастыря становится правление царя Алексея Михайловича. Правда, к моменту его прихода к власти здесь уже стояли дошедшие до наших дней палаты патриарха Филарета, к сожалению, полностью перестроенные в XIX столетии, корпуса братских келий (1642–1644), к которым теперь присоединяется трапезная палата с пристроенной к ней в 1670-х годах церковью Покрова и Хлебодарная палата (1677–1678). В 1647 году в монастырь была перенесена из города Хлынова (Вятки) чудотворная икона Нерукотворенного Спаса.

Новоспасский монастырь в истории русской церкви и государства – это прежде всего патриарх Никон, начало его придворной карьеры и обретения власти. Крестьянский парень из села Вельдеманова Княгининского уезда Нижегородской губернии бежал из дома в Макарьев-Желтоводский монастырь, где усиленно занялся чтением книг и образованием. Однако отцу удалось хитростью выманить его из обители и вернуть домой, где Никиту (мирское имя Никона) ждала женитьба. После смерти родителя Никита принял

священнический сан и получил приход в Москве.

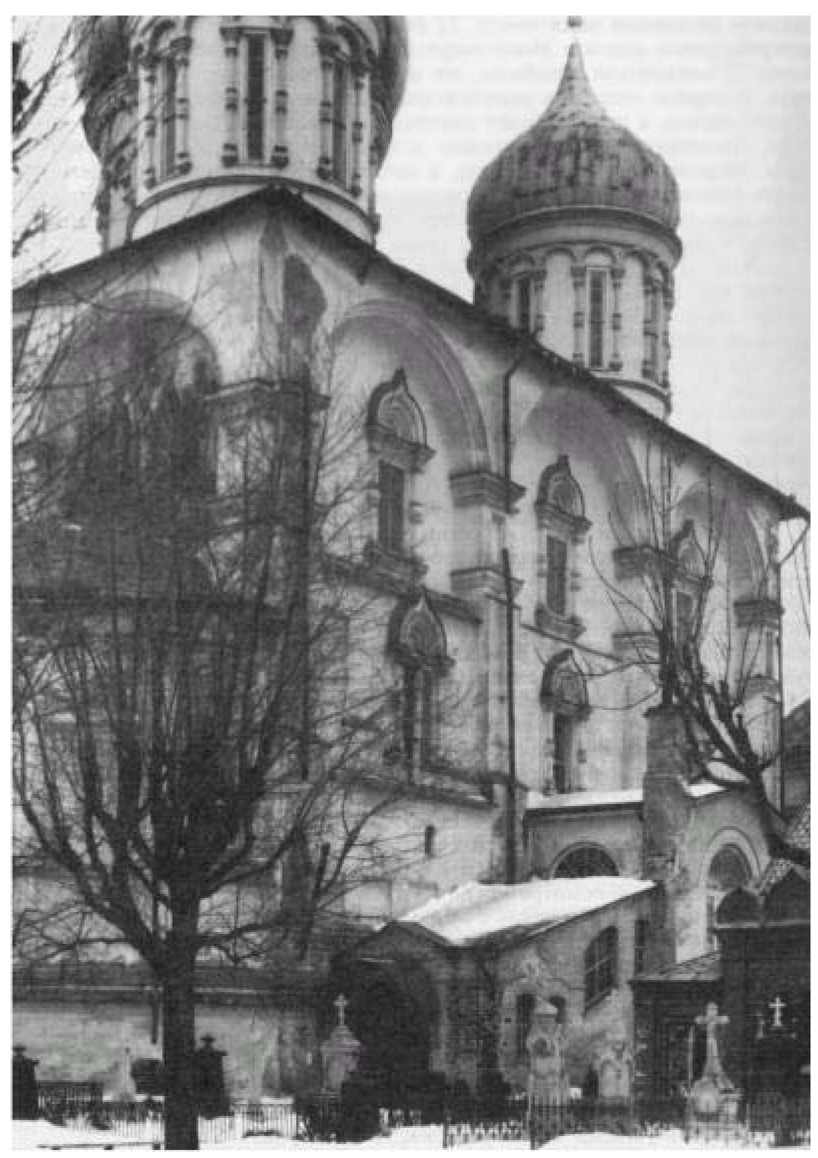
Почти одновременная смерть троих его малолетних детей настолько потрясла Никиту, что он уговорил жену вместе с ним постричься в монастырь. Никита ушел на Белое озеро и там тридцати лет от роду принял монашество под именем Никона. Поссорившись с настоятелем – Никона всегда отличал крутой и неуступчивый нрав, – из-за способа хранения собранных в виде подаяния денег, строптивый монах бежал в Кожеозерский монастырь около Каргополя, поселился на уединенном острове и через некоторое время был избран в игумены.

В 1646 году игумен Никон, по обычаю, отправился в Москву с поклоном к царю, понравился юному Алексею Михайловичу и был посвящен в архимандриты Новоспасского монастыря. Алексей Михайлович часто приезжал в обитель молиться на могилах предков, и это способствовало его сближению с Никоном. Последовало царское распоряжение архимандриту Новоспасскому каждую пятницу приезжать в царский дворец для беседы, что Никон стал использовать для ходатайств за обиженных и угнетенных.

Такой порядок очень понравился царю, и Алексей Михайлович поручил Никону принимать просьбы от всех челобитчиков, искавших царского суда и справедливости. В Новоспасский монастырь стали стекаться толпы ищущих правосудия, а архимандрит снискал всеобщую любовь. В 1648 году Никон был возведен в сан митрополита Новгородского и стал проводить идеи московских ревнителей благочестия, к числу которых относились духовник царя Стефан Вонифатьев и многие будущие враги Никона, начиная с протопопа Аввакума. Все они стремились восстановить более живое общение духовных пастырей с паствой.

Никон стал произносить проповеди, что было новостью. Он запретил в своей епархии «многогласие», когда разные части службы отправлялись одновременно разными голосами для ускорения, «хомовое» или «раздельноречное пение», уродливо растягивавшее слова. Благодаря Никону наряду со славянским появилось в богослужениях пение на греческом языке. По словам современников, «на славу прибрав клиросы предивными певчими и гласы преизбранными», именно Никон устроил по киевскому и греческому образцу «пение одушевленное, паче органа бездушного». Впервые услышав такое пение у Никона, Алексей Михайлович немедленно ввел его в придворной церкви. По мысли Никона, многогласие и «порченное» пение были запрещены повсеместно Московским патриархом Иосифом.

На испрашиваемые у царя средства Никон устраивает в Новгороде богадельни, а во время голода раздачу пищи бедным. И тем не менее здесь митрополит не пользуется любовью из-за предоставленного ему царем права и обязанности наблюдать за мирским управлением. По разным поводам в городе постоянно вспыхивали бунты, во время одного из которых Никон был жестоко избит мятежниками. Алексей Михайлович принял сторону Никона, которого называл в письмах «великим солнцем сияющим», «избранным крепкостоятельным пастырем», «возлюбленником своим и содружебником». Но увидев, что строгость не дает результатов, Никон сам просил царя о прощении мятежников.

Собор Спаса Преображения Новоспасского монастыря. Фото 1920-х гг.

После смерти патриарха Иосифа в 1652 году Никон по желанию Алексея Михайловича был избран в патриархи.

В конце XVII века в соборном храме появляется чрезвычайно интересная роспись. Это изображение древних философов, общей и русской истории в лицах и картинах, родословное древо российских государей, кончая Федором Иоанновичем, и портреты Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. Ризница монастыря была полна царскими вкладами и вкладами главным образом тех, чьи семьи погребались в его стенах. Об этом свидетельствуют монастырские синодики второй половины XVII века. Среди настоятелей монастыря были такие известные церковники, как патриархи Иов и Питирим, Амвросий Орнантский, Филарет Дроздов и другие.

Формированию архитектурного ансамбля Новоспасского монастыря в немалой степени способствовали две постройки XVIII века. Это надвратная колокольня архитектора Ивана Жеребцова (1759–1785) и церковь Знамения архитектора Е. С. Назарова (1791–1795). Но в дальнейшем развитие получает только богатейшее монастырское кладбище – к старому присоединяется новое. Для погребений была открыта и Екатерининская церковь.

С Новоспасским монастырем оказалась связанной судьба одного из самых любимых москвичами, талантливейшего актера и певца Николая Лаврова, которого восторженные поклонники готовы были видеть в образе Аполлона на первой квадриге, украсившей фронтон Большого театра.

Усыпальница бояр Романовых в подклете собора Спаса Преображения Новоспасского монастыря.

…Извозчику достаточно было сказать: «На Арбат, к Кокошкину, что у Бориса и Глеба». Последнее не слишком обычное уточнение о церковном приходе объяснялось тем, что директор московской казенной сцены, иначе – Большого и Малого театров, Федор Федорович Кокошкин, совмещавший государственную службу с театральными переводами и режиссурой, слыл самым восторженным театралом. Его родовой дом находился на Воздвиженке, по стороне Крестовоздвиженского монастыря (№ 11 – не сохранился, снесен в 1983 году). Вступив в новую, связанную с театром должность, он поспешил приобрести второе домовладение, прямо через улицу, за церковью Бориса и Глеба (Никитский бульвар, 6, известный москвичам как Соловьиный дом – снесен в 1998 году). Здесь проводились литературные вечера, читки пьес, репетиции, работала типография для печатания театральных программ и афиш, жили наиболее известные и ценимые актеры, как М. Д. Львова-Синецкая, гостями которой бывали А. С. Пушкин, А. С. Грибоедов, И. А. Гончаров, Ф. Кони). Семьдесят романсов было написано А. И. Варламовым, принимавшим в этих стенах Ференца Листа.

Соловьиный дом – это название родилось едва ли не со дня открытия в январе 1825 года вновь отстроенного после пожара начала века Большого театра, где с таким блеском дебютировал до той поры никому не известный певец Николай Лавров. Настоящие театралы предпочитали иное название – «Кокошкинская академия», и судьба того же Лаврова служила лучшим тому обоснованием.

Совершенно случайно Кокошкину довелось услышать во время церковной службы в Новоспасском монастыре молодого певчего, занимавшегося в свои девятнадцать лет мелкой торговлей лесом. Николай Чиркин никакого представления о театре не имел и не обратил внимания на предложение Кокошкина заняться его образованием. А потом в один прекрасный день сам пришел в дом на Арбатской площади и согласился на все условия хозяина. Федор Федорович по своему методу стал готовить юношу к поступлению на сцену. Ни музыкального, ни общего образования у вчерашнего помощника приказчика не было.

Больше года провел Чиркин в Соловьином доме едва ли не взаперти, занимаясь с раннего утра до поздней ночи. В заключение получил более благозвучную фамилию –

Лавров и появился перед зрителями во время торжественного открытия Большого театра.

Начинал с драматических спектаклей. И если самого Кокошкина отличала любовь к классической трагедии, выспренний стиль, у Лаврова все было наоборот. Он – сама простота и естественность на сцене. Лавров превосходно играл Шекспира и был первым исполнителем роли Мельника в драматической постановке пушкинской «Русалки». Он постоянный партнер Михаила Щепкина, Надежды Репиной, Павла Мочалова, супругов Сабуровых, Булахова. Современники согласно утверждали, что в жанровых ролях Лавров мог потягаться с самим Михайлой Семеновичем.

Не меньшие восторги вызывал и голос Лаврова. Заезжие итальянские знаменитости писали о его необычайно широком диапазоне: он пел партии от теноровых до басовых, и мало кому удавалось слышать второй такой богатейший бас профундо. Для Лаврова писали многие композиторы, и в одном только архиве Алябьева сколько переписано пушкинских строк с неизменной пометкой «Для Лаврова»: «Мой друг, забыты мной следы минувших лет. И младости моей мятежное теченье. Не спрашивай меня о том, чего уж нет, Что было мне дано в печаль и в наслажденье, Что я любил, что изменило мне…»

Новоспасский монастырь.

В 1840 году Лаврову предстояло исполнить в благотворительном концерте гимн Александра Алябьева «Москве благотворительной» для голоса с хором и оркестром. Буквально в канун концерта не стало 35-летнего певца, скончавшегося во время спектакля. Его смерть потрясла московских театралов. В знак траура исполнение гимна Алябьева было отложено на год. Но через год гимн прозвучал вместе с еще одним алябьевским произведением – «Песнью на смерть Лаврова» на стихи поэта Семена Стромилова. А поминальная литургия была отслужена в соборе Новоспасского монастыря.

В канун Первой мировой войны монастырь носил название Новоспасского

первоклассного ставропигиального. Его настоятелем был епископ Евфимий, наместником архимандрит Игнатий, ризничим иеромонах Василий, благочинным иеромонах Парфен. На покое здесь жили епископы Владимир и Василий. Из одиннадцати монахов трое жили на покое. Кроме того, обитель имела семерых иеродьяконов. Службы в Новоспасском монастыре до конца отличались исключительны порядком, благолепием и пением, собирая в полном смысле слова всю Москву.

Андроников монастырь

Преподобный Сергий Радонежский поставил храм Троицы, как зеркало для собранных им в единожитие, дабы взиранием на Святую Троицу побеждался страх перед ненавистной раздельностью мира.

Список Жития Сергия Радонежского. XVI в.

В городских документах Москвы кануна Первой мировой войны для Спасо-Андрониевского, как он в них назван, монастыря нашлось всего несколько строк. Настоятель Сильвестр, казначей игумен Платон, благочинный иеромонах Алексий, семеро иеромонахов, четыре иеродьякона, один монах, один письмоводитель из мирян и регент, хорошо известный в Москве А. Болховитинов, – здешнее пение славилось на весь город. И ни слова о том, что похоронены в его стенах два великих для русской культуры человека – Андрей Рублев и основатель русского драматического театра Федор Волков. К тому же не только в то время, но и до наших дней сохранились здесь древнейшие из каменных сооружений города. Андроникова Спаса Нерукотворного обитель почему-то выпала из круга внимания и исследователей, и просто любопытствующих.

Между тем основан был этот монастырь на берегу Яузы по обету святителя московского митрополита Алексея и на его средства «усердием и трудами» ученика Сергия Радонежского преподобного Андроника, который около 1360 года стал первым игуменом обители. Это был необходимый форпост на юго-восточных подступах к Москве.

В 1420–1427 годах в монастыре сооружается поныне существующий каменный Спасский собор, который расписывают Даниил Черный и Андрей Рублев. Оба эти художника стали легендой русской иконописи, по выражению «Софийской второй летописи», «мужие изрядны велми, всех превосходящи, в добродетели свршени, Даниил именем и Андрей, спостник его». Они многие годы вместе работали и, несмотря на разницу в возрасте, почти одновременно ушли из жизни. Как свидетельствует «Преподобного Иосифа Волоколамского отвещание любо зазорным», «прежде убо преставися Андрей, потом же разболеся и спостник его Даниил, и в конечном издохновении сый, виде своего спостника Андрея во мнозе славе с радостью призывающа его в вечное оно и бесконечное блаженство».

Точные даты жизни обоих окончательно не установлены. Можно предполагать, что Даниил Черный родился около 1360 года и умер после 1430-го. Был он иноком Андроникова монастыря, где находилась и его могила, учителем и ближайшим другом Андрея Рублева. Примерно с 1408 года и до конца жизни пребывал «везде неразлучно с ним».

Андрей Рублев родился около 1370 года и был иноком Андроникова монастыря. В 1405 году работал он в Благовещенском соборе Московского Кремля вместе с Феофаном Греком и старцем Прохором с Городца. Как свидетельствует о том Троицкая летопись. В 1408 году он вместе с Даниилом Черным расписывал стены и писал иконы в Успенском соборе Владимира. В 1420-х годах вместе со старшим товарищем и «некими с ними» работает в Троицком соборе Троице-Сергиевой лавры, как утверждает «Софийская вторая летопись», а в конце того же десятилетия – в Спасском соборе Андроникова монастыря, где и был погребен. Исследователи предполагают, что Андрею Рублеву и художникам его круга принадлежат также миниатюры, заставки и заглавные буквы лицевых рукописей конца XIV – начала XV века: Евангелия Кошки (до 1389), Евангелия Андроникова монастыря (конца XIV – начала XV века, Государственный исторический музей), Евангелия Хитрово (то же время). Не стало мастера 29 января 1430 года в «старости велице» – дата на

несохранившемся надгробии. Само по себе выражение о «великой старости» остается неразгаданным, если не принять версию обозначения таким образом духовного совершенства иконописца. Как говорится в «Книге премудрости Соломоновой», «седина есть – мудрость, и возраст старости – житие нескверное».

Обращение Андрея Рублева к книге было не случайным – на протяжении трехсот лет Андроников монастырь оставался центром переписки рукописных книг. Особых вкладов в обитель не делалось, потому и строительство в нем велось небольшое. В 1504 году появилась сохранившаяся до наших дней трапезная, к которой при поддержке царицы Натальи Кирилловны была пристроена в 1694 году церковь Михаила Архангела. В течение XVII–XVIII веков возводились кирпичные стены, настоятельский и братский корпуса. В XIX столетии стены частично разобрали и восстановили только в 1960 году в связи с размещением в бывшей обители Музея древнерусского искусства и Всесоюзного научного производственно-реставрационного комбината. Собственно музей был основан еще в 1947 году на основе экспонатов, найденных экспедициями в городах и селах России.

Новодевичий монастырь

…Он правит нами,
Как царь Иван (не к ночи будь помянут).
Что пользы в том, что явных казней нет…
Уверены ль мы в бедной жизни нашей?
Нас каждый день опала ожидает,
Тюрьма, Сибирь, клобук иль кандалы,
А там – в глуши голодна смерть иль петля.
А. С. Пушкин. Борис Годунов

Все началось с обета. Присоединив к Москве в 1511 году Смоленск, сын Ивана III и его деспины, великий князь Московский Василий III положил в благодарность основать монастырь во имя Смоленской иконы Божией Матери, неоднократно помогавшей русским войскам в их воинских делах.

Согласно преданию, икона эта написана Евангелистом Лукой и получила имя Одигитрии – Путеводительницы, потому что явившаяся двум слепцам в Константинополе Божия Матерь велела им идти в свой храм и там исцелила их. С тех пор икона обычно участвовала в походах цареградских императоров. Из Иерусалима она была перенесена в Константинополь, где в 1046 году император Константин Мономах благословил ею свою дочь Анну, которую выдал замуж за черниговского князя Всеволода.

В XII столетии сын Всеволода и царевны Анны Владимир Мономах перенес икону в Смоленск, от которого она и получила свое название. В 1237 году, по словам легенды, Смоленская Божия Матерь спасла город, к которому подошли полчища Батыя. Ночью в соборе во время общей молитвы горожан пономарю явилась Богоматерь и послала его к жителю Смоленска Меркурию, чтобы он тут же пришел в храм в полном воинском облачении.

Как только Меркурий в воинской броне вошел в собор, он услышал голос от иконы: «Угодник мой Меркурий! Властитель Ордынский в нынешнюю ночь хочет напасть на город мой со своею ратью и с исполином; но я умолила Сына и Бога моего о доме моем, чтобы не предал его в вражие рабство. Выйди тайно ото всех навстречу врага, и силою Христа ты победишь исполина. Я сама буду с тобою. Но вместе с победою ожидает тебя венец мученический».

Все свершилось по предсказанию. Меркурий смог поразить исполина и отразить рать Батыя с помощью сошедших с небес молниеносных мужей и в присутствии Богородицы. Но и сам Меркурий погиб на поле боя.

В 1398–1399 годах великая княгиня Софья Витовтовна, невестка Дмитрия Донского, отправилась на свидание с отцом, великим князем Литовским, который на прощание

благословил ее Смоленской иконой Божией Матери. Великая княгиня поставила образ в Московском Кремле, на великокняжеском дворе, в церкви Благовещения, где он находился вплоть до прихода к власти ее сына Василия II Темного.

В 1456 году смоляне, находившиеся под властью Польши, обратились к великому князю с просьбой вернуть им отечественную святыню. Чтобы склонить их на сторону Москвы, Василий Темный пошел им навстречу.

Расставание москвичей с иконой было очень торжественным. Князь и митрополит устроили крестный ход, сопровождавший образ почти до места нынешнего монастыря, где был отслужен молебен, в Кремле же остался специально сделанный список с него. Этот древний список и перенесли из Кремля во вновь отстроенную обитель в 1524 году.

Новодевичий монастырь.

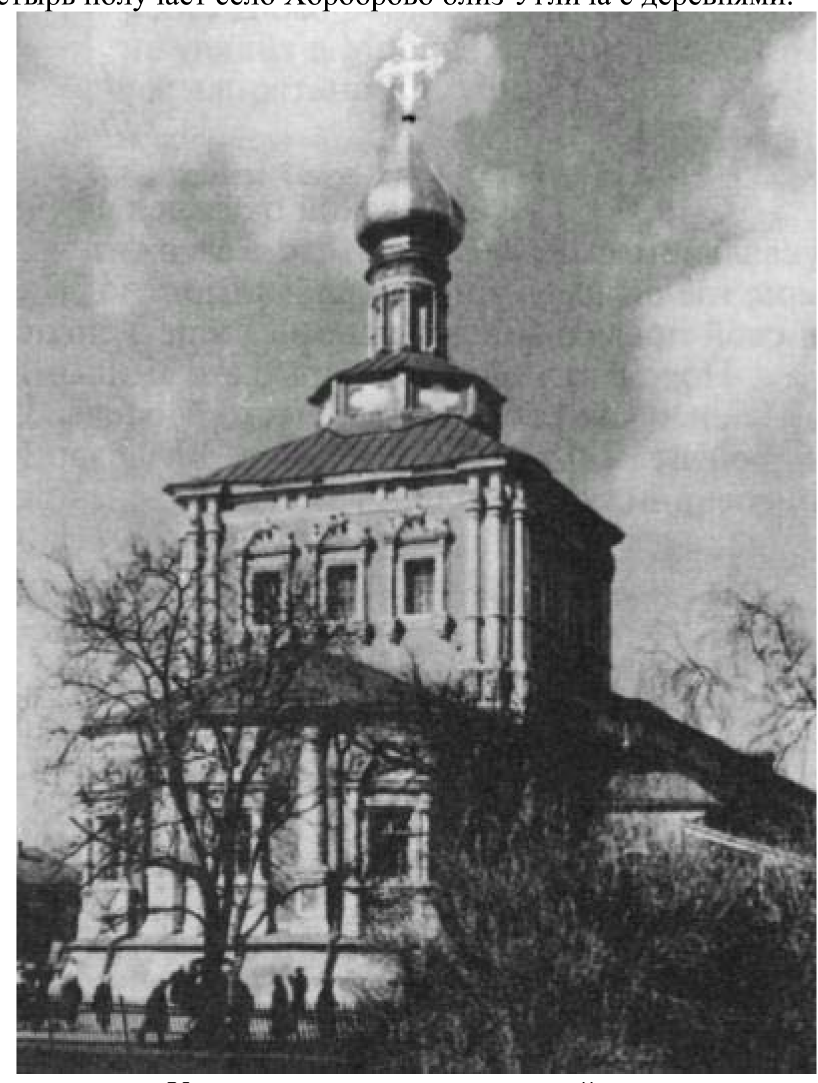
Народная легенда утверждала, что Василий II был ослеплен врагами именно потому, что лишил свою столицу святого образа. Другая легенда касалась сроков строительства монастыря. Великий князь Василий III требовал вести работы с «великим поспешением» и для надежности пригласил наблюдать за ними настоятельницу Суздальского Покровского девичьего монастыря с несколькими старицами. Старицы буквально дневали и ночевали в возводимой обители, между тем великий князь исподтишка готовил расставание со своей великой княгиней Соломонией, обсуждая условия брака с княжной Еленой Васильевной Глинской.

Современники склонны были предполагать, что готовил Василий Иванович Новодевичий монастырь как раз для Соломонии, и не только потому, что не хотел уж совсем обижать, а кстати, и унижать ее родственников. Не меньшее значение имела и беременность великой княгини. При задуманном политическом раскладе рождение у нее наследника не было нужным, но могло внести ненужную сумятицу. Бурное негодование княгини во время пострига в Рождественском монастыре заставило Василия III изменить решение. Сразу после пострига Соломония была увезена в Каргополь, а оттуда в Суздальский Покровский девичий монастырь.

Отправляясь в Казанский поход в 1523 году, Василий III в дополнении к завещанию указал: «Да коли есмы яз Божиею волею достал своей отчины города Смоленска и земли смоленский и я тогда обещал поставити на Москве, на посаде, Девичь монастырь, а в нем храмы: в имя Пречистыя, да происхождения честнаго креста и иные храмы, а которые храмы в этом монастыре поставити и яз тому велел написати запись дьяку…» При этом Василий III

Иванович отдавал распоряжение обеспечить монастырь земельными владениями из своих дворцовых сел и дать «на строение тому монастырю три тысячи рублев денег». Свое последующее название Новодевичий монастырь получил в отличие от основанного ранее святителем Алексеем девичьего Алексеевского монастыря.

Связь новой обители с царским двором оставалась очень тесной. Благодаря множеству вкладов в средствах обитель никогда не испытывала нужды. В 1563 году здесь принимает постриг под именем Александры княгиня Ульяна – жена родного брата Грозного, слабоумного Юрия, причем царь очень щедро одаривает обитель. Доля содержания царственной черницы – большой торговый посад на реке Мологе, Устюжна Мелезнопольская, не считая волостей, сел и «дворовых людей всяких ей подавал». После смерти Ульяны-Александры, через двенадцать лет, для ее вечного поминовения Новодевичий монастырь получает село Хороброво близ Углича с деревнями.

Новодевичий монастырь. Успенская церковь с трапезной.

Грозный хоронит в Новодевичьем своих младенцев-дочерей Анну и Евдокию. Щедро одаривает монастырь после пострижения в нем Елены, в монашестве Леониды – вдовы убитого им царевича Ивана Ивановича. Погребения всех членов его семьи находятся непосредственно под алтарем. Кстати сказать, самое древнее из сохранившихся у собора захоронений принадлежит прямой родственнице Ивана Грозного по первой супруге и прямой родственнице будущего царствующего дома Романовых – Ирине Захарьиной-Юрьевой. По выданной Иваном Грозным «тарханной грамоте» монастырь освобождался от уплаты податей и пользовался многочисленными привилегиями.

Одной из первых по времени построек монастыря, дошедших до наших дней, стал

Смоленский собор. Его строительство было начато 13 мая 1524 года и завершено 28 июля 1525-го. Известно, что незадолго до окончания работ в нем погибло 56 каменщиков: обрушились своды. Имя зодчего собора неизвестно. Предположительно им можно назвать первого в списке погибших каменщиков – Нестора.

По своему облику Смоленский собор особенно близок к Покровскому собору одноименного монастыря в Суздале, который строился также по приказу Василия III Ивановича в течение 1510–1518 годов. Оба они носят крепостной характер, имеют одинаковые композиционные решения, асимметричное распределение архитектурных объемов и нарочитую скупость убранства. Оба должны были служить усыпальницами для знатных монахинь.

В настоящем своем виде собор существенно отличается от первоначального замысла его строителя. Почти на метр нарос культурный слой вокруг здания. Не сохранились высокие, поставленные с восточной стороны приделы, существующие же в настоящее время пристроены уже в XVII веке. Открытые галереи-гульбища, окружавшие собор, превращены в закрытые. В течение XVI–XVII веков переделаны входы в собор и на галерею. Крыльца-всходы с северной и южной сторон пристроены уже на закрытую галерею. В конце XIX века появились еще два достаточно тяжеловесных крыльца.

Основной массив здания на высоком подклете в окружении открытых галерей имел когда-то более легкие и стройные пропорции. Поставленный прямо на площади, он воспринимался доступным для каждого входящего, как бы распахивающимся для него.

Особенно величественное и торжественное впечатление производит внутреннее помещение собора, подобное интерьеру Успенского собора Московского Кремля. Только вместо круглых столбов строители ввели здесь четырехугольные. Узкие щелевидные окна обеспечивают ровное ясное освещение храма и вместе с тем подчеркивают исключительную толщину его стен. Здесь особенно ощущается устремленность ввысь, захватывающая входящего человека.

Совершенно исключительную ценность представляет прекрасно сохранившаяся стенопись Смоленского собора. Точно установить время выполнения фресок достаточно трудно. Согласно одному из предположений, они выполнены сразу по окончании строительства собора в 1526–1530 годах. Не исключено, что первоначальная роспись возникла и несколькими десятилетиями позже – в середине XVI века.

Из «летописи», выполненной крупной вязью на южной, западной и северной стенах, следует, что «в лето» 1598 года «совершися бысть сия церковь» по повелению только что избранного на царство Бориса Годунова. Поверить подобному свидетельству нельзя. Достаточно вспомнить аналогичную по содержанию надпись в основе главы колокольни Ивана Великого, которая приписывает Годунову строительство всего столпа, тогда как в действительности при нем была осуществлена только надстройка верхнего яруса. В Смоленском соборе при Годунове осуществлялись кое-какие перестройки и поновление стенописи. Иконописцы заново переписали изображения на сводах, частично в алтаре, жертвеннике и на столбах.

Очередная «починка» росписей была произведена в 1666 году ярославскими иконописцами Иваном Елизаровым и Федором Карповым «с товарищи» по указу царя Алексея Михайловича. Они «писали наново своды… а в главах и на прямых стенах починивали до земли». Фрески были прописаны все полностью, одежды, доспехи и нимбы щедро вызолочены. Две новые композиции появились на северовосточном и юго-восточном столбах.

Варварской оказалась реставрация 1759 года по сметам и под руководством известного архитектора И. Ф. Мичурина. В это время вместе с починкой монастырских стен, обветшавших строений были растесаны до широких прямоугольных проемов окна в соборе, а все стенописи покрыты толстым слоем масляной краски.

Только на рубеже XIX–XX веков реставраторы восстановили окна в их первоначальных формах, а стены расчистили от масляных записей XVIII века. Зато чтобы

сообщить фрескам «древний» вид, их покрыли специальным темным составом.

И все же, несмотря на все эти перипетии, стенные росписи не утратили своей художественной ценности. Мы можем говорить в отношении них даже о сохранности колорита, тем более о композиционных решениях. Выполнены они в очень сложной и трудоемкой технике фрески, когда роспись ведется основными тонами по свежей, только что нанесенной на стену штукатурке. Краски прочно соединялись с грунтом, а когда они вместе высыхали, шла прорисовка и отделка деталей.

Вся роспись собора подчинена единому замыслу – теме победы и объединения русских земель под началом Москвы и создания единого Русского государства как прямого преемника византийских императоров и в церковном и в политическом плане.

Главное место отведено громадному изображению Богоматери Одигитрии Смоленской, помещенному на восточной стене над иконостасом. По сторонам ее на гранях алтарных столбов – архангелы Михаил и Гавриил. На гранях столбов, обращенных внутрь центрального хода к алтарю, – монументальные фигуры воинов-святых. Каждый из них знаменует определенный день Смоленского похода.

В день Федора Студита был начат поход. На этом же столбе внизу – Мина. В день его памяти с реки Угры бежал хан Ахмат – «стояние бескровное на Угре» закончилось освобождением Москвы от татарской зависимости. Напротив Мины расположен Меркурий – покровитель города Смоленска. В нижнем ярусе западной пары столбов – покровители Москвы Георгий и Дмитрий. По представлениям тех лет прославлялся не сам победитель, а святой, оказавший ему в нужный день небесную поддержку.

Второе огромное изображение – композиция Покрова Пресвятой Богородицы. На стенах в третьем и четвертом ярусах – сцены из акафистов ей. Среди них сцена осады Константинополя, закончившейся победой греков над персами.

Теме объединения русских земель, ранее входивших в состав великого Киевского княжества, посвящены изображения князей-святых, почитавшихся в своих родных землях. Здесь и князь Киевский Владимир Святославич, и Андрей Боголюбский, перенесший столицу из Киева во Владимир, и князь Новгородский и Псковский Всеволод-Гавриил, князь Тверской Михаил, князья Борис и Глеб, Черниговский князь Михаил и его боярин Федор.

Идея божественного происхождения царской власти в ее исторической преемственности от византийских императоров через киевских князей к московским самодержцам подчеркивается изображениями византийских цариц. К ним же отнесен образ святой Софии – соименной матери Василия III, последней византийской принцессе Зое-Софье Палеолог.

Стилистически росписи Смоленского собора свидетельствуют о связи с традициями самого знаменитого художника конца XVI века Дионисия. Это удлиненные пропорции фигур, празднично-светлый цветовой строй лиловых, розовых, желтых и зеленых тонов. Но возвышенность образов школы Дионисия уступает здесь место чертам официальности и парадной торжественности. Это уже дыхание и поступь могучего государства, которое, по выражению К. Маркса, так ошеломляюще неожиданно и неоспоримо возникло на арене европейской политической жизни.

Монументализм росписей не мешает их удивительно полному слиянию с архитектурными формами, когда одна композиция или образ переходят в другой, как бы продолжая не только повествование, но и пребывание зрителя в насыщенной высокими, почти пафосными чувствами среде. Легко и свободно размещены изображения на сложных, вогнутых поверхностях алтаря, диаконника и сводах.

Мастера обращаются к очень своеобразному приему обильного применения орнаментальных полос, которые одновременно подчеркивают конструктивные элементы храма и делят сюжетные композиции. В смысле этого сочетания богатейшей орнаментики с сюжетными росписями Смоленский собор представляет уникальный памятник XVI века.

К сожалению, ранний, так называемый годуновский, иконостас сменил дошедший до наших дней иконостас XVII столетия с его богатейшей вызолоченной резьбой. Более

высокий, чем годуновский, он закрыл алтарные стенописи (композицию «Покрова», частично Одигитрию Смоленскую, Константина и Владимира).

К числу самых древних построек Новодевичьего монастыря вместе со Смоленским собором относится скромная одноглавная церковка у Покровских ворот с примыкающей к ней простенькой трапезной и палатами, в которых с 1598 года поселилась овдовевшая царица Ирина Годунова. Вдова царя Федора Иоанновича. Родная и единственная сестра царя Бориса. И это при ней разыгрывается в стенах монастыря одна из решающих для русской истории сцен.

…О том, как рвались Годуновы к власти, знали все. Не «лучшие» – в их число род не был занесен – костромские служилые люди, шаг за шагом завоевывавшие дворец, умевшие при всех обстоятельствах сохранять милость Ивана Грозного. Пытались женить царя на своей родственнице – незадачливой, смертельно больной «царской невесте», так и не смогшей «разрешить девичества» до своей скорой смерти. Попытались другую родственницу пристроить супругой к наследнику. А когда и то и другое ни к чему не привело, придумали новый ход – сосватали за второго царевича, слабого головой Федора Иоанновича, Ирину Годунову. Усилиями дяди с малолетства попала она в царские терема, переняла все обычаи, приохотилась к власти.

Поначалу выигрыш не казался большим. Престол должен был достаться царевичу Ивану Ивановичу. Если какая власть и маячила перед Федором, то только на чужом, зарубежном престоле – если в результате дипломатических расчетов, если выберут. Вся надежда у многочисленного семейства Годуновых была на Ирину: удержит в руках царевича, наставит на нужный путь, не оставит без досмотра и подсказки.

К тому же Годуновы знали другое, скрытое от непосвященных: не больно ладил Грозный со старшим царевичем, не слишком ему доверял. И жен ему торопился своей волей менять, чтоб не обзавелся наследником до срока.

Грозный не стал мешать годуновским планам с замужеством Ирины. Надежд никаких на слабоумного сына не возлагал. К ней давно пригляделся. Зато все изменилось, когда не стало царевича Ивана. И пусть имел Грозный еще одного сына – от Марьи Нагой, хоть и продолжал строить собственные брачные планы с заморскими принцессами, не считаться больше с Федором было бы неверно. И только тогда все поняли, как сумела прибрать мужа к рукам умная и властная Годунова. А Борис, как только стала она вместе с мужем царицей, принялся бороться за ее права, за нерушимость ее брака.

А опасности подстерегали новую царицу на каждом шагу. Не могла она докосить ни одного ребенка, хоть беременела постоянно. Значит, правы были бояре, толкуя о бесплодии, о необходимости подобрать государю Федору Иоанновичу другую жену, да, кстати, избавиться от давно и многим ненавистных Годуновых.

Борис посылает в Англию посла с тем, чтобы привез по рекомендации королевы Елизаветы хорошего врача, опытную акушерку. Врача бояре пропускают в Москву, но акушерку задерживают в Вологде, откуда ей через год, несолоно хлебавши, придется вернуться на родину, так и не увидев царицы.

Заболевает Федор в первый год своего правления, и Борис, не теряя времени, ищет царице жениха среди членов европейских монарших семей: вместе с рукой Ирины царственному претенденту предлагался и русский престол. Федор выздоровеет. Дворцовые доброхоты не преминут его известить о задумке шурина и жены, но то ли не поверит им слабый головою царь, то ли сумеют Годуновы оправдаться перед ним, только мир в царской семье останется нерушимым.

Это было одно из немногих приметных государственных дел царя Федора Иоанновича – установление в 1589 году патриаршества. Идея исходила не от самодержца, а, как и во всех других случаях, тоже от Бориса Годунова. Державший его руку первый патриарх Иов должен был стоять на страже годуновских интересов со стороны церкви.

Борис не ошибся. Иов до конца сохранил верность его семье. Отстаивал интересы самого Бориса, сумел помочь ему вступить на престол. Внезапная кончина не сильного

телом, но и ничем особенным не болевшего Федора Иоанновича многих в Москве повергла в «сумнительство». Да и сами похороны государя оказались слишком скромными, не по чину и обычаю простыми, – в простом сермяжном кафтане, с сосудом из обыкновенного – вместо «веницейского» – стекла с миро в головах. Но теперь главное было – захват власти шурином царя.

Существовал ли в действительности наказ царя Федора Иоанновича о пострижении после его смерти супруги или такая идея многих устраивала, во всяком случае, завещания царского не осталось. Скорее всего в необходимости его составления не смогли убедить сына Грозного. Смерти он боялся и думать о ней не хотел.

Первые же действия Бориса – закрепить трон за сестрой. По его подсказке сразу после кончины мужа Ирина издает за своей подписью закон о всеобщей и полной амнистии, повелевает незамедлительно освободить из тюрем всех опальных изменников, «татей (убийц. – Н. М.), разбойников и прочих сидельцев». По всем епархиям рассылается приказ целовать крест царице, вернее – на преданность патриарху Иову и православной вере, царице Ирине, правителю Борису и его детям. Вспыхнувшее возмущение явно стало неожиданностью и для Годунова, и для патриарха. Современники прекрасно поняли смысл предложенной им присяги, и важнейшие не захотели признать Годунова «великим князем». По существовавшим законам не венчанная на царство, а только наблюдавшая в окошко за венчанием своего супруга царица Ирина не могла ни получить царскую власть, ни тем более передать ее своему брату.

Достаточно нерешительный по натуре, здесь Иов проявляет недюжинную смелость. В православных церквах допускалось пение многолетия только царям и митрополитам, Иов вводит богослужение в честь вдовы Федора. Возмущенный летописец отмечает: «А первое богомолие (было) за нее, государыню, а преж того ни за которых цариц и великих кнегинь Бога не молили ни в охтеньях, ни в многолетье». Один из дьяков прямо называет действия патриарха «бесстыдством и нападением на святую церковь».

Со своей стороны Боярская дума берет на себя инициативу созыва для избрания нового царя избирательного Земского собора. По словам московского летописца, «града Москвы бояре и все воинство и всего царства Московского всякие люди от всех градов и весей збираху людей и посылаху к Москве на избрание царское». О том же сообщают агенты различных европейских правительств. Но зная безусловно недоброжелательное отношение к нему руководителей большинства провинций, Борис перекрывает дороги в Москву.

И тем не менее о самостоятельном правлении Ирины не могло быть и речи. Народ изо дня в день собирался в Кремле, негодовал. Все было готово, по выражению голландца Исаака Массы, «к великой смуте и замешательству». То ли опасаясь за собственную жизнь, то ли поняв бесполезность подобного противостояния, Ирина на седьмой день после кончины Федора Иоанновича выходит в Кремле к народу и объявляет о своем отречении от власти в пользу Боярской думы: «У вас есть князья и бояре, пусть они начальствуют и правят вами». Почти сразу после этого заявления Ирина «простым обычаем» – без царского сопровождения и необходимой свиты уезжает в Новодевичий монастырь и принимает постриг под именем Александры.

Это не было предательством интересов брата. Напротив. На Красное крыльцо в Кремле Борис вышел с сестрой и после ее слов об отречении заявил, что берет на себя управление государством, а князья и бояре будут ему всего лишь помощниками, что «с боляры радети и промышляти рад не токмо по-прежнему, но и свыше первого».

Между тем знать и думать не хотела о передаче «шурину» власти и короны. Они решали вопрос, кто происходит от «царского корени», чтобы поручить все именно ему. Среди первых претендентов были Шуйские. Калита вел род от Александра Невского, Шуйские – от его старшего брата. В их правах не сомневался никто. Но главными противниками Бориса выступали не Шуйские, а Романовы. По сообщениям агентов, первые места среди возможных претендентов на трон занимают Федор и Александр Никитичи Романовы, третье и четвертое Мстиславский и все-таки Борис Годунов. На стороне

последнего выступали меньшие бояре, стрельцы и почти вся «чернь».

Романовы настолько уверились в прочности своего положения, что стали выступать в Боярской думе с прямыми нападками на Бориса. Раздор в думе достиг такого «великого озлобления», что Годунов счел за благо оставить свое кремлевское подворье и укрыться около Ирины, в хорошо защищенном Новодевичьем монастыре. В Москве ширились слухи о цареубийстве – отравлении царя Федора Борисом. Впрочем, подобные разговоры возникли сразу после кончины царя.

Зато с помощью Иова усиленно начинают распространяться и иные слухи. Что Борис с раннего детства был «питаем» от царского стола, как и его сестра. Что сам царь Иван посетил его больного на дому и на пальцах показал, что Федор, Борис и Ирина одинаково близки и дороги ему. Что Грозный ни много ни мало «приказал» Годунову сына Федора и все царство и такое же точно благословение Борис получил и от Федора.

Все это было изложено в так называемой хартии, которую авторы, называвшие себя свидетелями описываемых событий, доставили патриарху Иову и были благосклонно выслушаны. Патриарх приговорил на следующий день всем собраться в Успенском соборе, а оттуда двинуться шествием в Новодевичий монастырь. Иову и Борису приходилось спешить, потому что в то же самое время Боярская дума вела переговоры с собиравшимся в Кремле народом и уговаривала толпу присягнуть именно думе.

Несчастьем для думы стало то, что ее члены сами не определились в выборе кандидатуры царя. Ни Романовы, ни Мстиславские собрать необходимое число голосов не смогли. Вопрос был вынесен на площадь, и теперь борьба шла за толпу.

20 февраля организованное Иовом шествие пришло к Новодевичьему монастырю и стало просить Бориса о принятии державы. Борис наотрез отказался, заверил толпу, что никогда и в мыслях не посягал на корону и вообще готов немедленно постричься в монахи. Причина его позиции крылась в малочисленности пришедших.

Тогда Иов обратился ко всем доступным ему средствам воздействия на москвичей. По распоряжению патриарха все московские церкви оставались открытыми с вечера 20-го до утра 21 февраля. Ночное необычное богослужение действительно привлекло множество народа. А наутро духовенство вынесло из храмов самые почитаемые иконы и двинулось крестным ходом в Новодевичий. На этот раз стечение народа оказалось огромным. Переговоры с царицей и ее братом от имени всей этой толпы вели высшие чины.

Борис продолжал усиленно отказываться, но князья церкви пригрозили ему, что в случае его отказа положат посохи и затворят все церкви, младшие бояре заявили, что не станут больше управлять государством, а дворянство биться с неприятелями.

Очевидец, дьяк Иван Тимофеев, был оглушен криками народа, приветствовавшего наконец-то давшего согласие Бориса. Более всех «старалися середние люди и все меньшие», кричавшие «нелепо, с воплем многим… не в чин», причем лица их багровели, а «утробы расседались». Под эти вопли патриарх провел Бориса Годунова в монастырский собор и нарек на царство.

Избрание совершилось? В том-то и дело, что нет. Оно было недействительно без согласия Боярской думы, а дума молчала. Пять дней Борис тщетно дожидался необходимого решения, оно не последовало. 26 февраля пришлось ехать в Кремль, а патриарх и сторонники предполагаемого царя не пожалели сил на организацию самой что ни на есть торжественной встречи. Народ встречал Бориса прямо за стенами Новодевичьего монастыря, на поле и за стенами города. Кто победнее несли хлеб-соль, бояре и купцы – золоченые кубки, соболей и другие дорогие подарки. Борис отказался ото всего, кроме хлеба-соли, и пригласил участников встречи в Кремль на парадный стол.

В Кремле Иов отвел Бориса в Успенский собор и вторично благословил на царство. Присутствовавшие «здравствовали» правителя на «скифетроцарствия превзятии». И все равно это не было утверждением Бориса на троне. По совету Иова Борис оставляет Кремль и снова уезжает в Новодевичий монастырь под вымышленным предлогом тяжелой болезни сестры.

Для обретения полноты царской власти Борису не хватало главного – присяги, которую проводила всегда Боярская дума. Провинциальные епископы получили от патриарха повеление созвать в главных соборах мирян и духовенство, прочесть им грамоту об избрании Годунова, а затем петь многолетие вдове-царице и ее брату в течение трех дней под колокольный звон.

Но направить с подобным поручением Борис смог только думных людей, занимавших самые низшие места. Зато они ехали по городам с богатейшими подарками, которые придавали присяге особенный вес и надежды.

Провинция не привыкла противиться предписаниям Москвы, но в то же время ее влияние на дело царского избрания было совсем не велико. В течение марта Борис продолжает оставаться в Новодевичьем монастыре, редко и ненадолго показываясь в столице. 19 марта он впервые созвал Боярскую думу для решения накопившихся местнических, не терпящих отлагательства тяжб. Он фактически приступил к исполнению функций самодержца, но продолжал жить в монастыре, как в загородной резиденции, откладывая переезд во дворец, который мог вызвать открытое выступление оппозиции.

Двусмысленное положение Годунова явно затягивается, и Иов решает прибегнуть к испытанному средству – в третий раз организовать шествие в Новодевичий монастырь. Участники шествия падают перед Годуновым на землю – «лица на землю положиша», – умоляя Бориса переехать в Кремль. Но Годунов решается на рискованный шаг – публично вообще отрекается от власти, и только указ инокини Ирины-Александры «вынуждает» его подчиниться: «Приспе время облещися тебе в порфиру царскую». Боярский приговор был заменен указом постриженной царицы.

1 апреля Годунов во второй раз торжественно въехал в Кремль, причем церемония повторилась во всех подробностях. Духовенство и народ ждали Бориса за Неглинной. В Успенском соборе патриарх возложил на Бориса крест Петра Чудотворца, «еже есть начало царского государева венчания и скифетродержания». Только после этого Годунов прошел в царские чертоги и «сяде на царском своем престоле». И примечательно – в избирательной грамоте апреля месяца стояли подписи одних лишь духовных лиц, так или иначе находившихся во власти патриарха, а не Боярской думы.

Следующим шагом великого умельца в отношении придворных интриг стал, по выражению современников, «великий обман». Его клевреты начинают распространять слухи о нашествии крымчаков. Борис срочно собирает огромное войско и выступает с ним к Серпухову, где вместо вражеских войск его ждут послы хана с выгодными мирными предложениями. Борис угощает в стане под Серпуховом всех служилых людей пирами, одаривает богатыми подарками, так что они, вполне довольные новым самодержцем, «чаяху и впредь себе от него такого жалованья».

1 сентября, через восемь месяцев после кончины Федора Иоанновича, Борис Годунов венчается на царство и, к великому изумлению окружающих, заявляет: «Отче великий патриарх Иов! Бог свидетель сему, никто же убо будет в царствии моем нищ, или беден!» Мало того, рванув ворот сорочки, новый царь крикнет: «И сию последнюю разделю со всеми!» Это был ответ на глухую и непробиваемую оппозицию боярства.

С этой минуты посещения Борисом Годуновым монастыря и сестры-инокини становятся все более редкими. Ирина-Александра замыкается в своих монастырских палатах, достаточно скромных по отделке. С северной стороны вдоль всего их фасада шла открытая галерея-гульбище. На галерею вела широкая лестница. Возможно, что венчал здание достаточно затейливый деревянный терем с крутой высокой кровлей. Из палат былой царицы можно было пройти в трапезную, а через нее в церковь, которая сначала была посвящена Иоанну Предтече – святому, соименному Грозному. Отсюда название соседней монастырской башни – Предтеченская.

Можно предположить, что церковь в ее первоначальном виде была построена в 1560-х годах, когда приняла постриг невестка Ивана Грозного, княгиня Ульяна. Храм многократно перестраивался. Изменилось и его посвящение – теперь во имя святого Амвросия

Медиоланского. Подобное посвящение достаточно необычно для Московского государства и самой Москвы. Покровитель города Милана, один из видных учителей церкви, сторонник полной ее независимости от государства, Амвросий имеет большие заслуги в отношении церковного пения как составитель многих текстов. Им также введен так называемый амброзианский напев, своеобразная ритмическая мелодия, заключавшая элементы восточного церковного пения и древнегреческой речитативной музыки. Тоны и гласы установлены Амвросием в полном соответствии с напевами православной греческой церкви.

Монастырская жизнь Ирины-Александры продолжалась недолго. Ее не стало в 1603 году.

Между тем монастырь неуклонно продолжал богатеть. С 1524 года до начала XVIII века его земельные владения увеличиваются больше чем в сто раз: с 1600 до 164 215 десятин земли. К концу XVII века ему принадлежало четырнадцать с половиной тысяч крестьян (женщины в расчет не принимались), слобода, располагавшаяся вдоль дороги к Кремлю. В слободе жили обслуживавшие нужды монастыря сапожники, суконщики, портные, огородники, хлебники, пивовары, плотники, горшечники, кузнецы. По сравнению с крестьянами они освобождались от всех налогов и повинностей. Кроме того, в 1638 году в слободе жили 127 ремесленников, которые на случай войны обязаны были браться за оружие – пищали, сабли, рогатины.

В XVI – начале XVII века Новодевичий монастырь представлял мощную крепость, отвечавшую всем требованиям современной фортификационной науки. Его гарнизон насчитывал 300–350 стрельцов. Для многих городов это равнялось численности целого городского гарнизона. Само положение монастыря было определено именно из этих соображений: в излучине Москвы-реки поблизости находились три очень важные водные переправы – у Дорогомилова, Воробьевых гор и Крымского брода. В 1521 году здесь беспрепятственно перешел реку крымский хан Махмет-Гирей, но уже в 1591 году полки крымчаков под предводительством Казы-Гирея вынуждены были отступить из-за сильного артиллерийского огня крепостей южного оборонительного кольца.

В Смутное время монастырь неоднократно переходил из рук в руки. В 1610 году его захватили иностранные полки. В 1611-м в нем стояли две роты польского войска и отряд немецких наемников. 22 мая 1611 года войска первого московского ополчения овладели Белым городом и на следующий же день Новодевичьим монастырем. Но в июле опять появились иностранные части. Особенно бесчинствовали здесь казачьи отряды И. Заруцкого, перешедшего в это время на сторону польского короля Сигизмунда. Монастырские сокровища были разграблены и сожжены, казаки, по словам летописца, «церковь и монастырь выжгли».

22 августа 1612 года второе народное ополчение под руководством Д. Пожарского и К. Минина встретило неподалеку от монастыря польские отряды гетмана Ходкевича. Поляки переправились через Москву-реку именно у Новодевичьего монастыря и напали на отряды Пожарского у Чертольских ворот. Семичасовая кровавая битва закончилась поражением и бегством Ходкевича. Два дня спустя поражение иноземных отрядов оказалось полным. И сразу же после освобождения Москвы от врагов ополченцы освободили и монастырь.

Настоящей строительницей Новодевичьей обители становится царевна Софья. В годы ее правления возобновляются сохранившиеся до наших дней стены и башни, в основных своих частях на древних фундаментах. Общая их протяженность составляет около 950 метров. По свидетельству документов, площадь обители была несколько меньшей: длина ее стен равнялась 638 метрам и вместо двенадцати ныне существующих башен было всего десять. Посередине северной и южной стен находилось по одной проездной – воротной башне, которые имели фресковые росписи. Над южной проездной башней возвышалась надвратная Покровская церковь, к которой примыкают Мариинские палаты – некоторое время в 1690-х годах в них жила старшая сводная сестра Петра Марья Алексеевна. Церковь и палаты имеют единое архитектурное оформление. Храм и третий этаж палат поставлены на общую для них галерею-гульбище. Существует предположение, что здесь же некоторое

время находилась и сама правительница, царевна Софья.

В 1682–1687 годах воздвигается одно из самых больших сооружений монастырского ансамбля – Успенская церковь с трапезной, замечательный памятник так называемого московского барокко. Трапезные в монастырях использовались как для повседневного столования монахов и монахинь, так и для угощения знатных гостей во время годовых праздников и поминальных обедов. Достигающий 400 квадратных метров главный зал трапезной перекрыт единым сводом, без дополнительных опор, что представляло редкое достижение строительной техники тех лет. Многочисленные помещения в западной части здания имели хозяйственное назначение. В расположенных в подклете подвалах варили пиво, квас, хранили съестные припасы.

Парадные трехстворчатые ворота с Преображенской церковью относятся к 1687–1688 годам. На широких белокаменных воротах возвышается стройный четверик церкви, богато декорированный деталями резного белого камня. Верх стен заканчивается полукруглыми раковинами – закомарами и стройной группой пятиглавия.

Внутри церкви – великолепный золоченый иконостас, в создании которого принимал участие один из наиболее известных иконописцев Оружейной палаты Карп Золотарев. С западной стороны к храму примыкают жилые палаты, выстроенные одновременно с воротами для царевны Екатерины Алексеевны, наиболее увлекавшейся архитектурой и оформлением интерьеров дочери царя Алексея Михайловича. Позднее палаты получили название Лопухинских, поскольку в них с 1727 по 1731 год жила и умерла первая супруга Петра I, царица Евдокия Лопухина.

Но одно из лучших произведений русской архитектуры конца XVI–XVII века – монастырская колокольня 74-метровой высоты. Она составлена из шести постепенно уменьшающихся восьмериков. Гульбища ярусов окружает легкая балюстрада. Знаменитый архитектор В. И. Баженов писал: «Колокольня Ивановская (Иван Великий) достойна зрения, колокольня Девичьего монастыря более обольстит очи человека, вкус имущего». Строитель колокольни не только отметил ею центр всего монастырского ансамбля, но и замкнул дорогу, идущую от Кремля. Этим строителем мог быть «подмастерье каменных дел» Осип Старцев, но документальных подтверждений его авторства нет.

Однако строительство колокольни не было завершено. По всей вероятности, не удалось возвести еще двух ярусов. Существующий же шестой относится уже к следующему столетию. В царской семье произошел переворот. Правительница лишилась власти, которая перешла в руки молодого Петра, немедленно прекратившего всякие работы в монастыре. Любимое детище царевны Софьи стало местом ее заключения и смерти.

В 1682 году царевна Софья непосредственно после переворота в пользу родного брата Ивана ничем не заявляет о себе – надо сначала проявить себя, и возможность появляется почти сразу. Раскольники во главе с Никитой Пустосвятом добиваются открытого диспута в Грановитой палате с патриархом и церковными властями. Софья приходит на спор о вере, участвует в нем, а потом делает решительные выводы. Пустосвят как личность опасен для государства – его казнят решением царевны на следующий день, да притом на Лобном месте, на глазах у всей Москвы. Его сообщники разосланы по дальним монастырям. У Софьи не дрогнула рука казнить и руководителей стрельцов – отца и сына князей Хованских, только что обеспечивших ей путь к власти. Их положение среди стрельцов – государство в государстве, связь с раскольниками представлялись ей недопустимыми. В решительности и твердости Софья не уступала Петру. Но зато после этих первых шагов она вставляет свое имя в государственные грамоты, пока еще после братьев и только в документах, не выходящих за пределы страны.

Следующая ступень – имя, писавшееся наравне с обоими царями и притом в зарубежных грамотах. Это происходит в 1686 году после заключения правительством Софьи Вечного мира с Польшей, согласно которому Русское государство получало навсегда Киев, Смоленск и всю Левобережную Украину. Успех правительницы был слишком велик и очевиден.

И все-таки этого было мало. Еще один переворот в собственную пользу? Софья думала о нем, но на него было трудно решиться без предварительной подготовки общественного мнения и у себя, и в Европе. Тогда-то и появляется на свет «Портрет с семью добродетелями», выполненный в Чернигове гравером Леонтием Тарасевичем: одна Софья в окружении арматуры – воинских доспехов и медальонов с семью аллегориями добродетелей. Под стать была и подпись: «София Алексеевна Божиею милостию благочестивейшая и вседержавнейшая великая государыня царевна и великая княжна… Отечественных дедичеств (владений. – Н. М.) государыня и обладательница». Один экземпляр высылается в Амстердам, бургомистру города, который передает его для размножения одному из местных граверов с соответствующими надписями уже на латинском языке: «чтоб ей, великой государыне, по тем листам была слава и за морем в иных государствах, также и в Московском государстве по листам же». Царевна приближалась к зениту своего могущества.

Софья рвалась к власти. Но чего ей действительно не хватало, так это умных и дальновидных соратников. Высокообразованный, прекрасно разбирающийся в дипломатии, но мягкий и нерешительный Василий Голицын предпочитал всем перипетиям государственного правления спокойную и удобную жизнь в своем фантастическом по богатству московском дворце на углу Охотного ряда и Тверской. Недаром же в глазах самого французского посланника это ни много ни мало палаццо «какого-нибудь итальянского государя» по количеству картин, скульптур, западной наимоднейшей мебели, книг, витражей в окнах.

Наглый, бесшабашно храбрый и алчный, сменивший Хованских начальник стрельцов Федор Шакловитый. Целая вереница бояр, склонных скорее наблюдать, чем участвовать в действиях царевны, да и поступки Софьи исключали какую бы то ни было помощь. Подобно Петру, она не умела ждать, все хотела делать тут же и сама. Федор Шакловитый признается под пыткой: «Как де были польские послы, в то время как учинился вечный мир, и великая государыня благоверная царевна приказывала ему, Федьке, чтоб имя ее, великой государыни, писать обще с великими государями… и он с того числа приказал площадным подьячим в челобитных и приказе ее великую государыню писать же». Частенько колеблются в своей помощи царевне стрельцы – их-то надо все время ублажать, «остаются в сумнительстве» ближайшие придворные. И опять Софья сама властно диктует, чтобы в 1689 году «в день де нового лета (1 сентября. – Н. М.) на великую государыню благоверную царевну и великую княжну Софию Алексеевну положить царской венец».

Торопили все усиливающиеся нелады с Нарышкиными и их партией, торопила и своя неустроенная личная жизнь. Законы церкви и Домостроя, исконные обычаи – их Софья преступила без колебания, отдав свое сердце Василию Голицыну, женатому, с большой семьей. Страшно для нее было другое – князь Василий любил свою семью, был привязан к жене, княгине Авдотье. И хоть откликался он на чувство царевны, ей ли не знать, что окончательного выбора в душе он не делал, да и хотел ли сделать? Пока его удерживала только сила царевниного чувства: «Свет мой, братец Васенька, здравствуй, батюшка мой, на многие лета! А мне, свет мой, не верится, что ты к нам возвратишься; тогда поверю, когда в объятиях своих тебя, света моего, увижу… Ей, всегда прошу Бога, чтобы света моего в радости увидеть».

И все-таки Софья прежде всего правительница, государственный человек. Как ни страшно за «братца Васеньку», как ни тяжело по-бабьи одной да еще с письмами зашифрованными – писанными «цыфирью», она отправляет Голицына в Крымский поход. Борьба с турками – условие Вечного мира с Польшей, и нарушать его Софья не считала возможным. К тому же лишняя победа укрепляла положение и страны, и самой царевны, приближая такой желанный царский венец. Вот тогда-то и можно было бы отправить ненавистную княгиню Авдотью в монастырь, а самой обвенчаться с князем. Иностранные дипломаты сообщали именно о таких планах правительницы.

Но планы – это прежде всего исполнители. Софья искала славы для Голицына, хорошего дипломата и никудышного полководца. Первый Крымский поход окончился ничем

из-за того, что то ли Божиим, то ли человеческим произволением загорелась степь. В поджоге обвинили украинского гетмана Самойловича, и на его место был избран Мазепа. Софья категорически настояла на повторении похода.

«Свет мой, батюшка, надежда моя, здравствуй на многия лета! Радость моя, свет очей моих! Мне не верится, сердце мое, чтобы тебя, света моего, видеть. Велик бы мне день тот был, когда ты, душа моя, ко мне будешь. Если бы мне возможно было, я бы единым днем поставила тебя перед собою… Брела я пеша из Воздвиженска, только подхожу к монастырю Сергия Чюдотворца, а от тебя отписки о боях. Я не помню, как взошла: чла, идучи!»

На этот раз Голицын дошел до Перекопа, вступил в переговоры, но затянул их, не рассчитав запасов пресной воды, и уже с полным позором вынужден был вернуться. Софья не только закрывает глаза на провал кампании, она хочет князя превратить в героя в глазах народа, в победителя, засыпает наградами и, несмотря ни на что, решается на переворот. Но – Шакловитый не сумел поднять стрельцов. Многие из них перешли на сторону бежавшего в безопасный Троице-Сергиев монастырь Петра. Туда же отправились состоявшие на русской службе иностранные части, даже патриарх. Ставку своей жизни Софья проиграла – ее ждал Новодевичий монастырь.

Но был у этой истории и другой, человеческий конец. Оказавшись, теперь уже по приказу Петра, в монастыре, Софья думает прежде всего о «братце Васеньке», ухитряется переслать ему в ссылку письмо и значительную сумму денег, едва ли не большую часть того, чем сама располагала.

Впрочем, по сравнению с другими приближенными правительницы фаворит отделался на удивление легко. Его не подвергли ни допросам, ни пыткам, ни даже тюремному заключению. Лишенный сана боярина и всего состояния, Голицын был сослан со своей семьей в далекую Мезень. Скорее всего, князю помогла выбранная им линия поведения.

Голицын не только не искал контактов с Софьей, но уверял, что не знал ни о каких планах переворота, а против ее венчания на царство и вовсе возражал, «что то дело необычайное». Он не устает писать Петру из ссылки челобитные о смягчении участи, клянясь, что служил ему всегда так же верно, как и его сестре. И может, была в этом своя закономерность, что вернувшийся из ссылки, куда попал вместе с дедом, внук Василия Голицына становится шутом при дворе племянницы Софьи, императрицы Анны Иоанновны, боготворившей царственную тетку. Он даже по-своему входит в историю – это для его «потешной свадьбы» с шутихой был воздвигнут знаменитый Ледяной дом.

С Софьей все иначе. Ни с чем она не может примириться, ни о каком снисхождении не будет просить. Из-за монастырских стен она находит способ связаться со стрельцами, найти доходчивые и будоражащие их слова. Ее влияние чуть не стоило отправившемуся в заграничную поездку Петру власти, хотя царевну окружает и в монастырских стенах плотная стена соглядатаев, а особый надзор за ней поручается священнику соседней церкви Саввы Освященного Никите Никитину, отцу будущего первого заграничного пенсионера-художника, «персонных дел мастера» – придворного портретиста Ивана Никитина.

На этот раз все бешенство своего гнева Петр обращает не только на стрельцов, но и на Софью. В 1698 году царевны Софьи Алексеевны не стало. «Чтобы никто не желал ее на царство», появилась вместо нее безгласная и безликая монахиня Сусанна, которой было запрещено видеться с кем бы то ни было, в том числе даже с родными сестрами. Ни одной из них Петр не доверял, неукротимый нрав их всех слишком хорошо знал. Могла же спустя много лет после этого суда измученная голодом и цингой Марфа Алексеевна – монахиня Маргарита писать из другого монастыря: «хотя бы я неведомо где, да и я тово же отца дочь, такая же Алексеевна».

Ни о каких сколько-нибудь удобных палатах для инокини не может быть и речи. Софью навсегда запирают в темных и промозглых стенах былой «стрелецкой караульни» у Напрудной башни. И небольшая подробность. Окна караульни были обращены на внутренний монастырский двор. Видеть из них виселицы с повешенными стрельцами за пределами монастырских стен, как то хотели представить художники, было попросту

невозможно.

Пятнадцать лет в монастырских стенах, пятнадцать лет неотвязных мыслей, несбыточных надежд и отчаяния. История шла своим путем. Царевна-правительница забывалась, становилась никому не нужной. И все-таки она находит способ заявить о себе хоть перед смертью. Царевна принимает большой постриг – схиму под своим настоящим именем Софьи, чтобы имя это не затерялось, чтобы хоть на могильной плите осталась память о дочери «тишайшего» царя, почти царице, семь лет вершившей судьбами Московского государства. Надгробие царевны находится в Смоленском соборе.

Все царствовавшие Романовы соблюдали обычай выезжать на день Одигитрии Смоленской Божией Матери – 28 июля – к Новодевичьему монастырю. Они останавливались в шатрах, слушали вечерню, всенощную, а поутру – обедню в монастыре, где в трапезной устраивали праздничный стол для ближних и монашествующей братии. Отсюда же возник обычай народного гулянья в этот день, которое при Петре было перенесено на Девичье поле, а затем на Пресню.

Собственно при Петре I Новодевичий монастырь лишается былого покровительства царского двора. Царь решает его использовать в качестве дома «для зазорных младенцев» – подкидышей. Но вскоре принимает иное решение – давать в монастыре приют заслуженным воинам и инвалидам. Еще в 1763 году в силу этого распоряжения в обители проживало три майора, два капитана, четыре поручика.

Но совершенно неожиданно монастырь на некоторое время превращается в подобие царской резиденции. После многих лет строжайшего заключения сюда с великим почетом перевозят царицу Евдокию Федоровну Лопухину – на престол вступает ее внук, сын задушенного царевича Алексея Петровича, Петр II.

Жест этот со стороны А. Д. Меншикова, собиравшегося женить малолетнего императора на собственной дочери, носил чисто дипломатический характер. Ни Петр II, ни его сестра царевна Наталья Алексеевна интереса, тем более родственных чувств, к царственной бабке не испытывали, навещали ее редко, и то главным образом более разумная и выдержанная царевна Наталья. Император вообще отмахивается от подобной родственной связи. Вход во дворец для Евдокии Федоровны закрыт. Она должна утешиться предоставленными ей палатами царевны Екатерины Алексеевны. Впрочем, это положение сохранялось недолго. В 1731 году Евдокии Лопухиной не стало, и она была погребена в том же Смоленском соборе.

«При живом муже вдовица горькая, при рожоном детище мать осиротелая» – так отзываются народные песни на судьбу первой супруги Петра. Этот брак, как и большинство в царских семьях, был решен без участия молодых. Царица Наталья Кирилловна торопила с ним Петра, опасаясь появления наследников у только что женившегося Иоанна Алексеевича. Семнадцатилетнему сыну она выбрала двадцатилетнюю невесту, красавицу, но, по выражению современников, «средственного ума» и из незнатной семьи. Скорее всего, более высокие притязания вдовой царицы без согласия правительницы Софьи были нереальны. Этой свадьбой ознаменовалось окончание правления царевны и приход к власти молодого Петра. Шел 1689 год.

Но вместе с властью Петр обретает и полную свободу действий. Наставления Натальи Кирилловны теряют былую силу. Через два года после свадьбы, проводя большую часть времени в Немецкой слободе, он обращает внимание на молоденькую Анну Монс, дочь виноторговца, которая почти на десять лет завоевывает его сердце.

Отправившись за границу в составе Великого посольства, Петр уже в 1696 году пишет Льву Нарышкину из Лондона о своем желании немедленно развестись с Евдокией, для чего ее надо уговорить постричься в монахини. Задача оказывается невыполнимой, и тогда по возвращении в Россию Петр сам направляет Евдокию Федоровну в Суздальский Покровский монастырь для пострига. Но архимандрит монастыря наотрез отказывается выполнить царскую волю, за что тут же попадает под арест. Евдокия была все равно пострижена в 1698 году под именем Елены.

Но, как оказывается, по твердости характера Евдокия-Елена не уступает своему царственному супругу. Только полгода носит она монашеское платье, после которого переодевается в мирское и начинает в Суздале вести достаточно свободную жизнь, в чем ее поддерживают, в том числе и денежными средствами, многочисленные родственники. В свою очередь, царевич Алексей находит способы навещать мать, к которой очень привязан.

В 1709 году в жизни Евдокии-Елены происходит и вовсе невероятный поворот. Былая царица-монахиня находит себе любовника, с которым не расстается последующие десять лет. Капитан Степан Глебов приезжает в Суздаль для рекрутского набора. Трудно себе представить, чтобы эта связь осталась неизвестной Петру. Но до поры до времени Петр не обращает на нее внимания. Только в 1718 году в связи с делом царевича Алексея, хитростью возвращенного на родину после бегства в Европу, былую царицу вместе со Степаном Глебовым привозят в Петербург для розыска, который проводится с редкой даже для того времени жестокостью.

Допросы былой царицы ведутся «с пристрастием» – с пытками, причем Петр добивается выяснения связей матери с сыном. Обвинить Евдокию-Елену в измене не удается. Зато такой приговор выносится в отношении Степана Глебова – его сажают на кол. 19 апреля 1718 года былую царицу отправляют в «жестокую ссылку» в Староладожский Успенский монастырь, под личный надзор А. Д. Меншикова, являвшегося губернатором Петербургской губернии.

С восшествием на престол Екатерины I, опять-таки по подсказке А. Д. Меншикова, Евдокию отправляют в одиночное заключение в Шлиссельбургскую крепость как опаснейшую государственную преступницу. Фактический правитель России не забывал, что в симпатии к Евдокии были уличены многие монахи и монахини суздальских монастырей, что Ростовский епископ Досифей пророчествовал в своих проповедях о ее грядущем восшествии на престол, а во многих церквах ее продолжали поминать великой государыней.

В Новодевичьем монастыре Евдокия по-прежнему не чувствует себя принадлежащей к царской семье. Когда ее попытаются перевезти в Кремль, в Вознесенский монастырь, она очень скоро захочет вернуться в ставшие привычными места. И это по ее воле прах ее будет захоронен именно в Новодевичьем, а не в Вознесенском монастыре. Отвергнутая Петром, она не захотела до конца послабления своей участи.

Отечественная война 12-го года прошла для обители сравнительно благополучно. Сокровища монастыря игуменьей были заранее вывезены в Вологду. Посетивший обитель Наполеон разрешил продолжать в нем службы и даже отпускать из армейских запасов необходимое для совершения обрядов вино. Только накануне отступления французской армии последовал приказ взорвать весь монастырь. Для этого по периметру стен были помещены в специальных окопах бочки с порохом. Но взрыва не состоялось благодаря находчивости казначеи Сарры, успевшей вместе с монахинями загасить уже зажженные фитили. И тем не менее дальнейшая жизнь монастыря резко изменилась. Центром притяжения в нем стало едва ли не самое любимое москвичами кладбище.

Погребение в монастырской земле всегда считалось особенно почетным. Среди наиболее древних из числа дошедших до наших дней захоронений – князя и княгини Кубенских, боярина Г. Ю. Захарьина, семьи возглавлявшего с 1657 года Оружейную палату боярина Б. М. Хитрово с семьей. Многие могилы бесследно исчезли – монастырь постоянно продавал землю под погребения. Среди могил, сохранившихся внутри собственно монастырской ограды, – поэта-партизана Дениса Давыдова, драматурга А. А. Шаховского, писателей М. Н. Загоскина, И. И. Лажечникова, А. Ф. Писемского, Е. А. Салиас, деда, отца и дяди А. И. Герцена, одного из основателей Исторического музея археолога А. С. Уварова, филолога и искусствоведа Ф. И. Буслаева, историка М. П. Погодина, участников Отечественной войны 1812 года, декабристов, философов Соловьевых и даже владельцев Трехгорной мануфактуры Прохоровых. Тем более интересно монастырское кладбище, ставшее настоящей летописью русских замечательных людей.

Именно знаменитое кладбище во многом предопределило сравнительно

благополучную судьбу Новодевичьего монастыря после Октября. Все монастырские службы и башни были отданы под коммунальное жилье, но в целом монастырь стал с 1922 года музеем, а с 1934-го филиалом Исторического музея, статус которого сохраняет и по сегодняшний день.

Донской монастырь

Сразу же по восшествии своем на отеческий престол государь Федор Алексеевич начал совершать торжественные выходы в монастыри и особенно в загородный во имя иконы Донской Богоматери с великою пышностью. Перед Федором от Успенского собора шли окольничии, думные и ближние люди, стольники, стряпчие, дворяне, дьяки, в золотах (в золотных одеждах), наперед с нижних чинов, по три человека. За Федором шли царевичи (служебные), бояре, думные дворяне; за ними шли купцы в золотах, затем стольники, стряпчие, дворяне, жильцы, которые были не в золотах.

Около государева пути по обеим сторонам шли полковники и головы стрелецкие, в бархатных и объяринных ферезях и в турецких цветных кафтанах. А около всех тех чинов шли Стремянного приказу стрельцы, в один человек, в цветных нарядных кафтанах, с золочеными пищалями.

А на площади, меж соборных церквей Успения и Благовещения и Архангела Михаила, и по обе стороны пути до Мстиславского двора и на Ивановской площади стояли разных приказов стрельцы и стольники со знаменами и с барабанами и со всем ратным строем, в цветном платье.

По всем площадям и дорогам были поставлены «большие галанские и полковые пищали; а около тех пищалей поставлены были решотки резные и точеные, и писаны розными красками; а у пищалей стояли пушкарские головы с Пушкарским чином, с знаменами, в цветном платье».

Из донесения польского агента. 1676 г.

Это было военное чудо, спасшее Москву. Точнее – все Московское государство. Бегство татар из-под столицы в июле 1591 года. И в память о чуде решение царя Федора Иоанновича заложить Донской монастырь и строить его «не жалеючи сил». Впрочем, исходило такое решение, само собой разумеется, не от государя – от действительного правителя России, Бориса Годунова.

Во внешней политике России его правительство со дня вступления на престол Федора Иоанновича продолжало внешнеполитический курс Ивана Грозного. Правда, сначала активные действия в Прибалтике не велись – существовала слишком реальная опасность союза Польши и Швеции. Но коль скоро Польша, начав войну с турками, от подобной коалиции уклонилась, московское правительство нанесло удар Швеции. Речь шла о том, чтобы вернуть Московскому государству захваченные шведами земли и прежде всего возродить «Нарвское мореплавание». Номинально во главе русского войска был поставлен сам Федор, которого поддерживала и сопровождала в походе от Москвы до Новгорода царица Ирина. Борис Годунов нуждался в таком одинаково верном и неутомимом союзнике.

В январе 1590 года русские полки заняли Ям, окружили Копорье и двинулись к Нарве. Под Нарвой воевода князь Дмитрий Хворостинин наголову разбил выступившие ему навстречу шведские отряды, но дальше – дальше руководство решил взять на себя Борис Годунов в расчете на скорую победу. Совершенно неопытный в военном деле, к тому же склонный больше к переговорам, чем к решительным действиям, он не стал «норовить немцам», как его подозревали в том современники. Роковая ошибка царского шурина

заключалась в том, что он распорядился сосредоточить артиллерийский огонь по крепостным стенам в надежде пробить в них брешь, «а по башням и по отводным боем бити не давал». Башенная артиллерия противника смогла в результате нанести штурмующим огромные потери.

19 февраля начался главный штурм. Казалось, победа русских войск была предрешена хотя бы из-за громадного численного перевеса. Атака крепости началась сразу в семи местах. В главный пролом устремилось пять тысяч человек, из них тысяча казаков и две тысячи опытнейших стрельцов. Тем не менее шведскому гарнизону удалось отразить натиск. Русские подтягивали новые силы, у гарнизона же подобной возможности не существовало, и его командование запросило мира. Не дожидаясь вторичного натиска.

Но для победы московского войска был необходим именно такой второй – и как можно более стремительный – натиск. Годунов предпочел путь переговоров со шведами, которые те вполне сознательно затягивали. Между тем зима подходила к концу. Поверх льда на реке Нарове стали появляться трещины. Река могла разъединить силы русского войска, располагавшегося по обоим ее берегам. Но даже тогда Борис Годунов предпочел атаке приказ своим представителям «съехатца (со шведами) и покачати их (поуговаривать. – Н. М.) про Ругодив» и при любых обстоятельствах заключить мир на условиях… противника. Победа стала невозможной.

Под стенами Нарвы заключается перемирие, согласно которому шведы освобождают захваченные ими ранее крепости Ивангород и Копорье. Россия возвращает себе морское побережье между Наровой и Невой, вот только восстановить «нарвское мореплавание» не удается: порт Нарва остается у противника. Осуществленная военная кампания оказывается бессмысленной.

К тому же шведский король Юхан III стал немедленно готовиться к реваншу. Не получив поддержки Польши – Речи Посполитой, он заключает союз с Крымским ханством. Швеция проводит крупнейшую со времени Ливонской войны мобилизацию. К 1591 году на русской границе она сосредоточивает до 18 тысяч солдат. Со своей стороны Крымское ханство, располагавшее поддержкой турок – Оттоманской империи, бросает в наступление до 100 тысяч всадников. К крымцам присоединяется Малая ногайская Орда. За ханом Казы-Гиреем следуют также отряды из турецких крепостей Очаков и Белгород, янычары и турецкая артиллерия.

Целью вторжения была Москва: большие возможности открывал ее захват и перед Крымом, и перед Турцией, которые могли непомерно расширить свое влияние в Восточной Европе.

Между тем принимаемые Борисом Годуновым решения все более осложняли положение московских войск. Правительство не решается на попытку остановить неприятеля на берегах Оки и отводит полки от пограничных укреплений к столице. Утром 4 июля 1591 года неприятельское войско по Серпуховской дороге вышло к Москве и заняло Котлы. Русские полки расположились под Даниловым монастырем в подвижном укреплении, так называемом гуляй-городе. Днем произошел первый, как бы пробный бой, а ночью случилось невероятное – татары в панике начали отступление.

Почему? Историки до сих пор не имеют однозначного ответа. Официальная версия, высказанная «Государевым разрядом 1598 года», сводилась к тому, что, когда хан подступил к «гуляй-городу», русские воеводы с ним «бились весь день с утра и до вечера». Под покровом же ночи Борис Годунов вывел из «гуляй-города» запасные полки и артиллерию, подойдя к татарскому стану вплотную, обстрелял Казы-Гирея и тем вынудил к бегству.

Между тем ни очевидцы, ни участники этих событий подобной версии не подтверждают. Дьяк Иван Тимофеев, служивший в Пушкарском приказе, категорически утверждает, что никакой ночной атаки не было. Татар среди ночи испугала сильнейшая артиллерийская канонада. О том же говорят и московские летописи.

Существует и еще один источник – ранние записи Разрядного приказа, еще не прошедшие редактирования в царской канцелярии. В их изложении все выглядит совсем

иначе. Дневной бой ни значительным, ни кровопролитным не был. Казы-Гирей направил к «государеву обозу» сыновей, сам же «на прямое дело не пошел и полков своих не объявил». Чтобы «травиться» с татарами, воеводы послали из «гуляй-города» всего лишь конные сотни. Отдельные стычки длились весь день, но ни к чему серьезному привести не могли.

Вечером хан отступил к Коломенскому и распорядился разбить лагерь по обеим сторонам Москвы-реки. Царские же воеводы «стояли в обозе готовы, а из обозу в то время вон не выходили». В крупных ночных операциях смысла не было прежде всего потому, что осуществлять командование артиллерией и перемещением войск не представлялось возможным. Но дальше произошло настоящее чудо.

Глубокой ночью в «гуляй-городе» поднялся «великий всполох». Спавшие подле орудий пушкари по тревоге заняли свои места и открыли огонь. Вслед за их легкими пушками стали палить тяжелые орудия, установленные на стенах Москвы. Страшный грохот сотрясал землю. Вспышки выстрелов осветили всю округу и одновременно ее окутали клубы дыма. Не понимавшие случившегося воеводы выслали дворянские сотни к Коломенскому, чтобы разобраться в обстановке. Со своей стороны, татары, ничего не понимавшие в происходящем, увидели русских всадников и обратились в бегство, которому Казы-Гирей при всем желании не сумел противостоять. Слишком свежа была память о страшной ночной сече под Москвой в 1572 году.

Татары, не обращая внимания на свое командование, бежали к Оке, где их могли бы остановить воеводы на окских бродах. Но нерешительность годуновского правительства и тут сказала свое роковое слово. За беглецами было отправлено всего несколько дворянских голов с сотнями. Это они разгромили татарские арьергарды, взяв в плен то ли четыреста, то ли, как утверждают официальные источники, тысячу человек. Немало неприятелей погибло при переправах через Оку. Утонул и возок, в котором спасался бегством сам Казы-Гирей. Пути отступления орды были усеяны награбленным добром. Хан вернулся в Бахчисарай ночью в простой телеге.

Заслуги Бориса Годунова в произошедшем чуде не было никакой. И тем не менее на торжественном пиру в Кремле по случаю победы Федор Иоаннович снял с себя и надел на шурина золотую цепь. Среди множества наград Борис, которого чествовали как великого полководца, получил золотой сосуд, захваченный в ставке Мамая после Куликовской битвы, шубу с царского плеча и многие земельные владения.

Но бесчисленные награды шурина не могли ввести в заблуждение современников, которые писали, что Борис Годунов «во бранех же неискусен бысть» и «оруженосию же неискусен бысть». Тем не менее закладка Донского монастыря как бы окончательно утверждала представление о великой победе. Место для монастыря было определено там, где стояли русские полки и где в особо устроенной палатке-церкви находилась в те дни икона Донской Божией Матери, которая якобы была с Дмитрием Донским на Куликовом поле.

Несомненно принималась в расчет и необходимость дополнить именно с этого направления оборонное кольцо сторожей города.

Сегодня она хранится в Третьяковской галерее – икона, написанная знаменитым византийским мастером Феофаном Греком и окутанная множеством легенд.

Известно, что расписал Феофан Грек около сорока церквей. До приезда в Московское государство работал в Галате – генуэзском квартале Константинополя и Халкидоне, по другую сторону бухты Золотой Рог. Ему довелось работать и в Кафе – генуэзской колонии в Крыму, после чего в 1370-х годах мастер оказался в Новгороде Великом, где расписал церковь Спаса на Ильине улице. Заказы приводят его затем в Нижний Новгород и в Коломну. В 1390-е годы он работает в Московском Кремле. Троицкая летопись свидетельствует, что в 1395 году «Феофан иконник, гречин философ, да Семен Черный и ученики их» расписывают здесь церковь Рождества Богородицы. В 1399 году «гречин философ» с учениками расписывает фресками Архангельский собор, а в 1405-м вместе со старцем Прохором с Городца и чернецом Андреем Рублевым работает в Благовещенском соборе, где сохранились до наших дней деисусный и праздничный чины иконостаса.

Об этих обстоятельствах своей жизни рассказывает и сам мастер в письмах к Епифанию Премудрому и Кириллу Белозерскому. Едва ли не первый среди иконописцев Феофан Грек обращается и к светской живописи. Им было написано изображение Москвы «в камене стене» для князя Серпуховского Владимира Андреевича Храброго в его хоромах в Серпухове и украшение терема великого князя «незнаемою подписию и страннолепною» в Москве. Сохранились, хотя и в повторении, рисунки Феофана Грека, изображающие константинопольскую Софию.

Богоматерь Донская была написана для Успенского собора в Коломне и оттуда в XVI веке перенесена в Благовещенский собор Московского Кремля. Время ее создания – 1392 год, поэтому легендой остается и то, что она была на Куликовом поле, и то, что подарили ее перед сражением великому князю Московскому донские казаки. Достоверно известно, что еще в Коломне перед образом молился Иван Грозный, отправляясь в Казанский поход.

В 1687 и 1689 годах икону брал с собой в Крымские походы фаворит правительницы царевны Софьи В. В. Голицын.

Так случается не часто, но внутри Донского монастыря в 1894 году между Большим и Малым соборами Донской Божией Матери был установлен четырехгранный обелиск, на котором изложена вся история монастыря. Старейший его храм – иначе Старый собор возведен в 1591–1593 годах. Одноглавый, бесстолпный (не имеющий внутренних опорных столбов), с крестовым сводом, он очень прост по декоративной обработке. И хотя в ней угадываются итальянские приемы, последние очень упрощены московскими строителями. В предреволюционные годы Старый собор служил трапезной. В конце XVII века к нему были пристроены два придела, соединенные с храмом-трапезной двумя столбами. Тогда же появилась и шатровая колокольня.

Настоящее внимание царского двора Донской монастырь приобретает только в годы правления царевны Софьи. С 1686 года начинают сооружаться каменные стены с двенадцатью башнями, которые будут закончены только в 1711 году. Это вклад дьяка Якова Аверкиева Кириллова, ведавшего лекарственным делом. Его палаты и двор, один из интереснейших памятников древнерусской архитектуры конца XVII века, поныне украшают Берсеневскую набережную рядом с бывшим Домом правительства. Монастырские стены выполнены в стиле так называемого московского барокко с характерными декоративными приемами, свидетельствующими о малороссийских веяниях. Особенно замысловатыми оказались завершения башен.

До сего дня не разгадана загадка Большого собора, построенного в 1684–1698 годах по обету старшей сводной сестры Петра I царевны Екатерины Алексеевны. Стесненные в средствах царевны редко решались на подобные траты, к тому же остается неизвестной и причина обета. Всегда интересовавшаяся архитектурой, особенно заботившаяся о внутренней отделке своих покоев в теремах, царевна Екатерина Алексеевна успевала подумать и о своих помещениях в Новодевичьем монастыре и – едва ли не главное для ее благополучия – никогда не раздражать Петра. Петр ни в чем не ограничивал старшую сестру, ни в чем ее не подозревал, охотно допускал ее жизнь в Петербурге.

В плане Большой собор имеет форму креста, середину которого представляет квадрат, а концы – апсиды. Благодаря такому решению зодчий получил возможность поместить четыре главы храма крестообразно, по странам света, что тоже свидетельствует о малороссийском влиянии. Из этих пяти глав, которыми увенчан собор, вызолочена только центральная, тогда как остальные покрыты ярью с медными позолоченными звездами.

В 1717 году собор был окружен крытой галереей со сводами и широкими двойными окнами. Впечатление монументальности храма в интерьере подчеркивается превосходным шестиярусным иконостасом конца XVII века, русской работы. Внутренняя роспись выполнена в 1782–1785 годах живописцем Антонио Клаудо по эскизам архитектора В. И. Баженова.

По окончании стены над северными воротами сооружается церковь Тихвинской Божией Матери, предположительно архитектором И. П. Зарудным (1713–1714), а с

вступлением на престол Анны Иоанновны – колокольня над западными воротами (1730–1753), создание которой связывается с именами архитекторов Доменико Трезини, строителя Петропавловской крепости в Петербурге и одноименного собора в ней, И. И. Шеделя, известного по работам в Александро-Невской лавре, и московского зодчего А. П. Евлашева. Незадолго до Отечественной войны 12-го года в Донском монастыре строится выдержанная в стиле классицизма церковь Архангела Михаила (1806–1809), служившая усыпальницей князей Голицыных.

Одним из знаменательных событий в истории обители становится Чумной бунт 1771 года, когда разъяренная толпа убила прятавшегося от нее на хорах Большого собора епископа Амвросия. Все началось с площади у Варварских ворот Китай-города, где висела икона Боголюбской Божией Матери. Во время бушевавшей эпидемии, ежедневно уносившей сотни жизней, священнослужители спустили икону и ежечасно служили около нее молебны, причем верующие толпами прикладывались к святыне. Один из образованнейших людей своего времени епископ московский Амвросий (в миру Зертис-Каменский), богослов и духовный писатель, распорядился снова поднять икону, за что и подвергся нападкам народа. Его тело было растерзано (прах епископа покоится в Старом соборе). В память же об избавлении Москвы от чумы, в котором принял участие специально присланный императрицей Екатериной Григорий Орлов, установился обычай ежегодно 15 июня служить перед иконой благодарственные ночные молебны.

В 1812 году монастырь подвергся разграблению наполеоновскими войсками, но все его постройки уцелели, а наиболее ценное имущество было заблаговременно увезено в Вологду.

Но едва ли не самым интересным в истории монастыря стала связь с членами семьи царя Иоанна Алексеевича, главным образом его вдовы царицы Прасковьи Федоровны и дочерей, прежде всего царевны Прасковьи Иоанновны, младшей и самой строптивой. Средняя, Анна Иоанновна, первой покидает семью и Москву, выданная Петром I замуж за герцога Курляндского, старшая, любимица матери, Екатерина Иоанновна дождется своей судьбы спустя шесть лет, в 1716 году. Ее свадьбу с герцогом Мекленбургским с невероятной пышностью играют в Гданьске-Данциге в присутствии польского короля. Прасковья остается в Москве, а позднее в Петербурге и сама находит себе жениха – члена Военной коллегии, автора «Военного регламента» Ивана Ильича Дмитриева-Мамонова-старшего. Мало того, от этой связи рождается внебрачный ребенок и – что самое удивительное – Петр I после первой бешеной вспышки гнева дает молодым разрешение на «тихую» свадьбу. Новая семья продолжает жить при дворе.

В Донском монастыре, еще до замужества, Прасковья Иоанновна принимает участие в строительстве надвратной Тихвинской церкви, сама наблюдает за ходом работ вместе с «милетинской», как ее называли в Москве, – имеретинской царевной Дарьей Арчиловной. Одинаково не слишком богатые, обе царевны постоянно тратятся на обитель и их словно бы общую церковь.

Имеретия во второй половине XVII века. Все усиливающееся давление со стороны турецкого и персидского государств, грозившее потерей национальной независимости, а вместе с ней независимости религиозной и культурной. Вступив на престол в 1663 году, царь Арчил II находит злейшего врага в лице собственного брата – рвавшегося к власти Георгия. В начале 1680-х годов Арчил решает принести присягу русскому царю и со всем двором, семейством и свитой оставляет Имеретию.

Однако у правительства царевны Софьи иной взгляд, чем у только что скончавшегося Федора Алексеевича. Новых подданных задерживают в Астрахани, которая и предназначается для постоянного пребывания имеретинских выходцев. Арчил не чувствует себя здесь в безопасности и убеждает советников русского правительства по возможности оградить жизнь его наследников. Два старших царевича получают разрешение приехать в Москву. Александр Арчилович назначается в товарищи маленькому Петру. Так было легче следить за обоими отпрысками.

Дружба мальчиков, по-видимому, не вызывала опасений у самой Софьи, но все же на

всякий случай она решает связать царственного грузина брачными узами со своей семьей. По ее выбору Александр Арчилович женится на дочери двоюродного брата правительницы, единственной наследнице незадолго до того умершего боярина И. М. Милославского. Близкий родственник первой супруги царя Алексея Михайловича был к тому же душой стрелецкого заговора против Нарышкиных. Центром подготовки заговора стала подмосковная вотчина Милославских – село Всесвятское. Теперь Всесвятское переходило в собственность Федосьи Ивановны, а с ее смертью в 1695 году стало московской резиденцией Александра Арчиловича. Иного дома в столице у него не было.

Только для Александра Арчиловича отсутствие собственных московских палат значения не имело. Его жизнь проходит в непосредственной близости к Петру. Вместе с Петром уезжает он в 1697 году в составе Великого посольства в страны Западной Европы и задерживается в Гааге для обучения бомбардирскому – артиллерийскому делу.

По возвращении в Россию имеретинский царевич получает сразу чин генерал-фельдцейхмейстера и руководство Пушкарским приказом. Его задачей было обновить этот род войск по новейшим западным образцам. Удовлетворенный познаниями товарища детских игр, Петр не забывает и его отца, который в виде поощрения успехов царевича становится владельцем села Лыскова Нижегородской губернии.

Служба Александра Арчиловича оказалась недолгой. При осаде Нарвы он командовал всей русской артиллерией, и неудачно – оказался в плену вместе со всем вооружением армии. Весь остаток жизни он проведет в качестве пленного в Стокгольме. Шведское правительство категорически отвергало все попытки Петра обменять или выкупить своего ближайшего соратника. Первый генерал-фельдцейхмейстер умер в 1711 году. В Москву был возвращен только его прах.

В «Истории Москвы», выпущенной к 800-летию столицы, приводилась еще одна связанная с грузинскими выходцами подробность – факт передачи Петром I Арчилу Имеретинскому Донского монастыря, ставшего культурно-просветительским центром и одновременно усыпальницей выдающихся деятелей Грузии.

Предположение о размещении в монастырских стенах первой грузинской типографии оставалось только предположением: документальных подтверждений его не приводилось. Зато документы свидетельствовали, что в течение XVIII века неоднократно поднимался вопрос о переводе в Донской монастырь духовной академии Заиконоспасского монастыря. Мешало его положительному решению отсутствие необходимых помещений и нехватка средств на их строительство. Русская духовная академия и грузинское культурно-политическое землячество – подобное совмещение в одних стенах представлялось маловероятным. Да и так ли точны сведения той, старой «Истории Москвы»?

Судя по монастырским архивам, деятельная связь Арчила II с монастырем устанавливается после перевоза в Москву из Швеции останков сына. Именно тогда Арчил выхлопотал разрешение построить под алтарем главного собора семейную усыпальницу имеретинских царей, куда перенес прах и двух других своих сыновей, ранее похороненных в Новодевичьем монастыре. Вряд ли можно считать достаточным доказательством передачи Петром Арчилу целого монастыря тот факт, что настоятелем его с 1706 года становится архимандрит Имеретинский.

Как и все остальные московские монастыри, Донской располагал обширным внутренним кладбищем, где в XVIII – первой половине XIX века были погребены семьи Сухановых, Протасовых, Хвощинских, Петрово-Соловово, Свербеевых, Глебовых-Стрешневых, Паниных, Вяземских, Бобринских, Долгоруких, Урусовых, Толстых, рядом с которыми постепенно появляются фамильные захоронения купцов и промышленников, вроде Лепешкиных, Лукутиных, Сазиковых.

По сторонам Большого собора располагались могилы «патриарха русской поэзии», баснописца И. И. Дмитриева, историков Н. И. и Д. И. Бантыш-Каменских, последнего из рода князей Одоевских – Владимира, одного из виднейших представителей русского романтизма, известного автора детских сказок «Дедушки Иринея».

Донское кладбище, как ни одно другое в Москве, богато превосходными памятниками. Один из таких монументов – плачущий ангел над урной – отмечает место погребения Кожуховой и снабжен характерными для того времени стихами:

Мне не дали омыть твой милый прах слезами,
Внезапно – без меня – ты в вечность преселилась!
Страдать – вот мой удел, назначенный судьбами,
Но не надолго ты со мною разлучилась.

У самой стены Старого собора сохранялась плита с надписью: «Петр Яковлевич Чаадаев – кончил жизнь 1856 года 14-го апреля». Человек, которому Пушкин посвятил строки:

Всевышней волею небес
Окованный на службе царской —
Он в Риме был бы Брут, в Афинах – Периклес,
У нас – он офицер гусарский.

В нескольких шагах покоится прах куратора Московского университета и знаменитого в свое время поэта М. М. Хераскова с эпитафией, написанной его супругой, также известной поэтессой. Здесь же могила дяди Пушкина – поэта Василия Львовича. Сюда московские актеры принесли скончавшегося Сумарокова – принесли от его дома на Новинском бульваре буквально на руках. Для них это был долг перед драматургом, в пьесах которого они много лет играли, но и прямая необходимость: ни у них, ни у покойного не было средств на иные похороны. В соседней могиле – любимейший московский зодчий О. И. Бове, кому старая столица обязана своим возрождением после пожара 1812 года: он возглавлял общие проектные работы и был автором многих построек.

Могилы историка В. О. Ключевского, философа С. Н. Трубецкого, первого избранного ректора Московского университета «эпохи краткой весны» 1904–1905 годов, по выражению современников, композитора С. И. Танеева на старом кладбище дополняются надгробиями членов Государственной думы первого созыва и ее председателя профессора С. А. Муромцева – «первого гражданина» России, языковеда и писателя Ф. Е. Корша, директора Технического училища А. П. Гавриленко, художника Валентина Серова и многих других на новом монастырском кладбище. Они – как страницы истории нашей культуры, разные и единые в своем служении не государству и не правительству – всегда и только народу.

Октябрьский переворот привел к упразднению монастыря, и только с 1934 года в нем разместился Музей архитектуры Академии архитектуры, а с 1964-го филиал Научно-исследовательского Музея архитектуры имени А. В. Щусева.

И еще одна подробность. На территории нового кладбища Донского монастыря в 1927 году был открыт первый в Москве крематорий, просуществовавший до 1973 года, где рядом с урнами старых большевиков в колумбарии существуют и массовые захоронения пепла «врагов народа», в том числе В. Э. Мейерхольда.

Часть 4
Сторожи покоя и милосердия

Покровский монастырь, что на убогих домех

В то время как Федоровский монастырь увековечил возвращение патриарха Филарета из польского плена, Покровский-Училищный-Убожедомский, как иначе его называли, стал надгробным памятником «второго государя». Царь Алексей Михайлович основал его в честь

отца в 1655 году на месте Убогого дома, или иначе общего кладбища – места захоронения всех бездомных и умерших насильственной смертью.

С 1745 по 1766 год в монастыре помещалась духовная семинария, а в первой половине следующего столетия он был перестроен. Новый ансамбль сохранился далеко не полностью. Сейчас от него остались церковь Покрова (1806–1814), кельи, строившиеся на протяжении XVIII–XIX веков, дом причта (начало XIX века).

В середине XIX столетия были сооружены декоративные стены, ограды и башни, южные и северные ворота и церковь Воскресения. В 1870 году монастырь перешел в ведение Православного миссионерского общества, откуда пошло новое название монастыря – Покровский Миссионерский.

Кладбище Покровского монастыря. Фото 1920-х гг.

При монастыре сохранялось кладбище, вплоть до Октября две женские богадельни на семьдесят пять человек и аудитория пасторских курсов. В годы Первой мировой войны к ним присоединился также лазарет на триста человек для раненых и больных нижних чинов.

Последний настоятель – епископ Модест, казначей – иеромонах Никодим, духовник – иеромонах Иакинф, благочинный – иеромонах Игнатий. В монастыре числилось десятеро иеромонахов и восемь иеродьяконов.

Надгробие на могиле Ю. Н. Говорухи-Отрока на кладбище Покровского монастыря. Фото начала 1920-х гг.

Православное миссионерское общество состояло под покровительством императрицы Марии Федоровны и насчитывало до десяти тысяч членов. Затраты на содержание миссий достигало в начале XX века трети миллиона рублей. Председательствующим был митрополит Московский и Коломенский Макарий, его помощником епископ Дмитровский преосвященный Трифон. В состав совета входили попечитель Московского учебного округа, член Совета императорского лицея Александр Андреевич Тихомиров, председатель московского Цензурного комитета, руководитель издательства книг по русской истории Владимир Владимирович Назаревский, профессор Московского университета Александр Иванович Алмазов, он же секретарь московского Духовного цензурного комитета, секретарь экспедиции Московской духовной консистории, член совета Управления епархиальным домом Н. П. Вышеславцев, известный присяжный поверенный, староста церкви Николы Явленного Н. М. Ремизов.

Православным миссионерским обществом издавался журнал «Православный Благовестник» под редакцией Н. Комарова.

Монастырь был упразднен после Октября. На территории кладбища был разбит Парк культуры и отдыха Ждановского района.

Андреевский монастырь

Стал памятником одному из замечательнейших просветителей Древней Руси Федору Михайловичу Ртищеву. Собственно Ртищевы вели, согласно старинным родословцам, свой род от выехавшего из Золотой Орды к великому Московскому князю Дмитрию Ивановичу Донскому в 1389 году Ослана-Челиби-Мурзы. Сын выходца, в крещении Лев Прокопиевич,

носил прозвище Широкий Рот, давшее основание всей фамилии.

Михаил Алексеевич Ртищев был воеводой при царе Алексее Михайловиче, пожалован в постельничие и окольничие, управлял Приказом Новой чети. Из двух его сыновей Федор Михайлович Большой, в свою очередь, получил чин окольничего, но царской службе предпочел монашескую.

В двух верстах от Москвы Федор Большой основал скит и начал раздавать свое имущество бедным. Слух об отшельнике быстро распространился по столице, дошел до царя, и Алексей Михайлович захотел приблизить отшельника к себе, дав ему, как и его отцу, сан постельничего.

Пользуясь поддержкой царя и патриарха Иосифа, Ртищев на месте своего первоначального поселения основал «учительный» монастырь – Спасопреображенский, а в нем училище, где «обучали языкам славянскому и греческому, наукам словесным до реторики и философии». В качестве учителей на счет Ртищева были вызваны киевские монахи. В 1685 году училище перевели в Москву, в Заиконоспасский монастырь, где оно послужило началом Славяно-греко-латинской академии. Учителей Ртищев поощрял к переводам с греческого на славянский, а Епифания Славинецкого, входившего в их число, к составлению славяно-греческого словаря.

Деятельная натура Ртищева не позволила ему ограничиться одним просветительством. Еще в 1650 году он основал под Москвой на своих землях гостиницу для бедных. Когда в Вологде разразился голод, не располагая иными средствами, он поступился своими дорогими одеждами и сосудами, чтобы помогать пострадавшим. Под Арзамасом с той же целью уступил местным жителям безвозмездно свои лесные дачи. Во время войны с поляками и литовцами особенно заботился о раненых, не делая различия между русскими и иноземными воинами.

Активностью Ртищев нажил себе множество врагов, в том числе в среде церковников, поскольку он указывал на неправильности в церковной службе и уставе, а самому Никону советовал не вмешиваться в государственные дела.

Попытка убийства Ртищева первый раз привела к еще большему его сближению с Алексеем Михайловичем. Царь благодаря заступничеству боярина Морозова делает Федора Михайловича заведующим своей соколиной охотой. По свидетельству современников, именно Ртищев становится автором устава соколиной охоты.

Вторичное покушение на жизнь Ртищева заставляет последнего искать спасения в царских покоях, после чего Алексей Михайлович доверяет своему любимцу стать воспитателем своего рано умершего «объявленного» наследника, царевича Алексея Алексеевича.

Перед кончиной Ртищев завещал отпустить всех своих слуг на волю и не притеснять крестьян. Между тем Спасопреображенский монастырь продолжал процветать и обустраиваться. В 1675 году в нем строится надвратная церковь Андрея Стратилата (перестроена в 1805 г.), в течение 1689–1703 годов церковь Воскресения – обе дошли до наших дней.

При Петре I принимается решение превратить Спасопреображенский монастырь в некий род будущего Воспитательного дома – «заведение для подкидышей и беспризорных детей». Но такой статус сохраняется в монастыре лишь в течение 1724–1731 годов. В 1764 году он упраздняется вообще и в нем основывается богадельня. Те м не менее в 1748 году здесь появляется церковь Иоанна Богослова, а в XIX веке корпуса богаделен. Память об «учительной» обители остается в анналах Москвы.

Монастырь всех скорбящих радости

Пресвятая Владычице моя Богородице, святыми твоими и всесильными мольбами отжени от мене смиренного и окаянного раба твоего уныние, забвение, неразумие, нерадение и вся скверная, лукавая и хульныя помышления от окаянного моего сердца и от

помраченного ума моего, и погаси пламень страстей моих, яко нищ есмь и окаянен. И избави мя от многих лютых воспоминаний и предприятий, и от всех действ свободи меня.

Из утренней молитвы Богородице.

Понял сразу: это конец. Хоть отчаянно делал все, что подсказала последняя надежда. Летописцы скажут: заскорбел главою. Может, и так. Только голова не отказала. Сознание не мутилось. Хворей за всю жизнь не знал. Лекарей не допускал. Обходился травами. Семьдесят лет – велик ли век для монаха!

5 марта слег. Спустя десять дней соборовался и посвятился елеем. Полегчало. Не могло не полегчать. Как у всех. 16 марта распорядился «за спасение души своей и ради облегчения от болезни» подать милостыню. Во все московские монастыри. Женские и девичьи. Игуменьям и старицам. Кроме Воскресенского, что в Кремле, и Алексеевского, что в Чертолье. Кремлевский – царицын, негоже. Алексеевский стал тюремным двором для женщин-узниц. Для Тайного приказа. Пытошным. Там и на дыбу подымали, и плетьми били, да мало ли.

И еще по всем богадельням московским – мужским и женским. Нищему каждому по шести денег. Вроде и немного, а гляди – пятьдесят восемь рублей десять денег набежало. Казначей Паисий успел ответ дать. Святейший Иоаким всегда знал деньгам счет. Пустых трат не терпел. На школьников и учителей – другое дело.

Только главным оставалось завещание. Не о богатствах и землях – о них позаботился давно. Родных много, обидеть никого не хотел. Братьев одних трое. Племянников с десяток. Сестра…

О другом думал: чтоб духу не было на Русской земле ни раскола, ни чужих законоучителей. Государям завещал. Петру и Иоанну Алексеевичам. Больше полугода прошло, как не стало власти у мудрейшей из мудрых царевны Софьи. С ней все иначе было. Теперь убеждал. Наказывал. Грозил. Властью своей и бедами.

Того же 16 марта приказал прикупить каменный гроб. Его велел отныне называть ковчегом. Так потом и пошло. Если в Мячкове на каменоломнях у каменщиков нету, у московских каменных дел подмастерьев спросить. От кончины до погребения один день положен – успеть ли?

Успели. Хоть 17-го святейшего не стало. В своей келье отошел. На Патриаршем дворе. В тот же час доставили в келью дубовый гроб. Казначей Паисий записал в расход: за два рубля. Все по чину и обычаю. Снаружи черное сукно с зелеными ремешками. Внутри – бумага, бумажный тюфяк и бумажная подушечка.

Одр для выноса ковчега новый изготовили. Тоже под черным сукном. Гвоздей отпустили в обрез: дорогой материал не портить. Святейший сколько раз говаривал, чтоб лоскут не пропадал – отпевавшим попам в награду давался. Все было готово для последнего пути девятого патриарха.

Гроб сначала вынесли в домовую церковь. Патриаршию. Двенадцати Апостолов. Ту самую, которую кир Иоаким строил, украшал. Сюда мог прийти для прощания каждый. Приложиться к руке усопшего, отдать земной поклон. Часть дня и всю ночь.

19 марта под перезвон всех кремлевских и городских церковных колоколов подняли одр архимандриты и игумены. Хоронила святейшего вся Москва.

Впереди шествовали протопопы, священники всех сороков, дьяконы с иконами, крестами, рипидами, певчие с лампадами и свечами. Перед самым одром несли великий символ русского патриаршества – посох святого Петра Митрополита. Шествие двигалось под надгробное пение. В Успенский собор. Главный в государстве. Где короновали на царство царей и погребали церковных иерархов. Цари земные – цари духовные. В пышности и торжественности церемоний одни не уступали другим.

Надгробие на могиле Ф. Н. Плевако. Фото конца 1920-х гг.

Достойной святейшего должна была быть и могила. Ее копали в самом соборе. Выкладывали кирпичом на извести. Посередине выводили кладку. Кладка служила постаментом каменного гроба-ковчега с покрытой резьбой крышкой. На крышке приличествующие слова в расписанной и позолоченной кайме. Другая надпись на особой каменной доске, которую приставляли к гробнице, – «летопись» жизни и деяний покойного.

В одном чин был нарушен. То ли волею покойного, то ли приказом государей на кладку гроб дубовый не поставили, а положили вынутое из него тело. За всю историю патриаршества такое раньше случалось всего один раз. С Иосафом I, преемником Филарета. Михаил Федорович сам повелел опустевший гроб «поставить в Колокольницу под большой колокол». Так и хранить. Вечно. Куда потом делся – неведомо.

Мало что накрыли гроб-ковчег каменной крышкой, соорудили поверх каменную надгробицу с замычкою ее свода. А тогда уж сверху накинули покров. Для простых дней был вседневный – черного сукна с нашитым из простого серебряного кружева крестом. Для торжественных – бархатный, с крестом из кованого серебряного кружева. Сверху киот с иконами. Шандалы со свечами. Серебряное блюдо, на которое ставили кутью в дни поминовений. И в эти мелочи кир Иоаким успел войти, всем распорядиться. Духом остался крепок. Как всю жизнь, а о ней-то и повествовала каменная надгробная «летопись». Летопись кира Иоакима, в миру Ивана Большого Петровича Савелова, можайского дворянина.

…Слов нет, мирская тщета, а все равно и под клобуком родом своим гордился. То ли и впрямь шел он от выходца из «Свиязской» земли, легендарного Андроса, то ли начинался от всем известного посадника Великого Новгорода Кузьмы Савелова. Богатого землями, селами, рухлядью. Войны не искавшего, но и сражений не чуждавшегося, – было бы за что постоять. За то же выкликнули в 1477 году посадником и сына его Ивана Кузьмича, а спустя несколько месяцев взял под Новгородом верх Московский князь. Вместе со знаменитой своим упорством и крутым нравом Марфой Борецкой вывезли Ивана Кузьмича в Первопрестольную. Лишили отписанных на Московского князя – конфискованных – земельных владений. При Иване Грозном постигла та же судьба и младших Савеловых, силой переселенных в Ростов Великий и Можайск. Великим князьям главным казалось оторвать древний род от крепких корней.

Не каждый бы такую обиду простил, не каждый душой смирился. Савеловы разобрались: одно дело – государь, другое – родная земля. У государей ласки не искали, за землю сражались честно. Не зря в царском указе о награждении брата патриарха – Тимофея Петровича Савелова – будет сказано: «…за его которые службы, ратоборство и храбрость и мужественное ополчение и крови и смерти и предки и отец его и сродники и он показали в прошедшую войну в Коруне Польской и Княжестве Литовском, похваляя милостиво тое их службу и промыслы и храбрость, в род и в потомство поместья в вотчину в Можайском уезде… жеребей пустоши Захарковой… А буде у него в роду не останется и та вотчина останется не продана, и не заложена, и в приданое не отдана и та вотчина взять и приписать к нашим великого государя волостям…» Речь шла о том самом Захарове, близ Больших Вязем, где прошло детство Пушкина.

Верно, что убит был поляками родной дядя патриарха и Тимофея Петровича Анкидин Иванович, что сложил в боях с ними голову под родным Можайском другой дядя – Тихон. Но пришла царская благодарность слишком поздно – без малого полвека спустя. Богатства в своем детстве племянники не знали. Дед Иван Софронович, по прозвищу Осенний, был всего-то царским сокольником и не пережил польского лихолетья: в 1616 году прибрался. Отец – Петр Иванович тоже оставался при дворе, но кречетником. От царя недалеко, но корысть для сыновей небольшая. Оттого и начал Иван Большой Петрович службу среди простых рейтар и только в двадцать четыре года сумел попасть на придворную должность – стать сытником. Опять невеликая должность, зато всегда у царя на глазах.

Не замечать сытников царь не мог. Автор записок тех лет Котошихин пояснял: «…чин их таков: на Москве и в походех царских носят суды с питием, и куды царю лучится итти или ехати вечеровою порою, и они ездят или ходят со свечами».

Не один год понадобился Ивану Большому, чтобы выбиться из придворных служителей в стряпчие Кормового дворца. Настоящих покровителей не хватало, а одной честной службой далеко ли уйдешь. Может, потому и решился тридцатилетний стряпчий снова испытать судьбу – вернуться в рейтарский строй.

Для Московского государства все начиналось еще в 1647 году, когда казацкий сотник Зиновий Богдан Хмельницкий бежал из Украины в Запорожье, а оттуда в Крым. Борьба с поляками была трудной и заметных успехов не приносила. Богдан вернулся из Крыма с существенной подмогой – татарским войском. Избранный казацкой радой в гетманы, он поднял всю Украину и вместе с татарами добился нескольких блестящих побед. Разгромил польское войско при Желтых Водах, Корсуне, Пилаве, осаждал Замость и наконец заключил под Зборовом выгодный мир.

Но удача так же скоро отвернулась от Хмельницкого. Гетман неожиданно потерпел поражение под Берестечком и принужден был согласиться на куда менее почетный и выгодный мир, которого народ не захотел ему простить. Оставалось искать поддержки у русского царя. В октябре 1653 года казаки по их собственной просьбе были приняты в русское подданство, а московский царь объявил войну обижавшей их Польше. 13 мая 1654 года сам Алексей Михайлович возглавил войско, двинувшееся к Смоленску.

Поход оказался очень успешным, и государь сразу по взятии Смоленска возвратился в

Москву, которую в отсутствие войска охватила жестокая моровая язва. Радость победы и полученных поощрений была отравлена для рейтара Ивана Большого Савелова страшным несчастьем. В одночасье болезнь унесла и его молодую жену Евфимию, и четырех малых детей. Московский двор на Ордынке стоял вымершим и пустым.

Можно было начать восстанавливать родное гнездо, обзавестись новой семьей. В тридцать четыре года это было так просто. Можно было забыться в новом походе: весной 1655-го Алексей Михайлович опять двинул войска. 30 июля московское войско торжественно вступило в Вильно. Позже удалось взять Каунас и Гродно. В ноябре победители вернулись в Москву. Но Ивана Большого Савелова с ними уже не было. Он нашел иной выход: принял постриг. Инок Иоаким отстранился ото всех мирских дел и треволнений. Впрочем…

Именно в иноческом чине дают о себе знать по-настоящему энергия, воля и редкие организаторские способности былого Ивана Большого Савелова. И еще широкая книжная ученость, которую трудно было подозревать в рядовом сытнике или подьячем. Спустя девять лет после пострига Иоаким ставится в архимандриты кремлевского Чудова монастыря. В годы его правления обителью голландец Кленк напишет, что «Чудов монастырь скорее можно назвать дворянским учебным заведением, чем монастырем. Там редко увидишь кого другого, как только детей бояр и важных вельмож. Их помещают туда, чтобы отдалить от дурного общества и научить благонравному поведению. По исполнении шестнадцати лет от роду они снова могут уйти». Но это лишь одна особенность обители, которую мог заметить иностранец. Главное заключалось в постоянном участии братии Чудова монастыря в личной жизни царей, в «государственном устроении». А в 1666 году Иоаким оказывается рядом с царем, когда принимается решение лишить Никона сана и заточить в Белозерский Ферапонтов монастырь. Да и мало ли в эти годы непростых для Алексея Михайловича жизненных обстоятельств.

В 1669 году не стало царицы Марьи Ильиничны, а в следующем объявленного народу наследником царевича Алексея Алексеевича – повод для нового появления Степана Разина, выдававшего себя за покойного. Здесь и увлечение красавицей Натальей Нарышкиной, и осужденная многими царская свадьба с новой царицей. Иоаким оказался в числе тех, кто спокойно принял развитие событий. Больше того, он поставляется в митрополиты Новгородские при поддержке царя, а спустя каких-нибудь два года и в патриархи. 26 июля 1674 года стало звездным часом Ивана Большого Петровича Савелова. Отныне для истории существовал только кир Иоаким.

Он до конца своих дней продолжает добиваться исключительности положения московской церкви. В 1687 году Киевская митрополия, с согласия восточных патриархов, подчиняется патриарху Московскому. Православным во укрепление их веры Иоаким оставляет образ Божьей Матери Всех Скорбящих Радости, им открытый, им же превращенный в образ особого почитания и бесконечной надежды.

Историки утверждают, что эта тема появилась в нашей иконописи не ранее XVII столетия, точнее – во времена правления церковью Иоакима. Такое раньше трудно себе представить – Царица Небесная, окруженная обыкновенными людьми, страдающими от недугов и житейских скорбей. «Алчущих кормилица», «нагих одеяние», «больных исцеление», «сирым помощница», «одиноким утешение», «жезл старостии» – строки канона Богородице, расписанные по всему полю иконы, позволяли каждому молящемуся найти свою беду и увериться в возможности помощи свыше.

…Двор на Большой Ордынке, на окраине Кадашевской слободы. Сестра Евфимия, пораженная неизлечимым недугом. Пророческий сон патриарха, увидевшего Богородицу, обещающую исцеление страждущей.

Икона по описанию Иоакима была тут же заказана иконописцам Оружейной палаты. Первый же молебен, отслуженный у нового образа, совершил чудо: многие годы лишенная ног Евфимия встала и пошла. По обету Савеловы соорудили на своей земле храм во имя Божьей Матери Всех Скорбящих Радости, как стала называться икона. Толпы страждущих

устремились к Чудотворной. Иначе ее стали называть патриаршим образом. Образом Иоакима Савелова.

Спустя почти сто лет на месте обветшавшей и разобранной церкви встанет трапезная и колокольня, построенные, как можно предположить, знаменитым В. И. Баженовым. Внимание прославленного зодчего к приходской церкви объяснялось просто. Через дорогу от нее находился двор родственников его жены, купцов Долговых. Она и сегодня украшает улицу, выстроенная по проекту того же Баженова долговская городская усадьба с главным домом, окруженным двумя крыльями-флигелями и торжественной оградой с воротами.

Конечно, со временем Скорбященский храм перестает быть единственным в Москве. Одноименные церкви возникают в Старо-Екатерининской больнице на Второй Мещанской улице, при Алексеевской психиатрической больнице, получившей в просторечии название Канатчиковой дачи, на Калитниковском кладбище и на Зацепской площади. А в 1856 году освящается домовая церковь княжны Александры Владимировны Голицыной, которая по имени семейного храма называет и основанный ею в 1890 году общежительный монастырь на Новослободской улице, в районе Бутырской заставы.

Соборный храм обители был возведен на средства Воскресенской купчихи Акилины Алексеевны Смирновой. При монастыре было устроено кладбище. Основательница обители позаботилась и об открытии при обители 8-классной женской гимназии с правами государственного аттестата.

Последними «властьми» стали здесь настоятельница игуменья Нина, казначея монахиня Феофила. В штате состояли три священника и два дьякона.

Единоверческие монастыри

В канун Октябрьского переворота Москва имела два таких монастыря – Всехсвятский Девичий, за Рогожской заставой, возглавленный настоятельницей игуменьей Платонидой, и Никольский мужской, на Преображенском кладбище, под управлением настоятеля архимандрита Никанора. Последний был основан в 1866 году, но включал целый ряд более ранних архитектурных памятников. В его ансамбль входила церковь Николы с колокольней (1790-е гг., 1857 г.), надвратная церковь конца XVIII века, Братский корпус, построенный в 1801 году и монастырская колокольня, сооруженная в 1876–1879 годах по проекту архитектора Ф. И. Горностаева.

Единоверие понималось как вид воссоединения старообрядцев-раскольников с православной церковью, при котором за старообрядцами сохранялось право совершать богослужения и таинства по старопечатным, дониконианоским, книгам и по своим образцам при условии подчинения в иерархическом отношении православной церкви и принятия священнослужителей от православных архиереев.

С такой просьбой к правительству обратился в 1783 году старообрядческий инок Никодим, и в том же году образовались – в Таврической области – монастырь и приходские церкви. В 1800 году были учреждены единоверческие приходы, в каждой епархии подведомственные местному епархиальному архиерею.

С 1870 года единоверие становится одним из главных вопросов, обсуждаемых богословами. Исходным же моментом служил акт отмены клятв, произнесенных на дониконианоские обряды русскими соборами XVII века. Часто всплывал ответ патриарха Иоакима попу Никите Пустосвяту на дискуссии в Грановитой палате: «Мы за крест вас не мучим – креститесь как хотите, двумя или тремя перстами; мы порицаем вас за то, что церкви не повинуетесь и лишаете сами себя вечного спасения». Образование московских единоверческих монастырей как бы ставило точку в затянувшейся на века дискуссии.